

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. И. Чичеров

ШКОЛЫ СКАЗИТЕЛЕЙ ЗАОНЕЖЬЯ

к 971220

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Книга известного советского ученого-фольклориста В. И. Чичерова посвящена исследованию былин, искусству их исполнения. Автор, записывавший былины от народных певцов в 1926—1928 гг., анализирует местное своеобразие сказительских школ на русском Севере: певцов Кижей — знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина и его учеников, других мастеров — исполнителей эпоса. В типах сказительства предстают исторические разновидности содержания и форм русских былин: их героика, новеллистическая занимательность и морализирование.

Ответственный редактор

В. П. АНИКИН

ОТ АВТОРА

В конце 20-х годов XX в. в села и деревни Онего-Каргопольщины были направлены экспедиции советских фольклористов, перед которыми стояла задача выяснения современного состояния русского былевого эпоса, истории его бытования за последние сто лет и дальнейших путей его развития. Экспедиционный материал, собранный в 1926—1928 гг., сопоставленный с записями прошлого века, лег в основу книги о сказителях Заонежья.

В грозные дни Великой Отечественной войны, когда фашистские орды вторглись в пределы нашей Родины, заливая потоками крови просторы Советской земли и стремясь истребить народы, построившие социализм, завершилась работа над книгой о сказителях Заонежья — творцах народного искусства, потомки которых сражались в рядах Советской Армии.

Мастерами народного искусства, которые своими произведениями сделали значительный вклад в сокровищницу русской культуры, справедливо гордится русский народ. Характеризуя творчество Ирины Федосовой — олонецкой вопленицы, А. М. Горький назвал ее поэтессой, создающей произведения больших чувств, искренности, силы¹. Прочно вошли в русскую культуру произведения многих сказителей былин: Т. Г. Рябини-на, создавшего монументальные героические образы древнерусских воинов, Н. С. Богдановой-Зиновьевой, изображавшей людей с большими человеческими чувствами, презирающих ложь и коварство, — и других мастеров народного эпоса. Выяснение особенностей творчества русских сказителей, выразивших в исполнявшихся ими произведениях идеалы трудового народа, его отношение к действительности, ненависть и презрение к классовому врагу и к чужеземному насильнику, безграничную любовь и преданность Родине, является центральной задачей настоящей работы — первого опыта изучения творческих «школ» мастеров былин. Творчество их рассматривается в этой книге только в пре-

¹ Горький А. М. С Всероссийской выставки. — Одесские новости, 1896, 14 июня. [См.: Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953, т. 23, с. 230—234.]

делах старого эпического искусства. На основании собранных материалов делается попытка установить группы сказителей былин, существовавшие в Заонежье во второй половине XIX и начале XX в., привлекая при этом по возможности материал, восходящий к середине XVIII и к началу XIX столетий. В работу включены таблицы сопоставляемых текстов, не имеющие характера самостоятельных исследований, но являющиеся материалами к исследованию и подтверждающие наблюдения и выводы о творческих индивидуальностях сказителей². Такие материалы могут быть полезны и для будущих исследователей эпоса, которые коснутся вопросов творческих «школ» мастеров русского эпического искусства.

В «Школах сказителей Заонежья» рассматривается работа сказителей над исполнявшимися ими былинами. Памяти этих сказителей, хранивших и создававших замечательные произведения русского эпоса, посвящает свою книгу автор.

² Сопоставительные таблицы даны в Приложении со своей пагинацией. Ссылки на них см. в тексте книги.— *Ред.*

СЕВЕР — ХРАНИТЕЛЬ БЫЛИН

Кому же русский народ обязан сохранением до наших времен этих замечательных старинных песен? Кто эти счастливые хранители старинного художественного наследия? Их надо искать... в глухих северных деревнях, в скромных деревенских избах, среди неграмотных простых крестьян.

Б. М. Соколов. Сказители. М., 1924, с. 16.

А. М. Горький, а вместе с ним и некоторые ученые, работавшие в области фольклора, не раз утверждали: эпическая поэзия всегда одновременна описываемым событиям. Мы определяем былины как эпические песни, отразившие факты русской истории, в основном X—XVI вв.: <...> былины — отражение истории в поэзии народа.

Былины слагались в центрах событий. Они циклизировались вокруг Киева, Галича и Волыни, Новгорода, а позднее — Москвы. В эпических песнях звучит то, чем жила средневековая Русь, что ее волновало, заботило. Борьба за родину с многочисленными врагами, нападавшими на Русь с востока и с запада; междоусобицы и борьба городов за первенство на Руси; бурная, своеобразная жизнь Великого Новгорода; жизнь других городов — все до сих пор сохранено в былинах, дающих ясное ощущение политических тенденций создателей былин — выразителей настроений, чаяний народа.

Все это тематически разнообразное творчество, создававшееся и в южных, и в северных областях и распространенное по всей обширной русской земле, к концу XIX в. оказалось заключенным в территориально узкие рамки европейского Севера России. В других районах эпос вымирал, хотя следы его обнаруживаются повсеместно. Еще и сейчас былины-баллады можно встретить даже под Москвой, не говоря уже о других районах. Но героические былины и старинные былины-фаблы обнаруживаются в центральных областях лишь как исключения.

Подробный обзор географического распространения былинных богатств был сделан В. Миллером еще в 1894 г.¹: обзор В. Миллера остается в силе и в наши дни, так как собрание былин в конце

¹ *Миллер В. Ф.* Наблюдения над географическим распространением былин. — Журн. мин. нар. проsv., 1894, № 5. См. то же: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. 1, с. 65—96.

ХІХ и в начале ХХ в. только детализировало наблюдения. В. Миллер указывал, что на Украине былины вовсе не встречаются. В Белоруссии также былин почти нет; сделанные записи представляют былевой эпос сильно измененным. В среднерусских, западных и южных областях былины либо неизвестны, либо сохраняются как скудные остатки. Поволжье несколько богаче былевым эпосом, причем низовья Волги знают его лучше и в большем объеме, чем верховья, но уже в особой форме — полупесни-полубылины. Былинные богатства обнаруживаются в казачьих районах Юга, бывших некогда окраинами государства. Там известны многие былевые герои разных сюжетов.

Былины казачьих районов имеют другую форму, чем на Севере. Они в большинстве случаев в казачьих районах поются как хоровые массовые песни. Сибирские записи показывают сравнительно небольшие богатства былин. На огромной территории Сибири в ХІХ—ХХ вв. было обнаружено всего лишь два крупных оазиса: на Алтае и на Колыме. В других местах Сибири сделаны единичные записи. В лучшем случае сибирскую традицию можно проследить до середины ХІХ в.: далее следы ее теряются. Как утверждает крупнейший знаток сибирского фольклора М. К. Азадовский, былинная традиция в Сибири в наши дни умерла ².

Былинные богатства обнаружены в районах Озерного края, Пинеги, Мезени, Печоры, побережья Белого моря.

Эпическая песенная поэзия продолжает жить на Севере, и Север мы вправе назвать хранителем былин. Причины сохранения там былин разнообразны. Говоря о них, следует отдельно рассматривать вопрос проникновения былин на северные окраины в пору средневековья и вопрос сохранения там былин в ХVІІІ—ХХ вв.

Первые исследователи былевого эпоса — П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг — одной из основных причин сохранения былин в Онего-Каргопольщине считали вековую глушь, оторванность Севера от культурных центров. Их объяснение сохранности былин повторялось и другими учеными; при этом наблюдения Рыбникова и Гильфердинга, касавшиеся ХІХ в., нередко распространялись на многие столетия, переносились в глубь веков.

Глушь Севера, о которой столько говорилось и писалось, не может быть сочтена основной причиной сохранения былин. Только после реформ Петровского времени, после утраты прежнего значения старых северных путей, Север действительно оказывается оторванным от центров культуры. Петровский период русской истории определил судьбы Севера вплоть до Октябрьской революции. Исследователь торговых путей, игравших столь значительную роль в жизни русского Севера, С. В. Бернштейн-Коган писал: «В ХVІІІ веке произошло значительное изменение в геогра

² Письмо М. К. Азадовского к автору настоящей работы от 4 марта 1939 г. Подробный перечень сибирских записей былин см. в кн.: Былины и исторические песни из южной Сибири/Записи С. И. Гуляева; Редакция, вступит. статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.

фин транспорта и торговых путей благодаря возникновению Петербурга, через который сначала в принудительном порядке, а затем естественным путем, в ущерб Архангельску, пошла внешняя торговля. В связи с этим получила большое значение Вышневолоцкая система и вся Волга»³.

В средние века северные районы были связаны с Новгородом. Новгородская культура распространялась по рекам Севера, по торговым путям. Следы ее видны в традиции строений, в одежде северян, в кустарных промыслах. Новгород, как крупный культурный центр, оказывал значительное влияние на близлежащие районы и в особенности на те, с которыми был связан социально и экономически. Значение этого старейшего города Древней Руси отчетливо осознавалось современниками даже после перенесения великокняжеского стола в Киев. Уже во время суздальского княжения Всеволода Юрьевича (умер в 1212 г.) Лаврентьевская летопись указывала: «А Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли». Новгород с XII в., а может быть, даже раньше, завязывает торговые сношения с Западом. С XIII в. Новгород — значительнейший центр Восточной Европы. Владения Новгорода Великого простирались от «Северного океана» до Урала.

Область Новгорода, состоявшая из пяти частей — пятин: Вотской (между реками Волховом и Лугой к Финскому заливу), Деревской (к юго-востоку, между реками Мстою и Ловатью), Шелонской (к юго-западу, между реками Ловатью и Лугой), Бежецкой (к востоку и юго-востоку) и Обонежской (на северо-восток, справа от Волхова, к Белому морю по обе стороны Онежского озера), распространяла свое влияние далеко за пределы названных пятин. Пятины начинались около Новгорода, шли от него радиусами и переходили в окраины, за которыми Новгород распространял колонизацию на далеком северо-востоке России. За Обонежской и Бежецкой пятинами лежали земли, богатые мехами и многими другими ценностями, привлекавшими внимание новгородцев. За волоком, разделяющим бассейн Онеги и Северной Двины от бассейна Волги, лежала Двинская земля, или Заволочье; тут же недалеко (по реке Вычегде) была Пермская земля; за Заволочьем и Пермской землей находилась волость Печора (по реке Печоре), а за хребтом Северного Урала — волость Югра; на северном берегу Белого моря была волость Тер, или Терский берег. Все они стали новгородскими землями, не входившими в пятинное деление⁴. Движение новгородцев в эти земли шло через Обонежскую и Бежецкую пятины, через Прионежье, Водлозеро, Кенозеро, Каргопольщину, сохранившие былевой эпос до наших дней.

Новгородская колонизация в XIV—XV вв. проникала на север и северо-восток параллельно с монастырской колонизацией,

³ *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М.; Л., 1930, с. 265.

⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937, ч. II, с. 59—60.

сыгравшей значительную роль в распространении культуры в то время. «Движение шло полосами по рекам, не соблюдая географической последовательности,— писал В. О. Ключевский,— делая широкие скачки от Троицко-Сергиева монастыря к Белоозеру (монастырь Кирилла Белоозерского), а с Белоозера прямо на Соловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же к Белому морю из Новгорода. Во второй половине XV в. монастырская колонизация перешла из Белоозерского края в бассейн р. Онеги: постриженник Кириллова монастыря, препод. Александр Ошевцев поставил Ошевенский монастырь к северу от Каргополя⁵ на притоке р. Онеги, получив пособие от радетелей Новгорода, а между тем, еще в 1429 г., более ранний постриженник того же монастыря, Савватий, поставил первую келью на Соловецком острове, где вскоре после его смерти выходец из Новгорода Зосима устроил знаменитый Беломорский монастырь⁶.

В результате параллельной колонизации Севера Новгородом и монастырями городская культура торгового города переплеталась с монастырской, распространявшейся и утверждавшей христианство в осваиваемых местностях. Путь и тех и других колонизаторов был общим — это был путь через Озерный край.

Социально-политическое устройство Новгорода было своеобразно. Оно отличалось от устройства других княжеств. В то же время Новгород был связан с княжествами Юга. Эта связь, особенно отчетливая во время Рюриковичей, когда новгородцы получали себе князя из рук киевского князя, не прерывалась и в дальнейшем. Новгородские земли входили в состав Руси. Государственное единство новгородских земель с землями других княжеств обусловило взаимовлияние материальной и духовной культуры. Что касается былевого эпоса, то в торговый Новгород безусловно должны были проникать былины южной Руси. Невозможно определить, где раньше зародились былины как художественная форма: в северных или южных землях. Можно утверждать только существование в Новгороде былевого эпоса, созданного в разных княжествах. Видимо, проникновение южных былин в земли Новгорода шло особенно широко в годы татарского нашествия, когда часть населения Юга переселялась на Север и героическая тема былии приобрела особое значение призыва к борьбе с врагами.

Былевой эпос в его различных формах бытовал в средневековом Новгороде, имел там условия для дальнейшего развития и совершенствования и распространялся по окраинам новгородских земель, следовал по торговым путям. Поэтому Новгород и его северные окраины уже в средние века были районами бытования былинного эпоса.

Развитие и совершенствование былевой эпической поэзии на Севере вполне соответствует общему процессу развития музыкального и словесного искусства в Новгороде периода его славы и

⁵ На пути из Каргополя на Кенозеро.

⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории, с. 266—267.

богатства. Н. Ф. Финдейзен в обширной работе⁷ посвящает Новгороду особую главу и рассказывает о расцвете в этом городе скоморошьяго искусства, «распространении чисто славянского народного музыкального инструмента — гуслей» и о параллельном с народным творчеством развитии церковно-музыкального искусства: церковного пения и колокольного звона, славящегося по всей Руси⁸.

Но так же, как некоторые знаменитые новгородские колокола, так же, как почти все древнейшие памятники церковно-певческой письменности, традиция скоморошьяго искусства и самые былины в последующие годы исчезли из Новгорода и близлежащих к нему земель. В 1478 г. Новгород был присоединен к Москве, и его политический разгром одновременно означал и изменение судеб его искусства. В Москву и ее ближние земли отзывались знаменитые в искусствах лица. Так, карелы по национальности Василий и Савва Роговы (Василий считается одним из создателей трехголосного пения) были переведены в Ростов. От Роговых идет целая школа церковных распевицков и певцов, деятельность которых в значительной ее части перенесена в Москву⁹.

Также покидали Новгород по приказам московского царя известные скоморохи. В летописях рассказано не только о выселении коренных новгородцев из их земель и заселении Новгорода новыми людьми; в летописях (см., напр., 2-ю Новгородскую летопись под 1571 г.) встречаются такие записи: «В те поры в Новгороде и по всем городам и волостям, на государя брали веселых людей...», «поехал из Новгорода на подводах, к Москве, Суббота (дьяк) и со скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах к Москве»¹⁰. Дьяки, певцы, распевицки, скоморохи поневоле или по собственному желанию покидали Новгород, перенося из него свое искусство на новые места. Традиции искусства Новгорода жили полнокровной жизнью на окраинах новгородских земель.

Московское влияние еще долгое время после падения Новгорода проникало в окраинные земли торгового города через самый Новгород. Вплоть до 2-й четверти XVII в. заонежские погосты, например, подати отвозили в Новгород и были подсудны новгородским воеводам. Торговый путь, проходивший через Онежское озеро, продолжал связывать Поморье (Двину, Онежскую губу) с Новгородом. С 1624 г. в заонежские погосты стали назначаться отдельные воеводы; с 50-х годов XVII в. воеводское управление в погостах закрепляется, и центром воеводства становится Олоонец. Традиционные связи Севера с Новгородом, отраженные даже

⁷ Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России. М.; Л., 1928, т. 1, с. 105—144.

⁸ Н. Ф. Финдейзен, в частности, сообщает следующее: «В Новгороде развивается постепенно своя русская знаменитая нотация, развивается своя школа церковного пения» (там же, с. 143).

⁹ Там же, с. 137—139.

¹⁰ Полное собрание русских летописей, т. III, с. 167.

в названиях некоторых прионежских деревень (например, «Боярщина» — поселение, закрепленное за новгородскими боярами), сохраняются и в XVII в.

Вместе с тем начинает сказываться и культурное влияние самой Москвы. В XVI—XVII вв. Север оказывается связанным с путями из Москвы за границу¹¹. И в этот период Север не был глухим, заброшенным местом. Связь с Москвой обеспечивает проникновение на Север московской былины и исторической песни; они были восприняты и переработаны местными непрофессиональными народными певцами (сказителями) и профессиональными певцами (скоморохами). Роль тех и других в деле создания и сохранения былин очень велика. До нас не дошло сведений о непрофессиональных певцах, но о скоморохах, об их роли в народном искусстве на основании разнообразных документов можно составить достаточно четкое представление.

Сказывание былин скоморохи включали в число известных им искусств. Наряду с театральными представлениями, скоморошьями играми в личинах, с медведями и т. п. скоморохи рассказывали народные сказки, пели былины. О последнем свидетельствуют сами былины (см. «Добрыня и Алеша», «Ставр Гоудинович» и др.). Исполняя народные эпические песни, скоморохи накладывали на них отпечаток своего профессионального мастерства, отчеканивали их форму. Совершенство былинной поэзии и создано в результате совместных творческих усилий непрофессиональных сказителей из народных масс и средневековых актеров, фиглярско-скоморохов. Уже один из первых исследователей скоморошества на Руси И. Д. Беляев¹² говорил о скоморохах как о представителях древних народных традиций и хранителях искусства, созданного народом.

Скоморохи отображали народные идеалы и оппозиционные настроения народных масс в отношении властей и господствующих классов¹³. Их «действия» и «игры» находились в полном соответствии с переживаниями народа. Интересный факт приводит, например, Сигизмунд Герберштейн. В 1523 г., когда Шемячич въезжал в Москву, «шут некий ходил с метлами и лопатой и в ответ на вопрос, что это означает, говорил, что царство еще не очищено и теперь настало время вымести всякий сор из него»¹⁴.

¹¹ Так, еще в середине XVI в. (1562 и 1564 гг.) монахи Печенгского монастыря (на Кольском полуострове) ездили в норвежскую крепость Вардегус торговать рыбой. Примерно тогда же торговые голландские и английские суда заходили в беломорские гавани; на Севере строились конторы, склады. Русские промышленники, покидая свои северные земли, ходили на судах в норвежские гавани.

¹² См.: Беляев И. Д. О скоморохах. — Временник Московского общества истории и древностей российских, 1854, кн. 20.

¹³ Ср., например, идейную направленность скоморошья былины «Вавило и скоморохи».

¹⁴ Может быть подвергнуто сомнению, что «шут некий» — скоморох. Но вряд ли мог Герберштейн принять юродивого за шута. Нам кажется вполне допустимой и правильной трактовка А. И. Кирпичникова, отождествившего «шута» со скоморохом.

Сатиричность искусства скоморохов вызывалась не простым стремлением побалагурить и пристойными или непристойными шутками вызвать смех. Скоморошья сатира отразила классовые тенденции народа. Она находила опору и в личном положении скоморохов, в их жизни и взаимоотношениях с церковью и светской властью.

Оппозиционные настроения в скоморошьей среде усиливались по мере увеличения гонений на них. Предаваемые с давних пор проклятиям церковью¹⁵ и преследуемые с XVI в. светской властью, скоморохи стали гонимыми людьми, не имеющими пристанища, людьми, которых официально запрещалось принимать и слушать.

Государевым указом повелевалось: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел вынимать и, взломав те бесовские игры, велел жечь... А которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине в третье и в четвертые, и тех, по нашему указу, велено сылать в украинные города за опалу»¹⁶. С тех же, «кто, забыв страх божий и смертный час», будет принимать у себя бесовских служителей, «привать пени по пяти рублей за человека»¹⁷. В результате преследований, гонений скоморохи, наказываемые и ссылаемые, фактически объявленные вне закона, неизбежно должны были или превратиться в ватаги «воров», таящихся от власти, как это и случалось, или уйти за пределы досягаемости, на окраины, в добровольную ссылку.

Ссылаемые и преследуемые скоморохи нередко попадали в северные новгородские земли, где скоморошья традиция существовала издавна. Бродячие скоморохи встречались с оседлыми. Люди разных традиций и разных поколений, но одной профессии получали возможность обмена своим искусством. Именно Новгород и его окраинные земли славились скоморохами и скоморошьям искусством. Можно себе представить, насколько там была благодатна почва для восприятия нового слоя искусства ссылаемых скоморохов.

Н. Ф. Финдейзен на основании обследованных им документов дает сводку материалов о скоморошьях поселениях XV—XVI вв. в Новгородских пятинах. Сведения интересны, в частности, для уяснения вопроса «встречи скоморохов», оседлых и ссылаемых на Север в XVII в. Н. Ф. Финдейзен пишет: «...остатки скоморохов... доживали свой век преимущественно в Загородном и Гончарском концах Новгорода»¹⁸ (т. е. в двух из пяти).

¹⁵ Ср., например, предание о Феодосии Печорском, явившемся к князю на шир.

¹⁶ См. грамоту в Белгород с текстом царского указа 1648 г. в кн.: Описание Государственного архива старых дел, составленное инспектором Государственных архивов и членом разных ученых обществ П. Ивановым. М., 1850, с. 296 и след.

¹⁷ Акты юридические, изданные Археографической комиссией (1838, № 334).

¹⁸ Об этом см.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911.

В двенадцати погостах Деревской пятины можно насчитать не менее шести деревень, носивших наименование Скоморохов или Скоморохово, и не менее тринадцати деревень, в которых жили оседлые скоморохи. В Деманском присуде (в самом городе «Дѣмант» и двух других погостах) были две деревни скоморохов и в трех других жили отдельные скоморохи. В двух погостах (Налючском и Ульяновском) Курского присуда были две деревни: Рога и Скоморохово, где жили скоморохи. В двух погостах (Жабенском и Бродском) Моревской волости жили скоморохи. В волости Буец — в деревне На Каменном был двор Васки Скомороха.

Скоморошьи дворы и деревни были также в погостах Холмском и Дмитревском-Городенском, в городах Копорье и Орешке Вотской пятины, в погостах Егорьевском, Радшинском и Куйвошском, в погостах Ручайском и Воскресенском Шелонской пятины, в Вышгороде, в Бежецкой пятине. Скоморохи, по данным описи 1500 г., значились и в городах Карелии: семь — в Ладогe, шесть — в Кореле, пять — в Яме¹⁹. О богатой скоморошьей традиции на Севере говорят не только писцовые книги, но и другие документы. Адам Олеарий, например, в своем «Путешествии» сообщает именно о северных, ладожских скоморохах²⁰. Свидетельство Олеария тем более интересно, что оно говорит о богатстве скоморошьего искусства на русском Севере в XVII в. (заметка Олеария датируется 1633 г.).

Как видно, на русском Севере существовала прочная традиция народного искусства. Помимо непрофессиональных певцов, там были многочисленные певцы-профессионалы, скоморохи, искусство которых первоначально культивировалось в Новгороде, а после его разгрома сохранилось на окраинах новгородских земель, где было поддержано местной традицией и слилось с искусством скоморохов, ссылаемых и бежавших на окраины государства из средних и южных областей.

Север, стало быть, издревле был местом, где расцветало устное народное творчество. Оно было удержано памятью крестьян, живущих на берегах северных озер, вплоть до нашего времени в силу особых условий жизни и труда.

Записи былии, сделанные в XIX—XX вв., дают обширные материалы для суждений о состоянии эпических богатств в прошлом и настоящем. Правда, в самом районе Новгорода и прилегающего к нему Белозерья былии и исторических песен записано немного; и все же они свидетельствуют о былом распространении эпической поэзии. В этих районах, например, записаны былины, известные также в районе Онежского озера, Печоры, побережья Белого моря, Мезени, Пинеги: «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей», «Добрыня и Змей», «Добрыня-сват» («Дунай»), «Добрыня и Алеша»,

¹⁹ Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России, т. 1, с. 150—151.

²⁰ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

«Алеша и Тугарин» и др.²¹ Помимо этих былин, общими для всех районов новгородской колонизации являются былины-баллады «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра». Тексты былин, известные во всех районах былевого эпоса, сохранились Новгородом и Белозерьем в большинстве случаев в дефектных вариантах. Разгром Новгорода, его дальнейшие политические и экономические судьбы воздействовали на состояние былин в этих районах.

Но как только мы обращаемся к районам новгородской колонизации, последовательно двигаясь на север и северо-восток, обнаруживаются значительные былинные богатства хорошей сохранности. Общими для бывших колоний Новгорода оказываются разнообразные былины: воинские и новеллистические. В районах Онего-Каргопольщины, Печоры, в районах Беломорья, Мезени, Пинеги записаны за время 1830—1935 гг. былины: «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья и сын», «Илья и голи кабацкие» (ссора Ильи с кн. Владимиром), «Илья и Святогор», «Поездки Ильи», «Соловей Будимирович», «Васька-пьяница (Василий Игнатьевич и Батыга)», «Чурила и Катерина», «Иван Гоудинович», «Василий Буслаев», «Сорок калик со каликою», «Царь Соломан и Василий Окулович», «Небылица», «Иван Грозный и сын».

Помимо перечисленных сюжетов, в тех же районах (но не во всех) зафиксированы, иногда в многочисленных записях, другие былинные сюжеты. Так, например, былины «Добрыня и Василий Казимирович», «Ставр Гоудинович» записаны в районах Онего-Каргопольщины, Печоры, Пинеги, Мезени; «Вольга и Индейское царство», «Садко», «Идолище сватается к племяннице кн. Владимира» — в Онего-Каргопольщине, на побережье Белого моря, на Печоре; «Князь и старицы», «Сухман», «Михайло Данилович» — в Онего-Каргопольщине, Беломорье, на Мезени; «Данило Ловчанин», «Казарин» — в Беломорье, на Пинеге, Мезени, Печоре; «Князь Роман и Марья Юрьевна», «Добрыня и Илья» — в Беломорье, на Пинеге, Мезени; «Добрыня и Дунай (бой)», «Добрыня и Маринка», «Михайло Потык», «Дюк Степанович», «Хотен Блудович», «Горе» — в Онего-Каргопольщине, Беломорье, на Мезени, Печоре; и т. д.

Приведенный перечень сюжетов, зафиксированных во всех или почти во всех районах новгородской колонизации, составляет основной фонд былевого эпоса. Эти сюжеты, безусловно, не исчерпывают всего богатства былин Севера. Кроме указанных, здесь записаны и менее распространенные былины, созданные в средневековье и в последние столетия. По месту происхождения былины, сохраненные на севере, относятся и к югу (Киев, Галич, Волынь), и к центральной полосе (Москва, Тверь, Ростов), и к северу (Новгород и прилегающие к нему районы: Обонежье, Каргопольщина, побережье Белого моря, Мезень, Пинега, Печора). Об этом свидетельствует сюжетика былин, их историческая основа. Север в

²¹ Библиографию былинных текстов см. в кн.: Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938, т. 1, с. 551—648; М. Л., 1951, т. 2, с. 697—808.

XIX—XX вв. оказался средоточием южных и северных былин в силу комплекса указанных выше причин²². Однако наблюдавшийся расцвет былевого эпоса на Севере еще не раскрывает причин сохранности былины в этих местах вплоть до наших дней. Ведь песенная эпическая традиция до того времени существовала и в других местах (ср., например, сборник Кирши Данилова); однако в XIX—XX вв. былины почти повсеместно исчезли.

Изменившиеся условия жизни на Севере в XVIII—XIX вв. создали необходимые условия, благодаря которым эпос сохранился в памяти людей, а эпическая поэзия вошла в быт северян²³.

Самый строй крестьянской жизни на Севере способствовал не только сохранению былин, но и дальнейшему их развитию. Хотя на Севере нищета крестьянских деревень была так же ужасающа, как и в других местах России, но там были видоизменены формы классового гнета; там не было крепостного права; крестьянин не знал ни барщины, ни оброка. Указанные особенности жизни давали северным жителям больше условий для создания культурных ценностей, проявления своих творческих возможностей. Крестьянин осознавал себя человеком, чувствовал собственное достоинство. В этом отношении характерен эпизод, рассказанный П. Н. Рыбниковым об одном из талантливейших сказителей Прионежья — Т. Г. Рябинине: «Слово „гордость“ не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется деликатность, так что это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и к другим. Для характеристики этого самоуважения расскажу здесь случай из его жизни: один из полицейских чиновников прежнего времени попросил с него взятку за какое-то дело; Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать через деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками; Т. Г. спокойно отстранил его прочь от себя и заметил ему суровым голосом: „Ты, ваше благородие, это оставь; я по этим делам никому еще долгон не оставался!“²⁴.

Независимое и критическое отношение крестьян к царским чиновникам наблюдалось на Севере повсеместно. В Поморье, например, чиновников называли «царскими нищими». Такие настроения с давних пор были характерны для крестьян, преимущественно выходцев из новгородских земель; в крестьянстве было развито оппозиционное отношение к господствующему классу. Впоследствии Север стал местом ссылки опальных людей Московского государства, противостоявших политике властей; а еще позднее — местом ссылки революционеров. Современное население Севера

²² Переходом южных былин на север объясняется соединение разнообразных черт (например, Галицкой, Московской, Новгородской Руси) в таких былинах, как «Чурило Пленкович» и «Дюк Степанович». Переход былины с юга на север был удачно показан А. В. Марковым на примере былин о князе Романе.

²³ См., например: *Рыбников П. Н. Песни*. М., 1909, т. I, с. XXI—XXII.

²⁴ Там же, сноска на с. XXIX.

кровно связано с первыми засельниками его ²⁵. Оппозиционные мечты и настроения крестьянства Севера выражены во многих произведениях народного искусства — например, в сказочном эпосе, в причетах (в особенности в политических плачах И. А. Федосовой). Вольнолюбивость былевого эпоса должна была импонировать крестьянину, и образ богатыря Ильи Муромца, резко и прямо разговаривающего с князем, и общая антибоярская тенденция старин были сохранены северным крестьянином, стали выражением его настроений. Эта вольнолюбивость звучит в былинах, не только слагавшихся в Киевской и Новгородской Руси, но и в созданных непосредственно крестьянами русского Севера. Олонецкий богатырь Рахта Рагнозерский полон сознания собственного достоинства. Спокойно и степенно выслушивает он речь царского посла, зовущего его защитить Москву от борца-насильника, и так же, как Илья Муромец, в минуту опасности идет на защиту Русской земли. Он, крестьянин, говорит с царем и царевыми слугами, как равный с равным.

А. Ф. Гильфердинг, отмечая всю тяжесть жизни крестьянина, писал: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал. Он поражает путешественников столько же своим радушным гостеприимством, сколько отсутствием корысти» ²⁶. Природная отвага, смелость, выработанная работой многих поколений на море и «батюшке-Онеге» или в непроходимых лесах, также отмечаются всеми исследователями Севера как характерные черты местных крестьян.

Доктор Мартынов, сосланный за политические убеждения в Печорский край, писал: «Русское население на Печоре... заметно отличается большою самостоятельностью, сметливостью и предприимчивостью. Объясняется это, с одной стороны, отсутствием

²⁵ Так, например, в отношении Печоры Н. Е. Ончуков справедливо писал: «Первый засельник Усть-Цылемской волости был новгородец Ивашка Ластко, с товарищем Власком основавший слободу Усть-Цыльму в 1542 г. К новгородцам мало-помалу стали приходить пришельцы с Мезени, Шиньги, Кевролы, Двины и других рек, гонимые тяготой жизни со старых мест и искавшие вольности на новине. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы, или потомки их... Волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московского государства, прямыми потомками которых и являются нынешние пустозеры. Первые русские засельники волости были военные люди... «Городок» (Пустозерск) со времени самой отдаленной старины русской служил местом ссылки многих боярских фамилий, подпавших под царскую опалу. Из лиц опальных, кроме многих малоизвестных в истории, в Пустозерске бывали лица с крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгоревшего здесь со своими товарищами на костре за свою идею, в Пустозерске семь лет (с 1676—1682) выжил боярин Артамон Матвеев, двадцать лет прожил (с 1691 по 1710 г.) князь Василий Васильевич Голицын; в начале же XVIII века жил здесь князь Семен Щербатов. Эти опальные лица приезжали в Пустозерск не без провожатых и не без челяди» (Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904, с. XII).

Сведения, кратко сообщаемые о Печоре Н. Е. Ончуковым, могут быть расширены и дополнены данными из других мест русского Севера.

²⁶ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее расподоы.— В кн.: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб., 1873, с. VIII.

здесь крепостного права, а также и самыми особенностями экономических условий в стране, где климат и почва не позволяют заниматься исключительно земледельческим трудом, а заставляют обратиться к лесным, речным и морским промыслам, сопряженным с большой опасностью»²⁷.

На это же указывает А. В. Марков: «Население Зимнего берега отличается отважностью, презрением к опасностям морского плавания и звероловных промыслов; на Белом море известно, что нет „старательнее золотигского народа — промышленный народ“; вместе с тем он отличается открытым обращением, резкой, бойкой речью и чужд всякой застенчивости»²⁸.

Образы богатырей, полных неукротимой отваги, необычайной силы, по их характеру, их очертаниям были близки деятельному крестьянину. Это были идеалы неустрашимости, находчивости: с действиями богатырей крестьянин сопоставлял себя и свою работу. Характерны замечания сказителя Василия Васильевича Амосова о Микуле²⁹. Амосов говорил о Микуле как о богатыре-крестьянине и представлял его работающим в обстановке северной деревни, на пашнях которой приходится работать сказителям и слушателям былин.

Вообще вживание в былинные образы и сопоставления переживаний и действий героев былин с современной сказителям общественной и личной жизнью очень характерны для северных сказителей. Былины воспринимаются ими как мудрое повествование о былом, но близком современности. Не случайно М. Д. Кривополенова в годы войны 1914—1917 гг., выступая в Москве, рассказывая в своем пении о нашествии царя Калина и его желании покорить Киев-град, заметила: «Как германе ведь!». И в связи с этим замечанием по-новому, современно событиям войны, зазвучало повествование об Илье, зацитившем и спасшем Русь.

Та же самая «лесная старушка», как прозвали Кривополенову в Москве, связывала любимые былины со своей жизнью. Она, например, не могла от душивших ее слез петь старину «Князь Роман жену кончал»: эпическая песнь в ее памяти вызывала воспоминание о смерти ее дочери.

Подобно этому, другая сказительница, с реки Печоры, Федосья Чуркина, плакала, исполняя историческую песнь про Скопина: песнь ей напоминала о сыне, служившем в Петербурге в солдатах.

Жизненность событий, описываемых в былинах, близость их пережитому и переживаемому рождали глубокую уверенность в действительности воспетого. Вера в подлинную историчность лиц и событий, изображенных в былинах, — характерная черта бытования эпической поэзии. Она также способствовала сохранению

²⁷ Чит. по кн.: Соколов Б. М. Сказители, с. 34.

²⁸ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901, с. 6.

²⁹ См. рукопись сборника «Онежские былины». Экспедиция под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых, с. 1097. — Архив Государственного литературного музея. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины. М., 1948, с. 628].

эпоса. Об этой вере говорили все собиратели. Они отмечали, что неверие в истинность рассказываемого былиной вызывало всеобщий отпор. В. Н. Харузина, например, дает такую запись в своей книге «На Севере»:

«Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор: „— Ай да старик, как поет, ну уж потешил!..“ Утка улыбался, лицо его приняло опять обычное выражение. — „Пожалуй, и сказка все это“, — нерешительно проговорил один мужик. На него набросились все. — „Как сказка? Ты слышишь, старина это...“ — „Мне во что думается: кому же под силу — вишь, ведь как он его“. — „На то и богатырь — ты что думаешь“».

Известный сказитель Иван Трофимович Рябинин во время своих выступлений в Москве на вопрос слушающих былины, выражающий сомнение в действительности повествуемого, отвечал: «Знамо дело, правда, а то кака же потреба и петь их?».

Значение былевого эпоса для народа было ясно еще первым русским фольклористам. Ф. И. Буслаев <...> писал: «Высокая образующая сила эпоса состоит в том, что он, за отсутствием других цивилизующих начал, в течение столетий может питать в народе... зародыши гуманных идей и благородных стремлений. Он подготавливает ту плодотворную почву, на которой при благоприятных обстоятельствах прочно и последовательно возникает истинная цивилизация, потому что только он один не перестает поддерживать в них хотя бы и смутное сознание своего нравственного достоинства, сознание в себе человеческого существа»³⁰.

Самая жизнь и характер работы не только обусловили восприятие богатырей как героев северных крестьян, но и содействовали сохранению былинного эпоса и его развитию. Н. Е. Ончуков, ездивший на Печору, например, рассказывал: «Осеновья — это ловля белой рыбы осенью или в начале зимы на озерах. На осеновья уезжают обыкновенно артелями в 6—7—10 человек. Уезжают с запасами провизии за много верст от двора, за 100—150 и больше, где и проводят осеннюю распутицу, а по первому снегу возвращаются домой. День на Печоре осенью... очень короток и, проработав часов 5—6, при наступившей темноте все принуждены на невольный отдых. Работы кончают в 3, в 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чем, делиться нечем, все знают о каждом порознь всю подноготную. Вот тут-то и выступают на сцену сказочники и старинщики, которых, говорили мне, нарочно стараются всеми мерами залучить в артель составляющий ее староста. В хорошем старинщике на осеновье такая потребность, что старинщики пользуются некоторыми преимуществами в совершенно равноправной артели... Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что обыкновенно исполняют малолетние и подростки... пользующиеся, однако, совершенно одинаковым паям с остальными членами артели»;

³⁰ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887, с. 79.

при разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи...»³¹.

Многие известные сказители прошлого и настоящего времени, жившие в разных местах Севера, подтверждают правильность наблюдений Ончукова. В рыбацких артелях, в лесных охотничьих избушках сказители работали для своих товарищей, развлекая их, увлекая их воображение. И за это они пользовались особыми преимуществами и уважением. Такое уважение окружало Т. Г. Рябинина, с малолетства из-за нужды чинившего сети, ловушки и прочее по чужим людям, а впоследствии вошедшего в дом хозяина и ставшего, по выражению А. Ф. Гильфердинга, исправным хозяином. Такое уважение окружало и Касьянова, три года избиравшегося волостным судьей, и других выдающихся сказителей. Рябинину, например, ловцы говорили: «Если бы к нам пошел, мы бы на тебя работали; лишь бы ты нам сказывал, а мы тебя все бы слушали»³². Сказители своим искусством скрашивали непримечательную жизнь крестьянина, на время уносили его в мир героических образов и глубоких чувствований. Искусство сказителей было любимо народом, отвечало его внутренним потребностям. Живая, восприимчивая среда окружала их, а условия труда и местные географические особенности создавали благоприятную обстановку для бытования былин. Бесконечные осенние вечера и зимние ночи наполнялись исполнением произведений народного творчества.

Именно социальное положение, условия труда, быт крестьянства Севера сохраняли былины в памяти народа.

К этим перечисленным причинам многие ученые, начиная с времен Гильфердинга, упорно прибавляли неграмотность. Указание на неграмотность крестьян Севера как на фактор, содействующий сохранению былин, явно ошибочно. Неграмотность не играла никакой роли. В середине XIX в. крестьяне были почти поголовно неграмотными по всей России, и тем не менее центральные и западные области уже тогда утратили былевой эпос. Записи, сделанные в центральной полосе в пору деятельности П. В. Киреевского, представляют в большинстве случаев дефектные тексты.

Если бы даже мы допустили, что А. Ф. Гильфердинг прав в своих рассуждениях о грамотности, то при ближайшей проверке этого положения фактами последние должны были бы опровергнуть его. Дело в том, что грамотных на Севере было даже больше, чем в центральной и южной полосе. Об этом говорят статистические данные середины и конца XIX в., уже ставшие в связь с явлениями жизни фольклора на Севере³³.

Вместе с тем разница в количестве грамотных на Севере и на Юге была настолько незначительна, что не могла влиять в ту или

³¹ Ончуков Н. Е. Печорские былины, с. XXIII—XXIV.

³² Рыбников, т. I, с. XVIII.

³³ См.: Сказки М. М. Коргуева/Записи, вступительная статья и комментарии А. Н. Нецаева; Предисловие М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1939, кн. 1, с. XXXVI—XXXIX.

другую сторону на сохранность былин. Не неграмотность или грамотность населения Севера, а указанные выше особенности жизни обусловили ясность и сохранность древнего эпоса. Замкнутость северных районов, изолированность их от городов, где росла, развивалась буржуазная культура, поставили Север в особые условия. Еще наблюдения А. Ф. Гильфердинга заставили его сказать: «Сравнительно с Водлозером и Кенозером, берега Онежского озера, соединенного водным путем с Петербургом, суть места, гораздо более открытые влияниям, убивающим эпическую поэзию в народе, и потому неудивительно, что здесь она уже представляет признаки вымирания»³⁴.

По свидетельству А. Ф. Гильфердинга, на Водлозере и Кенозере, изолированных из-за труднопроходимых дорог, болот, озер, еще в 70-х годах XIX в. процветало народное искусство. О жизненности его говорит распространение былин в 70-х годах в районах, ранее не знавших эпической поэзии, районах, освоенных позднее других. «На Кенозере, — писал А. Ф. Гильфердинг, — воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии... эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов. То же самое можно сказать и про Водлозеро, где только начинают прививаться былины»³⁵.

Таким образом, разнообразные причины, выявляющиеся в разное время истории Севера, образовали сложный комплекс, благодаря которому сохранялся эпос. Среди этих причин был расцвет Севера, связанного в средневековье с крупными государственными центрами, и изолированность его в новое время, замедлившая вторжение капиталистической культуры, богатая местная традиция былин, созданная непрофессиональными и профессиональными сказителями, новое привнесение произведений народного искусства, нередко иных традиций, ссылаемыми и бежавшими на северные окраины скоморохами; отсутствие крепостного права, творческое восприятие образов былин как народных героев, осознанные чувства достоинства и самостоятельности крестьянства; характер трудовых процессов и географические и природные условия.

В результате всех этих причин былевой эпос — на это правильно указывали еще в начале XX в. А. В. Марков, Н. В. Васильев и некоторые другие ученые — не только сохранялся, но продолжал развиваться.

Былевое искусство, связанное с историей заселения Севера, проникло, как свидетельствуют собиратели, в разные места в разное время. Районы, жившие в средневековье интенсивной жизнью, в пору замкнутости Севера, являясь рассадниками эпоса среди других, более глухих мест, стали сами культурными центрами.

Это справедливо в отношении всех районов Севера. Сужая территориальные рамки исследования, обратимся к Онего-Карго-

³⁴ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее рассоды, с. XXI.

³⁵ Там же.

польщине, фольклор одного из мест которого — Заонежья — является предметом изучения настоящей работы. Место былинной традиции Заонежья может быть определено только после общей, хотя бы суммарной, характеристики всего района.

В районе Онежского озера — в Каргопольщине — четко намечаются два вида былого эпоса. Разделение их проходит по Водлозеру и Рагнозеру, где былины появились сравнительно в недавнее время. Географическое обособление типов былин в одном районе находится в зависимости от исторических связей отдельных местностей. Если в средневековье влияние Новгорода распространяется более или менее равномерно на весь Север и миует только незаселенные места (напомним, что одна из пяти Новгородских посылка наименования Обонежской, что новгородцами были освоены Заволочье, т. е. Двинская земля, Вологодская, Поморская и другие земли), то в последнее время естественное географическое разделение Онего-Каргопольщины обозначилось весьма отчетливо. Еще А. Ф. Гильфердинг по диалектологическим и фольклорным признакам делил олонецкие былины на две большие группы, по его терминологии — прионежскую и северо-восточную.

«Прионежская»³⁶ группа былин характеризуется часто встречаемым длинным стихом (7-, 8-, 9-стопным), множеством вставных частиц и большим количеством строк (до 1000 и более). Эпическая медлительность повествования в прионежской былине доведена до предела.

Прионежские былины А. Ф. Гильфердинг делил, в свою очередь, на две подгруппы: кижскую и толвуй-повенецкую, основываясь на различии повторяющихся вставных частиц, необходимых для ритмики былинного стиха. «В Кижках такими частицами, кроме общеупотребительных *да, а, и, ли*, служат обыкновенно: *как, ведь и де*; у толвуйских сказителей вы никогда не услышите ни *как*, ни *ведь*, ни *де* в смысле простой вставки; они опирают стих на частицах *нынь* или *нунь*, *же, было* и *есть* или *е*: это последнее *есть* или, сокращенно, *е* большую часть употребляется при глаголах прошедшего времени, так что оно является как бы остатком старинной формы образования прошедшего, но так как смысл этого приставочного «есть» или «е» уже потерял, то сказители нередко пользуются им просто для стиха»³⁷.

Северо-восточная группа объединяет Выгозеро, Кенозеро с Каргополем. Эта группа не представляет собой чего-то целостного. Былины ее, сходные между собой стилистическими признаками (преобладание 5- и 6-стопного стиха, меньшее количество вставных частиц, более живое развертывание действия при меньшем количестве строк), отличаются в сюжетном отношении друг от друга. Различие сюжетов в перечисленных местностях объясня-

³⁶ Термин «Прионежье» здесь и далее в этой главе употребляется в том смысле, как это делал А. Ф. Гильфердинг, поскольку излагаются его взгляды. А. Ф. Гильфердинг Прионежьем называл места, обычно называемые Заонежьем, присоединяя к последнему еще Повенец.

³⁷ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее раскоды, с. XXX.

ется территориальной обособленностью Выгозера и Кенозера. На Кенозеро проехать наиболее удобно в настоящее время с восточной стороны (железной дорогой до ст. Няндомы и далее проселками и шоссе: Каргополь—Кенозеро). Сообщение с районами, лежащими западнее Кенозера, было затруднительно. «С Водлозера на Кенозеро,— писал А. Ф. Гильфердинг,— едешь верст 90 или 100 болотистыми реками, по совершенно безлюдному «суземку», на середине которого волок в 5 верст и деревушка. Этот волок есть водораздел между водами Балтийского и Беломорского бассейнов. Переехав водораздел, замечаешь тотчас некоторую перемену в наречии»³⁸. Особенности говора, наблюдающиеся за водоразделом Балтийского и Беломорского бассейнов, характерны также для Моши и сохраняются до следующего от Моши к Пудожскому краю пустынного места. В силу такой оторванности Кенозера—Каргополя—Моши от районов, лежащих западнее, там и образовалась особая традиция со своеобразным подбором сюжетов былин, иногда не встречающихся вовсе в прионежской группе.

Что касается Водлозера с рекой Шалой и Пудожским побережьем Онежского озера, то былины этих районов являются собой переходный тип. Былины этих мест разнообразны и разнохарактерны, так как здесь перекрещиваются традиции разных местностей. Это отмечал и Гильфердинг, характеризуюя былины выдающихся сказителей Пудожского берега Онежского озера.

«От школы Повенецко-Толвуйской, так же как от Кижской, однако менее от первой, чем от последней, отличаются по складу былины, которые я слышал на восточной стороне Онеги, ближе к городу Пудожу. Но в этой местности нашлось только четверо сказителей, из которых у каждого есть весьма заметные особенности. Это объясняется различием источников их былин. Только у одного из них, Сорокина, они местного происхождения; другой, Иван Фепонов, выучился былинам на Онеге-реке; к третьему, Потапу Антонову, они перешли из Вытегорского уезда; наконец, Никифором Прохоровым поются былины, занесенные также из какого-то дальнего места (его отец выучился им, когда служил в пастухах у помещика, стало быть, во всяком случае не близко от родины Прохорова, потому что там нет вовсе помещичьих имений)»³⁹. Уже позднее, в 70-х годах XIX в., из перекрещивающихся влияний былевого эпоса в Пудожье стала образовываться своя, особая традиция, выдвинувшая таких мастеров народного творчества, как наши современники: недавно умершие Г. А. Якушев, Ф. А. Конашков и некоторые другие⁴⁰.

³⁸ Там же, с. XXXI. А. Ф. Гильфердинг относил к северо-восточной группе также Водлозеро; но его правильнее выделить в особую переходную группу, о чем см. ниже. А. Ф. Гильфердинг ошибочно соединил в одну группу Кенозеро и Водлозеро, так как в его время «группа Водлозерская» еще не имела «никакой определенной физиономии» (с. XXXI).

³⁹ Там же, с. XXX.

⁴⁰ Записи их былин публикуются в Летописи Госуд. лит. музея. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины.]

Былины, сохраненные памятью народа, в Онежском крае разделились на территориально обособленные группы: прионежскую (западную), сравнительно тесно связанную с Петербургом из-за легкости и доступности сообщения с ним; и северо-восточную, отделенную дальностью расстояния и плохим сообщением со столицей и другими городами. Промежуточным звеном между ними является Пудожский край, где расцвет былевого искусства пришелся на конец XIX — начало XX в. Пудожский былинный эпос, в большинстве случаев сходный по стилю былин с кенозерской традицией, отличается от нее былинами своих крупнейших мастеров, давших эпическую развернутость сюжетов, близкую традиции прионежской (т. е. заонежской) группы.

Наиболее богато былинами из всех этих трех групп Заонежье. Оно объединяет Кижы, Толвуй, Повенец, Шуньгу. Былинный репертуар этих районов чрезвычайно разнообразен. В нем представлены все важнейшие богатыри и сюжеты. В Заонежье записаны следующие сюжеты былин и исторических песен ⁴¹:

1. Илья Муромец

Исцеление Ильи Муромца. (Р. 51 к.; Г. 120 к. Всего 2 №№).
Илья Муромец и Соловей-разбойник. (Р. 4, 61, 82, 103, 110 к.; Г. 3, 74, 164, 112, 120 к.; Т.—М. 7 к.; М. 1. 2; С.—Ч. 4. Всего 17 №№).

Илья Муромец и сын (дочь). (Р. 5, 80; Г. 77, 114; Т.—М. 14. Всего 5 №№).

Илья Муромец и Идолище. (Р. 6, 24, 62, 87; Г. 4, 22, 120 к.; Т.—М. 7, 13. Всего 10 №№).

Илья и Калин-царь. (К. с. 153, 155, 156, 158, 165; Р. 7, 39, 74; Г. 75, 92, 105, 121, 138; Т.—М. 10, 11; М. 5; С.—Ч. 5. Всего 21 №№).

Илья и голи кабацкие (ссора с кн. Владимиром). (Г. 76. Всего 1 №).

Три поездки Ильи Муромца (Илья и разбойники). (Р. 103, 110; Г. 120; Т.—М. 7 к.; М. 11, 12. Всего 6 №№).

Илья и Святогор. (Р. 2, 51; Г. 1, 119. Всего 4 №№).

2. Добрыня Никитич

Добрыня и Змей. (Р. 25, 25 bis, 40; Г. 5 к., 79, 93, 123, 148 к., 157 к.; С.—Ч. 1. Всего 10 №№).

Добрыня и Маринка. (Г. 5 к., 17, 78, 122, 163. Всего 5 №№).

Добрыня-сват (Дунай). (Р. 9, 23, 42, 70, 83; Г. 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139; Т.—М. 33, 35; М. 61; С.—Ч. 4. Всего 19 №№).

Добрыня и Василий Казимирович. (Р. 8; Г. 80; С.—Ч. 3. Всего 5 №№).

⁴¹ Описание дается по материалам П. Н. Рыбникова (обозначено Р), А. Ф. Гильфердинга (обозначено Г), собрания Киреевского (обозначено К) и римской цифрой выпуск), сборников Тихонравова — Миллера (Т.—М.), Миллера (М) и сборника былин экспедиции Государственной Академии Художественных наук 1926—1928 гг. (С.—Ч.) [так как описание составлялась по еще не опубликованному сборнику, то автор указал только число вариантов]; «к» после цифры обозначает контаминацию сюжета.

- Добрыня и Алеша (отъезд Добрыни). (К. 1, с. 97; Р. 8 к.; 26, 41; Г. 5 к., 23, 26, 33, 38, 43, 80 к., 100, 107, 118, 145, 149, 157 к., 168; М. 26, 27, 28; С.—Ч. 4. Всего 25 №№).
- Добрыня и Настасья-Поляница. (Г. 5. Всего 1 №).
3. Алеша Попович.
Алеша и Тугарин. (Р. 27; Г. 99. Всего 2 №№).
4. Соловей Будимирович. (Г. 36, 53, 68; М. 85. Всего 4 №№).
5. Василий Игнатьевич и Батыга (Васька-пьяница). (Р. 81; Г. 18, 41, 116; Т.—М. 38, 44. Всего 6 №№).
6. Иван Годинович. (Р. 10, 93; Г. 83; Т.—М. 43. Всего 4 №№).
7. Иван Гостиный сын. (Р. 97; Г. 133, 135. Всего 3 №№).
8. Михайло Потык. (Р. 11, 12, 28, 28 bis, 113; Г. 6, 39, 40, 82, 150, 158. Всего 11 №№).
9. Дюк Степанович. (Р. 29, 63, 88, 106; Г. 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159; Т.—М. 50, 52; М. 57; С.—Ч. 3. Всего 17 №№).
10. Чурило и Катерина. (Р. 84, 90; Г. 8, 27, 35, 110; Т.—М. 47, 48; М. 83, 84; С.—Ч. 4. Всего 14 №№).
11. Братья Ливики (князь Роман). (Р. 45, 114; Г. 12, 42; Т.—М. 69. Всего 5 №№).
12. Королевичи из Крякова. (Р. 21; Г. 87, 136, 147; М. 70—74; С.—Ч. 2. Всего 8 №№).
13. Садко. (К. V, с. 34, см. Р. 107; Р. 54, 65, 107; Г. 2 к., 146; С.—Ч. 1 запись. Всего 4 №).
14. Василий Буслаев. (Р. 17. 64, 65, 72; Г. 30, 44, 103, 141; Т.—М. 61; М. 93, 94; С.—Ч. 2 записи. Всего 13 №№).
15. Хотен Блудович. (Р. 15, 44, 53, 85, 105; Г. 19, 84, 126, 164. Всего 9 №№).
16. Сорок калик со каликою. (К. III, с. 84; Р. 13, 43; Г. 86, 96. Всего 5 №№).
17. Молодость Вольги (Вольга и Индейское царство). (Р. 38; Г. 15, 91. Всего 3 №№).
18. Вольга и Микула. (Р. 3, 69 (отр.), 78 (отр.); Г. 2 к., 32, 73, 98 (отр.), 131, 156; С.—Ч. 4 записи. Всего 13 №№).
19. Ставер Годинович. (Р. 14, 30, 75; Г. 7, 21, 109, 124, 140, 151, 169; Т.—М. 58, 59; С.—Ч. 4 записи. Всего 16 №№).
20. Настасья Микулична на Соколе-корабле. (К. 1, с. 61, см. Р. 79; Г. 113; С.—Ч. 1 запись. Всего 3 №№).
21. Соломан и Василий Окулович. (Р. 94; Т.—М. 66; М. 97; С.—Ч. 5 записей. Всего 8 №№).
22. Царь Соломон и купец темный (рождение Соломона) — проза. (Р. 34, 49. Всего 2 №№).
23. Нерассказанный сон. (Р. 35).
24. Царство подсолнечное. (Р. 36).
25. Птицы. (Р. 68, 77, 98 к., 99; Г. 130, 137; С.—Ч. 2 записи. Всего 8 №№).
26. Дмитрий и Домна. (Р. 92).
27. Михайло Данилович. (Р. 104).
28. Рахта Рагнозерский. (Г. 11).
29. Петух и Лисица. (Г. 29).

30. Калика-богатырь. (Г. 101).
31. Горе. (Р. 22, 48, 102; Г. 90).
32. Самсон-богатырь. (Р. 1).
33. Молодец и королевична. (Р. 33, 33 bis; Г. 155, 162. Всего 4 №№).
34. Братья-разбойники и сестра. (Р. 37, 112; Г. 28, 167; С.—Ч. 8 записей. Всего 12 №№).
35. Василий и Софья. (Г. 134; С.—Ч. 8 записей. Всего 10 №№).
36. Казань-город на крови стоит. (С.—Ч. 1 запись).
37. Молодец и худая жена. (Р. 47, 76, 101; Г. 89, 97, 117; С.—Ч. 5 записей. Всего 11 №№).
38. Небывальщина. (Р. 98 к.).
39. Роман губит жену. (С.—Ч. 1 запись).
40. Мать кн. Михайлы губит споху. (Р. 100).
41. Насильственное пострижение. (С.—Ч. 2 записи).
42. Князь Карамышевский (Илья, кум темный). (Г. 10).
43. Иван Грозный и сын. (Р. 19, 31, 108; Г. 13, 25, 129, 142, 153, 165; С.—Ч. 3 записи. Всего 11 №№).
44. Кострюк. (Р. 73, 95, 96, 109; Г. 24, 166; С.—Ч. 2 записи. Всего 8 №№).
45. Взятие Казани. (Г. 160).
46. Михайла Васильевич Скопин. (Р. 20; Г. 88).
47. Григорий Отрепьев. (Р. 67, 91; Г. 14, 111, 143; С.—Ч. 3 записи. Всего 8 №№).
48. Земский Собор. (Р. 32, 32 bis; Г. 154, 161. Всего 4 №№).
49. Бутман. (С.—Ч. 1 запись).
50. Петр I. (Р. 46; Г. 95).
51. Князь Голицын. (Р. 58).
52. Сын Стеньки Разина. (Р. 59).
53. Взятие Азова. (Г. 37).
54. Правеж. (К. VIII, с. 31).
55. Ванька-ключник и кн. Волконский. (Р. 56).
56. Декабристы. (С.—Ч. 1 запись).
57. Платов. (С.—Ч. 3 записи).
58. Смерть Александра I. (С.—Ч. 11 записей).
59. Турецкая война. (С.—Ч. 1 запись).

Перечень былин указывает на сохранность в районе Заонежья всех важнейших былин. В особенности это касается циклов былин об Илье и о Добрыне. Сказители Заонежья не знают из этих циклов былины о Добрыне и Илье (молодость Добрыни, встреча и бой с Ильей), записанной только на Зимнем Берегу Белого моря, на Пинеге и на Мезени. Не лишено вероятия предположение, что эта былина, вносящая дополнения в поэтическую биографию богатыря (характерен вопрос: где и когда родился богатырь, что с ним было до первого подвига? — ср. былины об Илье Муромце)⁴², была создана в позднее время, как местная северная

⁴² См. очерк об Илье Муромце в кн.: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности, т. 1, с. 362—413.

былина. В районе Заонежья нет также обнаруженной А. В. Марковым на побережье Белого моря старины «Бой Добрыни и Алеши с татаринном» (разработка мотивов былин о камском побоище и Ильи и Калина-царя). Прикрепление мотивов «Ильи и Калина-царя» к имени Добрыни встречается также в другой, отсутствующей в Заонежье былине — «Добрыня и сила неверная» (записана Н. В. Обручевым в районе Вытегры)⁴³. Не известная сказителям Заонежья былина «Добрыня и смерть»⁴⁴ дает интересное перекрепление мотивов «Аники-воина» к образу Добрыни. Былина о рождении богатыря и о Скимен-звере на Кенозере⁴⁵, отнесенная к Добрыне⁴⁶, отсутствует в записях из Заонежья.

Все эти былины, не известные в Заонежье, не относятся к древней традиции. Они были созданы как местные дополнения поэтических биографий богатырей и отразили процесс стягивания былинных сюжетов к популярным именам.

Что касается былин об Алеше Поповиче, то среди них отсутствует былина балладного склада об Алеше и сестре братьев Сбродовичей, параллельная былине «Иван Дудорович». Независимо от того, что лежит в основе этой былины⁴⁷, былина эта поздняя по своему образованию. Заонежье сохранило два других сюжета об Алеше, более древних, — «Алеша и Тугарин» и «Добрыня и Алеша»⁴⁸.

Заонежье вообще характерно как место, где хранятся основные (и наиболее древние) былинные сюжеты. Исключение — «Сухман» и «Молодость Черилы», известные в районах, прилегающих к восточному берегу Онежского озера, и забытые в Кижях, Толвуе, Повенце и Шуньге, а также «Князь Роман и Марья Юрьевна» и «Данило Ловчанин».

Таков обширный былинный репертуар западного берега Онежского озера, перенявшего традиции древней новгородской культуры.

Совершенно права А. М. Астахова, объясняющая исключительное богатство былинного репертуара Заонежья наиболее близким соседством и тесными связями с Новгородом⁴⁹.

Этот репертуар состоит из богатырских былин, былин-новелл, былин-баллад и исторических песен. О процентном соотношении видов былин в их бытовании говорить затруднительно вследствие

⁴³ См.: Рыбников, т. II, № 211.

⁴⁴ Там же, № 212. Запись Н. В. Обручева на Вытегре.

⁴⁵ Гильфердинг, № 234.

⁴⁶ Ср. также сибирские варианты в сб.: Былины и исторические песни из южной Сибири/Записи С. И. Гуляева, № 23, 41.

⁴⁷ Сперанский М. Н. Былины. М., 1916, т. I, с. 98; *Он же*. Русская устная словесность. М., 1917, с. 266.

⁴⁸ Былинные сюжеты типа «Алеша и сестра братьев Сбродовичей» записаны на Пинеге, Мезени, Белом море, Печоре, в Белоруссии и в б. Московской и Орловской губ.

⁴⁹ Астахова А. М. Былины Севера, т. 1, с. 48—49.

того, что основные записи делались Рыбниковым и Гильфердингом не в форме сплошного учета былин, а исходя из их общетеоретических воззрений. В первую очередь ими записывался многовековой героический эпос, в котором мифологи искали следы «эпического периода» жизни народа. Былины-баллады, былинные пересказы повестей и поэм, местные былины или совсем не учитывались, или учитывались как исключение. Этим объясняется малое количество записей былин «Царь Соломан и Василий Окулович», «Василий и Софья», «Князь Роман жену кончал», «Братья-разбойники и сестра» и других.

Не имея возможности вследствие этого определить, какой тип былин преобладал в Заонежье⁵⁰, мы должны все же указать на обилие героического эпоса (см. «Илья и Калин-царь» — 21 вар., «Илья и Идолище» — 10 вар., «Илья и Соловей» — 17 вар. и др.). Наряду с ними были популярны новеллистические былины Киева, Галича и Новгорода (см. «Добрыня и Алеша» — 25 вар., «Дюк» — 17 вар., «Ставер» — 16 вар. и т. д.). Видимо, в Заонежье знали и любили все виды былин, культивировали их, иногда там создавались новые редакции.

Создатели былин Заонежья пользовались широкой известностью; население помнит еще о тех из них, которые жили в XVIII в. Еще в 60-х и 70-х годах XIX в. Рыбникову и Гильфердингу рассказывали о знаменитых сказителях предыдущего поколения.

«Память (об Илье Елустафьеве. — В. Ч.), — писал П. Н. Рыбников, — и теперь сохранилась в Кижской волости. Был он первый сказитель в целом Заонежье и во всей Олонецкой губернии. Знал он несчетное множество былин и мог петь про разных богатырей целые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется, бывало, сходка, мужики и говорят: «А ну, Илья Елустафьевич, спой-ко нам былину». А он на место ответит: „Положи-тко полтину, я и спою былину“. Тут кто-нибудь из богатых выложит ему полтину, и станет Илья Елустафьевич сказывать»⁵¹. О том же Илье Елустафьеве, со слов П. Н. Рыбникова, говорил Ив. Аксаков, передавая, как крестьянин лет 80 рассказывал собирателю, что в прежнее время целая волость в несколько тысяч душ призывала к себе древнего годами сказителя и слушала его старины, затаив дыханье.

Как сообщал А. Ф. Гильфердинг, Елустафьев был бедным стариком из деревни Шляминской с Волкострова. Елустафьев не поладил со своим сыном, «откачнулся» от него и бродил по Заонежью, зарабатывая себе на пропитание плетеньем и чинкой сетей. Елустафьев умер в 30-х годах XIX в., 90 лет от роду.

⁵⁰ Характерно, что известный пересказ Меньшиковой «Ово и Мара» был исключен из сборника и сохранен только в вводной статье А. Ф. Гильфердинга.

⁵¹ Рыбников, т. I, с. LXXVII — LXXVIII.

Следовательно, родился он в 40-х годах XVIII в. и воспринял традицию былин середины XVIII в.

Современниками и соперниками Елустафьева, оставившего после себя учеников, сделавшихся впоследствии также выдающимися сказителями, были Игнатий Иванович Андреев из деревни Гарницы, дядя Т. Г. Рябинина, Иван Агапитович Завьялов (умер в начале XIX в.), Иван Кокойскин (по Рыбникову, петербургский трактирщик Кокотин), живший до ста лет. Творчество Елустафьева, Андреева, Завьялова, Кокойкина, преломленное индивидуальностью Т. Г. Рябинина, дало устойчивую традицию для последующих поколений.

Особняком от их искусства стоит творчество другого создателя былевой традиции Заонежья — Конона Саввиновича Неклюдина с Зяблых Нив, у деревни Конды, б. Сепногубской волости.

Перечисленными сказителями не исчерпывается список известных сказителей прошлого в Заонежье. Обращаясь к другим источникам — не только к свидетельствам Рыбникова и Гильфердинга, изредка можно найти сведения об этих забытых искусных сказителях. Очень интересные сведения сообщает, например, Барсов о сказителе Михайле Слепом⁵². Он писал: «Любопытно было бы проследить генеалогию... „вещих“ сказителей, по крайней мере настолько, насколько это возможно в наше время». В настоящем случае мы коснемся певцов одной только Кижской волости. В XVIII в. приобрел здесь громкую известность пением старин крестьянин из деревни Карташевой Михайло Слепой-гусельщик. Старики помнят его до настоящего времени. Он умер лет 75 тому назад. Рассказывают, что он был человек «обделистый», ходил по монастырям и знал много старин и присказней: «Эдакого, говорят, певца с гусями (треугольными в 12 струн) не бывало да и не будет еще 100 годов, а память Михайлы не забудется. Пришел он однажды в Питере к одному генералу милостыни просить, чтобы родителей помянуть. Генерал наскоро встал с кнапели (т. е. с дивана) и по щеке ему дал: „Вот тебе, говорит, на поминок“. Михайло благодушно принял эту милостыню и отправился дальше с своими товарищами; но генерал вдруг обратил их к себе: „Ай же вы, псы, — говорит, — что вы знаете?“ — „Мы все знаем, — песни петь, старины сказывать, на гусях играть с припевками“. Генерал продержал их у себя три недели, с дому не спущал, — это было во время маневров; сам он писался болен и все старину слушал да игру на гусях; а когда отпустил из дому, дал им по халату. Сын Михайлы хозяйствовал в Петербурге, вышел там в кущы, дознался и вывез отца — не дал больше ходить по Питеру; но Михайло помер в деревне; в Питере не мог жить, не по душе ему было».

⁵² Барсов Е. В. Памятники народного творчества в Олопецкой губернии. — Зап. Рус. геогр. о-ва. Отделение этнографии, СПб., 1873, т. 3, с. 520—522.

Об этом же сказителе Барсов передает другие предания, слышанные им от стариков, и называет его учеников.

К перечисленным собирателям-сказителям надо было бы присоединить другие имена, но они в наши дни безнадежно утеряны. Так, крупные мастера былевого эпоса несомненно были на Космозере, но об их традиции никакой памяти, кроме самих былин их учеников, не осталось.

В результате изучения былин сказителей Заонежья можно говорить о существовании, по крайней мере, трех школ в этом районе: Ильи Елустафьева, Конона Неклюдова и космозерской школы. Школы отличаются и по сюжетике былин, и по методам их разработок. Традиция этих школ продолжает жить вплоть до нашего времени в искусстве сказывания старин нашими современниками. Рассмотрению творчества сказителей указанных школ и посвящаются следующие главы.

ЕЛУСТАФЬЕВСКО-РЯБЕНИНСКАЯ
ШКОЛА

Особый интерес и значение в былевом эпосе Заонежья имеет школа Ильи Елустафьева. К ней примыкает наибольшее число сказителей, среди которых выделяется Трофим Григорьевич Рябинин.

Восстановить репертуар Елустафьева полностью не представляется возможным. По сообщениям сказителей и слушателей, он пел: «Вольга и Индейское царство», «Вольга и Микула», «Илья п Соловей», «Илья и Калин-царь», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Алеша», «Добрыня-сват», «Алепа и Тугарин», «Калика-богатырь», «Василий Буслаев», «Хотен Блудович», «Сорок калик со каликою», «Молодец и худая жена», «Горе», «Братья Ливики», «Сон Соломанова отца», «Кострюк», «Иван Грозный и сын», «Петр I».

Эти 19 старин сохранили в своей памяти как елустафьевскую традицию Кузьма Иванович Романов, Трофим Григорьевич Рябинин, Терентий Иевлев, отчасти Леонтий Богданов.

Собранные все вместе, их былины образуют как бы особое гнездо былинной традиции Заонежья, гнездо вариантов, сходных в своей основе, но различных в деталях. Образцом для всех этих текстов был один общий оригинал. По личному свидетельству названных сказителей, таким оригиналом был елустафьевский извод. Извод Елустафьева одни сказители воспринимали творчески, другие, как, например, Романов, были всего лишь исполнителями-передатчиками, сохранившими тексты настолько, насколько позволяла память.

Кузьма Романов был старейшим из перечисленных четырех сказителей. Во время записей от него Рыбниковым Романову было уже около 90 лет. Он родился в конце 70-х или в начале 80-х годов XVIII в.

Характеризуя творчество Романова, А. Ф. Гильфердинг указывал на устойчивость его былин, принявших как бы застывшую форму: «...когда он пел свои былины г. Рыбникову более десяти лет тому назад, он обрывал их на том же самом месте, где и теперь... и как самый круг былин, которые он поет, так и текст каждой из них остались без всякого существенного изменения»¹.

Эта особенность былин Романова бросается в глаза при самом поверхностном рассмотрении его текстов. Такая устойчивость вариантов могла появиться или в результате того, что Романов на основе костяка былины Елустафьева сам выработал неменяю-

¹ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб., 1873, с. 550—551.

щийся текст, или потому, что он, как хороший исполнитель, обладающий прекрасной памятью, сохранил елустафьевскую редакцию старины. Второе вероятнее. Если бы Романов творчески перерабатывал воспринятое, он бы, забыв окончания текстов былин, мог создать свои индивидуальные варианты этих окончаний. Этого не произошло. Воспринятые К. Романовым старины хранились в его памяти без привнесения творческой мысли, меняющей и совершенствующей вариант.

Былины, детальнее запомнившиеся Романову, и былины, сохранившиеся в его памяти в общих чертах, оставались неизменными. Устойчивость текста может быть проверена на любой былине, записанной от него Рыбниковым и Гильфердингом.

Особенности сказительства Романова отчетливее выявляются в текстах, только запавших, но не утвердившихся в памяти. Именно в них, в данном случае, выявляется индивидуальное лицо сказителя. Весьма показательна былина «О Добрыне и Змее», дважды записанная от Романова: в начале 1860-х годов П. Н. Рыбниковым² и почти через десять лет после того, в 1871 г., А. Ф. Гильфердингом³.

Композиция былины за эти десять лет не изменилась. В обеих записях построение ее следующее:

1. Плач Добрыни перед матерью о своей судьбе и ответ матери.
2. Сообщение Добрыни о необходимости ехать к Пучай-реке и наказ матери: «Не купайся в Пучай-реке».
3. Предупреждение девушек-портомойниц Добрыне: «Не купайся нашим телом».
4. Купанье Добрыни и появление Змеи «Горынцатой».
5. Победа Добрыни над Змеей и ее обещание отдать ему племянницу Владимира.

Изложение показывает, что былина о Добрыне и Змее, при большой устойчивости текста, сжата, скомкана. Отсутствует двойной бой, и самое купанье слито с попыткой выручить Забаву Путятичну. Начало заимствовано из былины о Добрыне и Алеше, также известной К. Романову. Сопоставим начальные строки былин «Добрыня и Змей» и «Добрыня в отъезде», записанных Рыбниковым:

Добрыня и Змей

Порасплачется я, порастужится
Добрынюшка Никитинич
Перед государынею своею матушкой:
«Государыня моя матушка,¹
Честна вдова Офимья
Александровна!
Для чего, скажи, меня, несчастного,
спородила,
Несчастливого и неталанного?
Спородила бы ты меня, матушка...»

Добрыня в отъезде

Порасплачется, порастужится
Молодой Добрынюшка Никитинич.
«Ай же ты, родная моя матушка,
Честная ты вдова Офимья
Александровна!
Для чего ты меня, несчастного,
спородила,
Несчастливого и неталанного?
Спородила бы ты меня, матушка...»

² Рыбников П. Н. Песни. М., 1909, т. I, № 40.

³ Гильфердинг, № 93.

Дальнейшее развертывание формул расходится. В былине о Добрыне и Змее следует сожаление о том, что Добрыня не уродился счастьем в князя Владимира, красотою — в Осипа Прекрасного, силою — в Илью Муромца, смелостью — в Алешу Поповича. В былине «Добрыня в отъезде» Добрыня сожалеет, почему мать, как только он родился, не завернула его в белое полотенце и не бросила в синее море.

Это расхождение вызвано искусственным разделением плачевой формулы былины на две части. И упрек в неудачном рождении, и желание лежать на дне моря обычно следуют один за другим.

Другой ученик Елустафьева и его внук, Терентий Иевлев, также перенял формулу плача, но сохранил ее в несколько иной редакции (он слушал Елустафьева в раннем детстве. Елустафьев, умер, когда Иевлеву было десять лет):

Как Добрынюшка-то своей матушке говаривал:
«Ай же, моя матушка, да ты родимая!
На что же меня, несчастного, да и спородила,
Не во своего государя света батюшка,
Да не в сильняго могучего богатыря,
Да й не в купца гостя торгового?
Когда же ты меня да поотрбила,
Свертела ты б меня в камочку во крупчатую,
Снесла бы ты меня на край синя моря,
Спустила б ты меня да на святую воду,
Так шол бы я туды на само дно,
Лежал бы я да й место камешка самоцветного...»⁴

О родственности формул Ивлева и Романова свидетельствуют некоторые текстуальные совпадения. Как и Иевлев, Романов после общего упрека говорил:

«И кидала бы ты меня во синее морё,
Лежал бы я во синем море на самом дни,
Вместо камешка самоцветного»^{5,1}

Так как обе былины говорят об одном богатыре, Романов *механически* разорвал одну формулу и отнес часть ее к былине о Добрыне и Змее, а часть — к «Добрыне в отъезде».

Такое привнесение в первую былинку куска чуждой для нее формулы — результат забвения текста, но не творческого осмысления его. Отсутствие постоянной творческой работы над слышанным и плохо воспринятым текстом очевидно и в сохранении его дефектов. Гильфердинговская запись варианта Романова былины «Добрыня и Змей» больше записи Рыбникова на 9 строк. Но это увеличение случайно и идет за счет удвоения строк, часто встречающегося при пении былин (например, у Р.: «Порасплачется, порастужится Добрынюшка Никитич // Пред госуда-

⁴ Гильфердинг, № 100, с. 579.

⁵ Рыбников, т. I, № 41, с. 270.

рынею своею матушкою»; у Г.: «Порасплачется, порастужится // Добрынюшка Пикитинич // Пред своей перед государынею матушкой...». Или у Р.: «Говорят девицы-портомойницы»; у Г.: «Проговорят все девицы-портомойницы // Портомойницы, бело-мойницы...» и т. д.).

Таков же характер изменений других былин К. Романова по записям Рыбникова и Гильфердинга. Дополнительно приведем еще начало былины о Вольге (пометки (Р) и (Г) означают — вариант из сборника Рыбникова, вариант из сборника Гильфердинга):

Закатилось красное солнышко	
За горушки высокие (Р)	}
За лесушки за темные (Г),	
Рассаждалися звезды частые по светлѹ небу,	
Порождадся Вольга сударь Буслаевич	
На матушке на святой (Р)	}
На святой (Г)	
	Руси
Рос (Р)	}
И рос (Г)	
	Вольга Буслаевич до пяти годков,
Пошел Вольга сударь Буслаевич по сырой земли;	
Мать сыра земля сколыбалася,	
И звери (Р)	}
Звери (Г)	
	в лесах разбежались,
И птицы (Р)	}
Птицы (Г)	
	по подблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались,	
И пошел Вольга сударь Буслаевич	
Обучаться всяких хитростей-мудростей	
И всяких язѹков (он: Г) разных ⁶ .	

Как показывает цитированный отрывок былины, вариант Романова сохранял устойчивость даже расположения слов в строке. К какой бы былине Романова ни обратиться, всюду выявится такая необыкновенная устойчивость. Она подтверждает указание Гильфердинга о том, что тексты Романова не изменялись со времени восприятия им былин ⁷. А это позволяет нам утверждать: в вариантах Романова — несомненный, прямой отзыв былин своего учителя, отзыв, иногда почти совершенно теряющий художественную ценность созданий Елустафьева, но творчески не преобразованный.

О неполноценности редакций Романова свидетельствуют не только обрывочность некоторых былин, но и сопоставления их с вариантами других учеников Ильи Елустафьева.

⁶ Рыбников, т. I, № 38, с. 258—259; Гильфердинг, № 91, с. 551—552.

⁷ Очевидность этого по приведенным примерам исключает необходимость последовательного сопоставления всех былин Романова по записям Рыбникова и Гильфердинга в данной работе.

Приведенный отрывок формулы в варианте Романова так же устойчив, как и другие его тексты, цитированные выше. Вариант Иевлева, в записях Рыбникова и Гильфердинга, допускает большие изменения, но в основном сохраняет формулу как нечто, данное издавна. Сходство формул Романова и Иевлева обнаруживает единую традицию. Но у Романова она обеднена выпадением некоторых элементов, сохраненных памятью Иевлева (см. подчеркнутую в сопоставлении детализацию образа, расшифровку его, уточнение). Обедненность романовских текстов при их устойчивости позволяет их называть копиями с оригинала. Романов более или менее точно копировал былины Елустафьева, которого называл своим непосредственным учителем, не привнося в них заметного элемента авторства.

Всего от К. И. Романова записано Рыбниковым и Гильфердингом 13 сюжетов. Из них два скомканные (о царе Соломане) к былевому эпосу не относятся¹⁰. Три былины имеют параллельные варианты в записях, сделанных от Терентия Иевлева (Добрыня и Алеша, Дунай, Хотен Блудович). Они и подлежат, прежде других, сличению.

Развитие сюжета былины о Добрыне и Алеше тождественно в вариантах Романова и Иевлева.

1. Плач Добрыни о своей судьбе.

2. Мать спрашивает у Добрыни, когда он вернется, приказывает Настасье спросить о том же у Добрыни.

3. Прощание Добрыни с Настасьей, наказ Добрыни.

4. Сватовство Алеша Поповича (у Романова сватает князь Владимир, у Иевлева — Алеша; в обоих вариантах эпизоды сватовства скомканы).

5. Возвращение Добрыни (вести от птиц или предупреждение коня отсутствует).

6. Переодевание Добрыни скomorохом и уход его на свадьбу.

7. Игра Добрыни и угощение чарами вина.

8. Узнание Добрыни и расправа с Алешей.

Оба варианта сохраняют традиционные имена: Офимья Александровна, Настасья Никулична (Микулична).

Как и в других былинах, вариант Иевлева полнее, «обряднее» варианта Романова. Сопоставляя оба варианта, мы можем вообразить елустафьевский текст в его общих очертаниях.

Выше уже приводилось сопоставление плача Добрыни. (Напомним: Романов разбил его на два плача и поместил их в двух разных былинах; Иевлев сохранил обе части плача как единое целое, но из него выпали некоторые элементы — формула стала дефектной). Значительно полнее, сохраннее, чем у Романова и Иевлева, звучит формула плача в тексте третьего ученика Елустафьева — Т. Г. Рябилина (см. таблицу сопоставления текстов — Приложение № 1).

¹⁰ «Сон Соломанова отца» (Рыбников, т. I, № 50) часто исполняется как часть стиха о «Голубиной книге». «Царь Соломан» (Рыбников, т. I, № 49) — сказка.

В формуле Рябинина образ самоцветного камня заменен образом белого горючего камешка, что эпичнее и более соответствует изображаемому настроению Добрыни (горючий камень — горе, тоска). Формула сопоставлений качеств богатыря у Рябинина подробнее, хотя и отсутствует традиционное сопоставление с красотой Осипа Прекрасного.

Формула сетований Добрыни и его матери, только частично сохраненная Романовым и Иевлевым, детализирована Рябининым. Сетования выражены в форме диалога, что дает живость изложения при сохранении традиционных образов.
Двухстрочие Романова:

Посылают меня от города от Киева
Во далече, во далече, во ту землю Сарацинскую ¹¹, —

в былинне Рябинина развернуто:

То Владимир князь да стбльнѣ-киевской
Наложил ѓн служобку великую,
И велику служобку, немалую:
Отвести-то надо дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною,
Да й во дальнии во земли в Сорочинский,
Да во ту во саму во темву орду ¹².

Аналогично эпизированы Рябининым вопросы Настасьи Микуличны, у Романова звучащие схематично. (У Иевлева вопрос Настасьи выпал.)

<i>Романов</i>	<i>Рябинин</i>
Милая моя ладушка, крепкая	Ай же свет, моя любимая
сдержавушка,	сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Никитинец,	Молодой Добрынюшка
Ты скоро ли пазад будешь?	Микитинец,
Ты скоро ли поворот держишь?	Ты далече ль едешь, куды путь
	держишь?
	Скоро ль ждаты велишь нам, когда
	дбжидать?
	Нам когда велишь в окошечко
	посматривать? ¹³

Наказ Добрыни Настасье (также устойчивая формула) не сохранен полностью вариантами Романова и Иевлева. Он более или менее восстанавливается при сведении их воедино.

Романов { Говорил-наказывал Добрынюшка Никитинич
Своей молодой жены Настасьи Никуличной:

¹¹ Рыбников, т. I, с. 270.

¹² Гильфердинг, с. 483—484.

¹³ Рыбников, I, с. 271; Гильфердинг, с. 486.

- Иевлев { «Ай же ты, мѳлода жена Настасья дочь Микулична.
 Когда ты у меня поспрѳсила:
 Перво трѳ году ты пѳжди мѳне зѳ меня,
 А ще друго три пѳжди мене зѳ себя,—
 Пойдет ли того времечки шесть лет назад.
 Да за тое шесть и другое шесть.
- Романов { Поживи, подожди, ровно шесть годов зѳ себя,
 А другое шесть годов зѳ меня
 (И) Да тут сполнится ведь времечки двенадцать лет,
 (Р) И пройдет времени двенадцать лет,
- Иевлев { Буду жив,— так я зѳдесь буду,
 А жив нѳ буду,— так и жѳдать некого»¹⁴.

В варианте Романова последние две строки оторваны от основного текста наказа и звучат так: «А буде жив буду,— назад буду, а буде жив не буду,— и жѳдать некого».

Формула наказа сохранилась и в памяти Рябинина:

Говорил-то ѳй Добрыня таковы слова:
 «Ай же ты, моя любимая семеюшка,
 Молодѳ Настасьюшка Микулична!
 Когда стала у меня про то выспрашивать,
 Я стану про то тебе высказывать:
 Перво шесть годов-то за себя пожди,
 Друго шесть годов так за меня пожди:
 Того времечка исполнится двенадцать год...»¹⁵.

Заключение наказа: не ходить за Алешу Поповича, обязательное в сюжете, — встречается во всех трех вариантах. Но у Романова этот запрет никак не мотивирован; у Иевлева Добрыня мотивирует его тем, что Алеша — его названный брат, у Рябинина к этому добавлена еще характеристика Алешки как бабьего насмешника, следовательно, вносятся элементы психологизации образа.

Знаменитая формула медленно текущего времени имеется во всех трех вариантах, и это свидетельствует о том, что и она имела в елустафьевском изводе. Но у Романова она потеряла сравнения («День по день, неделя по неделю, год по год»); у Иевлева сохранилось только первое сравнение («Да как год по год быв трава растет»); и только у Рябинина она представлена сравнительно полно («И еще день зѳ день быдто дождь дождит, Да неделя за неделей, как река бежит») ¹⁶.

Совпадение многих деталей возвращения Добрыни и описания свадебного пира в вариантах Романова и Иевлева позволяет установить елустафьевскую редакцию и в этой части былины.

¹⁴ Рыбников, т. I, с. 271; Гильфердинг, с. 580.

¹⁵ Гильфердинг, с. 486.

¹⁶ Рыбников, т. I, с. 272; Гильфердинг, с. 494, с. 581. Об этой формуле в творчестве Т. Г. Рябинина см. ниже.

и Добрыни завершается размышлением матери:

И говорила вдова да таковы слова:
«Не узнал-то святым духом ведь мужичище-деревенщина,
Не узнал ён про лапѳтики Добрынины,
Не узнал-то ён про платьѳе скоморовчато,
Не узнал-то про гусельшкки яровчаты»¹⁷.

Введение психологического момента в повествование здесь играет композиционную роль. После краткого раздумья мать Добрыни идет в погреба, достает скоморошьи платья, отдает их Добрыне. Это начинается последний эпизод былины.

Пребывание Добрыни-скомороха на пиру разработано эпически детально. Усаживаясь на печку, Добрыня играет на гусях. Игра Добрыни показана приемом противопоставления.

а { Заиграл Добрынюшка в гусельшка.
Он игру играет все хорошеньку,
И выигрывал найгрыши хорошеньки,
Что из Киева да й до Царя-градá,
Из Царя-градá до Еросблиму,
С Еросблиму ко тою ко земле да к Сорочинской.

б { Еще вси-то скоморохи приумолкнули,
Еще вси-то игроки-то поросслухались,
А и не слыхали йгры эдакой на сём светі¹⁸.

Игра Добрыни, по установившейся традиции, вызывает всеобщий восторг. Князь Владимир подносит скоморошине в награду чару зелена вина. Эпизод игры на гусях и награждения скомороха Добрыни в вариантах Рябинина умножен. Добрыня играет отдельно, славя Алешу Поповича, за что Алеша подносит ему чару; отдельно славит Добрыня Настасью Микуличну, за что Владимир предлагает три места: рядом с собой, рядом с Алешей Поповичем, любое «пѳ-любѳи». Добрыня выбирает место против Настасьи и подносит чары: Владимиру, Алеше и Настасье (последней в чару Добрыни кладет перстень и говорит формулу: «Если кошъ добра, так ты пей до дна»).

Вся вариация описания пира и игры Добрыни выдержана в характерной эпической троичности (игра; тройная награда; тройное поднесение чаши). Не отступая от композиции, сохраненной Романовым и Иевлевым, Рябинин осложнил ее эпической обрядностью.

Речь Добрыни, обращенная к князю Владимиру, завершающая былинку, в тексте Рябинина также дана подробнее, чем у других сказителей.

¹⁷ Гильфердинг, с. 496.

¹⁸ Гильфердинг, с. 498.

<p>I. Не дивуюсь я князю
Владимиру, —</p> <p>II. Что и сам творит, другому
велит, —
От живого мужа хоче жену
отнять...</p> <p>III. Тут Добрынюшка Пикитинич
Брал Настасью за белы руки...</p> <p>IV. И повел ю в нов высок терем,</p> | <p>I. Ай ты, славный Владимир
князь да стольно-киевской!
Да ты сам ходил Настасью
сватати,
Ай Опраксия ходила она свахою.</p> <p>II. Ты свою-то жбну гложешь,
еще сам скребешь,
А й чужую жбну ты замуж
даешь!</p> <p>III. Тут молоденькой Добрынюшка
Микитинец,
А й берет-то ён Настасьюшку
Микуличну
А за ней ли-то за рученьки за
белы,
То за ней берет за перстни за
злачены,</p> <p>IV. А повел в свои палаты
белокаменны... ¹⁹</p> |
|---|---|

По сравнению с вариантом Рябинина, романовский текст оказывается явно дефектным, схематизированным, лишенным подробностей.

Все данные сопоставления трех вариантов: Романова, Иевлева, Рябинина — обнаруживают общий извод, по свидетельству сказителей, — елустафьевский. Романов сохранил схему елустафьевского извода; Иевлев — текст, дефектный в отдельных частностях; Рябинин — творчески осмысленный и дополненный.

Рябинин не только осложнил текст повествования о Добрыне и Алеше. Осложнен был и самый сюжет и образы былины. В творчестве Рябинина не существует самостоятельного сюжета «Добрыни и Алеши». Он вплетен в сюжет «Добрыни и Василия Казимировича».

Сюжетное построение в результате слияния двух былин значительно детализировалось, что можно видеть при изложении сюжета.

1. Пир у князя Владимира. Владимир по совету Пермына Ивановича посылает Василия Казимировича отвезти дани королю Ботияну Ботияновичу. Василий берет в товарищи Добрыню и Иванушку Дубровича и обещает привезти дань Владимиру от Ботияна.

2. Богатыри прощаются с князем и княгиней и уходят с пира. Добрыня идет домой и прощается с матерью и женой. Жене наказывает ждать его 12 лет; по истечении срока может идти замуж за кого угодно, только не за Алешу Поповича. Добрыня уезжает.

¹⁹ Рыбников, т. I, с. 276—277; Гильфердинг, с. 501.

3. Богатыри съезжаются у дуба Нёвина, камня Олатьры и едут к королю Ботияну.

4. Ботиян принимает богатырей. Добрыня состязается с Ботияном (а) игра в шашки-шахматы; б) стрельба из лука; в) борьба с татарами) и побеждает его (в борьбе и в избииении врагов принимает участие Иван Дубрович). Ботиян молит Василия прекратить избиеение и дает дапи Владимиру.

5. Богатыри, возвращаясь в Киев, останавливаются у камня Олатьры. Прилетают голуби и предупреждают Добрыню о свадьбе Настасьи и Алеши. Добрыня едет в Киев.

6. Добрыня приезжает к матери. Мать не узнает его. Добрыня получает скоморошье платье и гусли, идет на свадебный пир.

7. Добрыня играет на пиру. Настасья по обручальному перстью узнает мужа. Добрыня расправляется с Алешей Поповичем.

Рябинин исключил в своем варианте эпизод сватовства Алеши. Этот эпизод оказался при слиянии сюжетов отвлекающим внимание от основной пити повествования. Былина повествует о Добрыне, но не о Добрыне и Настасье. Рябинин расширяет воинский сюжет путем вплетения в него эпизодов частной жизни богатыря. Такое осложнение сюжета сопровождается продуманной психологизацией персонажей. В былине Рябинина богатырь и его семья не только действуют, но и страдают, переживают, чувствуют. Создавая картины военной жизни и домашнего быта, Т. Г. Рябинин рисовал Добрыню как воипа храброго и могучего в стане у врагов, честного и презирающего ложь княжеского терема. Контрастность образов (Добрыня, богатыри — Владимир, Алеша, бояре) заставляет Рябинина противопоставлять одни другим. Подчеркнутая контрастность делает невозможным заступничество Ильи Муромца за Алешу. Романов—Иевлев мотивируют запрет выходить замуж за Алешу тем, что он крестовый брат Добрыни. Рябинин дополняет облик Алеши, указывая на его отрицательные качества как человека. Алеша враждебен Добрыне прежде всего своими чертами как человек, как носитель лжи и коварства. Характеристика Алеши обуславливает отсутствие в варианте Рябинина эпизода защиты Алеши Ильей Муромцем. Илья-богатырь, посетитель тех же положительных качеств, что и Добрыня, неизменно вступает в борьбу с насилием и обманом. Он не может брать под защиту Поповича.

Выразительно обрисована в рябининском варианте и матушка Добрыни — вдова Мамельфа Тимофеевна. Традиционный плач ее по Добрыне дан только как начало проводов любимого сына. Она присутствует при седлании коня, спрашивает Добрыню:

Ты покладаи на добра копя на богатырского

А двенадцать подиругов да настоящих.

Еще что же полагаешь ты тринадцатый-то подируг да запасный?

Добрыня ей отвечает, что кладет его из предосторожности, чтобы конь с седла не выскочил. Когда же Добрыня садится на

коня, Мамельфа Тимофеевна бежит за Настасьей Микуличной, наказывает ей, чтобы она спросила, когда Добрыню ждать²⁰.

Детализация эпизода проводов Добрыни матерью, оплакивающей судьбу сына, но бессильной что-либо изменить, дает возможность подчеркнуть черты материнской любви и женской покорности перед судьбой. Эти же черты Рябинин подчеркивал, рассказывая о приезде Добрыни. Добрыня видит, что его матушка сидит в горенке:

А й сидит-то ёго матушка невесело,
Она ронит-то свои горючі слезы.

Горе покинутой матери, обездоленной и забытой, звучит в скорбном упреке приехавшему мужичище-деревенщине:

Если был бы жив молоденькой Добрынюшка Микитинец,
Не дошло б тебе смеяться на́до мной
Да над моим двором да над вдовиным!

Сцена встречи матери с вернувшимся, но неузнанным Добрыней построена Рябининым на показе преодоления недоверия матери. Этот психологический момент дан на фоне приема троекратности словесной формулы. Добрыня трижды, почти без изменений, повторяет формулу наказа Добрыни дать скоморошье платье и гусли. Мамельфа Тимофеевна первый и второй раз вспоминает Добрыню, уверенная в его смерти; третий раз она, поколебленная в своей уверенности, раздумывает: не мог же деревенщина святым духом узнать о скоморошьем платье и гусях. В результате она идет и достает их.

Бледнее, чем мать, в рябининском варианте обрисована жена Добрыни — Настасья. Бледность ее облика объясняется тем, что Рябинин из своей былины исключил эпизод сватовства Алеша Поповича. Настасья Микулична показана только в эпизоде прощания с Добрыней (она спрашивает, когда Добрыня вернется) и в конце былины на пиру узнает (по перстню) мужа.

Сделанные наблюдения над былиной «Добрыня и Алеша» позволяют утверждать, что судьбы елустафьевского текста были различны. Малоодаренные сказители сохраняли его обедненным. Рябинин его переработал и осложнил. Новеллистическая былина о богатыре была соединена с одним из сюжетов былин воинского цикла и тем самым включена в круг героического эпоса. Слияние сюжетов «Добрыня и Алеша» с «Василием Казимировичем» расширило творческие возможности сказителя, позволило ему зарисовать богатыря во время «войны и мира». Тяготение к большому, сюжетно сложному художественному произведению с двумя линиями развития действия: а) воинские подвиги во вражеском стане; б) домашний быт — можно условно назвать стремлением зрелого таланта создать былину типа «маленького романа» или «ро-

²⁰ Гильфердинг, с. 485.

манической повести». Осложнение сюжета явилось результатом углубления классово-идеологической характеристики персонажей, контрастных в отношении друг друга, объединяемых в лагере героев образом Добрыни, в лагере отрицательных персонажей — образом Алеши Поповича.

Сюжет «Добрыня и Василий Казимирович», по свидетельству Т. Г. Рябинина, был им перенят от Ивана Агапитовича Завьялова из Гарниц, умершего в самом начале XIX в. Действительно, другим сказителям, сохранившим елустафьевскую традицию, имя Василия Казимировича неизвестно. Можно предполагать, что Рябинин в своей редакции соединил два извода: Елустафьева (в части «Добрыня и Алеша») и Завьялова (в части «Добрыня и Василий Казимирович»), создав тем самым самостоятельную вариацию сюжета.

По словам Т. Г. Рябинина, от того же Завьялова им была усвоена былина «Добрыня и Змей». Однако сопоставление дефектного текста Романова с вариантом Рябинина обнаруживает разительное сходство, позволяющее предполагать наличие елустафьевской традиции и в этом случае.

Начало варианта Романова заменяет традиционный зачин, запрет матери ехать к Пучай-реке и купаться в ней — плач, заимствованный из былины «Добрыня и Алеша» (см. выше). Единство извода былины Романова и Рябинина может быть отмечено с того места, где Романов переходит непосредственно к изложению сюжета «Добрыня и Змей» (по записи Рыбникова со стиха 29).

Романов

Рябинин

<p>I. Скоро будет Добрынюшка
На Пучай-реки,</p>	<p>I. Да приехал он ко славной
ко Пучай-реки,
Становил коня он богатырского,
Да й сходил Добрыня
со добра коня,
Посмотрел-то он на славную
Пучай-реку.</p>
<p>II. И хочет ён купатися во
Пучай-реки нагим телом.</p>	<p>II. Похотелось тут молодому
Добрынюшки
Покупатися во славной
во Пучай-реки;
Он одёжицу с себя снимал
всю донага
Да й пошел-то он купатися
во Пучай-реку.</p>
<p>III. На той реки девицы платье
мыли, белили.</p>	<p>III. Там на тую пору, на то времечко
А й на славной да на Пучай-
реки
Да й случились быть тут
красны девушки;
Оны клепят тонко беленькое
платьицо,</p>

ной из речи индийского царя былины «Вольга и Индийское царство») и переплывание трех струй Пучай-реки.

Сопоставление обнаруживает забвение текста Романовым. В то же время общность в развитии эпизода и в звучании словесных формул позволяет признать существование единого извода вариантов.

Видимо, Т. Г. Рябинин или ошибся в указании на Завьялова как на своего учителя былины «Добрыня и Змей», или текст Завьялова был родствен тексту Елустафьева. Удивительная память Рябинина и его отношение к былинам и их мастерам не позволяют думать об ошибочности указания на Завьялова как на своего учителя. Текст Завьялова, надо думать, был близок елустафьевскому, и, может быть, оба текста восходили, в свою очередь, к творчеству какого-нибудь их общего учителя, чье имя оказалось забытым. Условно рябининскую редакцию «Добрыни и Змея» на основе сказанного можно считать восходящей к елустафьевскому изводу.

Биографические сведения, сообщаемые А. Ф. Гильфердингом, возводили к елустафьевской традиции только две былины: «Илья и Калин-царь» и «Молодец и худая жена». Сами же тексты обнаруживают большее влияние творчества Елустафьева на Рябинина. В плане той же традиции звучат былины «Добрыня и Василий Казимирович» (по крайней мере в части сюжета «Добрыня в отъезде») и «Добрыня и Змей». Интересные связи с елустафьевской традицией обнаруживаются также в былине «Хотен Блудович». Эта былина записана от Т. Г. Рябинина (Р. I, № 15; Г. № 84), Романова (Р. I, № 44), Л. Богданова (Р. I, № 53), Иевлева (Р. I, № 71), Сарафанова (Р. I, № 85). Состав сказителей разнообразен. Романов и Иевлев — прямые наследники творчества Елустафьева. Об учителях Л. Богданова никаких сведений нет; однако песнь об Иване Васильевиче Грозном подсказывалась Богданову при исполнении К. Романовым, а участие Т. Иевлева в пении Богдановым «Дуная» дало возможность А. Е. Грузинскому отнести эту былинку к репертуару Терентия Иевлева. Творческая связь Богданова с Романовым и Иевлевым обнаруживает наличие в его былинах влияний елустафьевской традиции. Т. Г. Рябинин воспринял школу Елустафьева только отчасти. Сарафанов же совсем стоит в стороне от нее. А. Ф. Гильфердинг учителем Сарафанова называет Игнатия Андреева из Гарниц; следовательно, у него предполагается другая школа.

Несмотря на различия певцов и их школ, в былине о Хотене Блудовиче у всех сказителей замечается сходство многих деталей, требующее сличения всех текстов (см. Приложение № 2).

Сюжетное построение вариантов Романова, Иевлева, Богданова (елустафьевская традиция) и Сарафанова (традиция Игнатия Андреева) одинаково. Несколько особняком стоит вариант Рябинина. Эпизод боя с братьями и силой-войском в нем выпал. Приезд Хотена к терему Часовой вдовы завершён свадьбой Хотена и дочери вдовы. Отклонение варианта Рябинина от установленной редакции сюжета — результат рябининского творчества

и находится в связи с общей системой образов, выработанной сказителем в его былинах. В «Хотене Блудовиче», меняя конец былины, Рябинин использовал одну из своих устойчивых формул (формулу ожидания девушкой жениха). Та же формула имеется в рябининском варианте «Дуная» («Добрыни-свата»).

Дунай

Хотен Блудович

Вспрогбóворил Дунай такóвы слова: «Ай же ты, Опраксия королевична! А идешь ли ты замуж за князя за Владимира?»	Говорил Хотин а такóвы слова: «Ай же, Офимья купец-дочй! А идешь ли ты замуж за Хотинушку. За того Хотинушку за Блудовича?»
Говорит ёму Опраксия королевична: «Ай ты, славныя богатырь святóрусьскыя!	Вспрогбóворит Офимья такóвы слова: «Три году я госпóду молилася, Что попасть бы мне замуж за Хотинушку, За того Хотинушку за Блудовича».
Три году я госпóду молилася, Чтоб попасть мне-ка замуж за князя за Владимира».	

Начиная с ответа Офимьи, рябининский вариант Хотена дает пересказ привоза невесты в Киев и совершения свадебного обряда, включенный в былинку о Добрыне-свате²³. Рябинин перенес эпизод былины о Дунае-Добрыне в былинку о Хотене, исключив из него погоню за Настасьей и бой с ней. Перенос эпизода, Рябинин сохранил те же формулировки (ср. в «Дунае» стихи 233—242, 317—330 и в «Хотене» стихи 149—182). Рябининский вариант традиционен только в первой половине его (до встречи Хотена и Чайны-Офимьи).

Оставляя в стороне окончание рябининского варианта, мы должны отметить близость вариантов былины у сказителей разных школ. Некоторые отличия вариантов заключены в именах. Варианты сказителей елустафьевской школы — Романова, Иевлева, Богданова — последовательно сохраняют имена Блудовой вдовы и Часовой вдовы. Рябинин и Сарафанов вместо Часовой вдовы называют Купец-вдову; соответственно этому Блудова вдова сватает Купец-дочь. Имя дочери Купец-вдовы (или Часовой вдовы) варьируется. Романов и Иевлев называют ее Чайной Часовичной; Богданов, Рябинин, Сарафанов — Офимьей. Несмотря на различие имен, тексты вариантов часто совпадают почти дословно, что говорит об общности извода для вариантов всех пяти сказителей. В отношении «Хотена» следует считать, что елустафьевская школа сохранила его совершеннее. Текст Иевлева традиционнее, эпичнее, полнее других. То, что Иевлев пел его П. Н. Рыбникову в 1860-х годах, а в 1870-х годах, как выяснил А. Ф. Гильфердинг, уже забыл, показывает, что «Хотен» был сказителем воспринят от основной традиции (Елустафьева) и сторонними влияниями не поддерживался. Это соображение и развернутость сюжета у дру-

²³ Гильфердинг, с. 506—508, 520.

гих сказителей той же традиции позволяют считать «Хотена» былиной елустафьевской школы. Текст Сарафанова был или воспринят им от Елустафьева, или же, в случае если Сарафанов действительно усвоил ее от Игнатия Андреева, тексты «Хотена», известные Игнатию Андрееву и Елустафьеву, сливались в своих характерных чертах, отличаясь лишь именами некоторых героев.

На основе елустафьевской былины о Хотене и возник вариант Т. Г. Рябинина. Рябинин изменил вторую половину былины, уничтожил остроту конфликта. Соответственно этому образ строптивой девушки, типичный для «Хотена», был сменил излюбленным Рябининым обликом теремной затворницы, терпеливо ожидающей освободителя и идущей к герою по первому его зову. Предположить, что изменение образа Офимьи и сюжета былины — результат забвения, нельзя, так как известно, как требователен был к себе Рябинин. Напомним свидетельство П. Н. Рыбникова: «Обыкновенно я называл ему богатырские имена, какие знал, иногда рассказывал вкратце подвиги богатыря, а Рябинин тут же припоминал былину или же предлагал вместо нее спеть другую: „Этой я, П. Н., не знаю, а вот спою тебе про Вольгу Святославича“. Бывало и так, что он подолгу отказывался завести иную былину, „потому-де что всея не помнил“»²⁴. Свидетельство Рыбникова надо учесть, припоминая, что Рябинин без затруднений пел Хотена и Рыбникову, и Гильфердингу. Видимо, в сознании сказителя былина о Хотене существовала как завершенный вариант, параллельный вариантам Романова, Иевлева, Богданова, Сарафанова. Вариант Рябинина, как показывают наблюдения над ним, отразил творческую индивидуальность сказителя, слив ее с отточенной коллективом традицией. Сочетание коллективного и индивидуального начал образовало новую редакцию, параллельную типовой традиционной.

Особенности былин, воспринятых, по указанию самого Т. Г. Рябинина, от Ильи Елустафьева, как и разобранных выше, подтверждают положение о большом творческом процессе, который совершался при восприятии сказителем традиционного сюжета. И «Молодец и худая жена», и «Илья и Калин-царь» не сохранили в интерпретации Рябинина чистой елустафьевской формы.

Былина «Молодец и худая жена» в пору Рыбникова и Гильфердинга в районе Киж и Сенной Губы была известна только в елустафьевской редакции. Эта былина была записана от К. Романова (Р. I, № 47; Г. № 97), С. Корнилова (Г. № 117), В. П. Щеголенка (Р. I, № 76; Т. — М. № 60), Т. Г. Рябинина (Г. № 89) и от неизвестного сказителя (Р. I, № 101); по справедливому предположению А. Е. Грузинского, запись была сделана от Рябинина, но потеряла паспорт (у Рыбникова эта былина в репертуаре Рябинина отсутствует). За исключением двух последних вариантов, развитие сюжета всюду одинаково.

1. Добрый молодец поженен отцом против своей воли.

²⁴ Рыбников, т. I, с. LXXVII.

2. Молодец уходит от жены на службу к королю Литовскому.
3. Молодец служит королю 12 лет; живет с королевичной.
4. Молодец идет в царев кабак, пьет вино и хвалится связью с царской дочерью.

5. Царю доносят о похвальбе молодца. Царь приказывает его казнить.

6. Молодца ведут на казнь. Королевична выкупает его и отправляет домой.

7. Молодец на родине встречается с женой и двумя сыновьями. (См. сопоставительную таблицу — Приложение № 3.)

Варианты Щеголенка и Романова полностью воспроизводят сюжет. Семен Корнилов, вообще слабо помнивший былины и комкавший их сюжеты (хотя и обладал даром петь старицу складно, как писал А. Ф. Гильфердинг), не доводит до конца «Молодца и худую жену». Рассказав о выкупе героя из рук царских слуг королевичной, он на этом обрывал былинну, не показывая возвращения молодца к худой жене.

Елустафьевская редакция былины дает контаминацию двух сюжетов: «Женитьбы на худой жене» и «Молодца и королевичны». «Молодец и королевична» в чистой редакции в районе Киж — сюжет почти неизвестный. Рыбников в 60-х годах и Гильфердинг в 70-х записали ее в двух вариантах. Один (Г. № 162) — от Ивана Аникиевича Касьянова на Косозере, неизвестно от кого слышавшего ее. Второй — от Абрама Евтихиевича Чукова (Р. I, № 33; Г. № 155), который много путешествовал, портняжничая, и перенимал былины от разных сказителей в разных местах, хотя в целом репертуар его восходит к традиции косозерских сказителей. Жил Чуков в д. Горке б. Повенецкого уезда.

Включение эпизода из «Молодца и королевичны» в былинну о «Худой жене» вызвано стремлением детализировать эпизод странствий героя. Оно было настолько удачно, что вошло в типовую редакцию и удержалось у ряда сказителей, даже таких, как импровизатор Щеголенок. Наличие этой былины в репертуаре только учеников Елустафьева (былина записана только от них) позволяет считать ее достоянием елустафьевской школы. Сказители школы сохранили не только своеобразие построения сюжета, но и устойчивые словесные формулы.

Поскольку эпизод возвращения молодца на родину был забыт Корниловым, из его варианта исчезла и соответствующая формула. В вариантах Романова и Щеголенка она сохранилась.

Справедливо установившаяся за Щеголенком репутация импровизатора²⁵ заставляет проверить устойчивость цитированных словесных формул по повторным записям той же былины. Через 25 лет после записи П. Н. Рыбникова, в 1886 г., «Молодец и худая жена» был записан от Щеголенка Ф. М. Истоминым. Эта новая

²⁵ Характеристика творчества В. П. Щеголенка дана в статье Н. Васильева «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. наук, СПб., 1907).

запись на 152 стиха больше записи Рыбникова. Несмотря на более чем вдвое увеличенное количество строк, вариант сохранял ту же сюжетную канву. Формулы остались прежними, лишь незначительно варьировались²⁶.

Устойчивость сюжета и устойчивость формул, совпадающих с былинами Романова и Корнилова, доказывает, что вариант Щеголенка идет от елустафьевского извода и говорит о сохранении его даже сказителем-импровизатором.

Тот же елустафьевский извод лег в основу варианта Т. Г. Рябинина. Т. Г. Рябинин до минимума свел эпизод пребывания молодца у короля в Литве, сжав весь рассказ об этом пребывании в несколько строк:

И зашел-то к королю к литовскому,
Да й задался во служёнии к литовской королевичной,
Да й служил у ней двенадцать год,
А двенадцать год служил он верой-правдою,
Верой-правдой он служил да не изменою;
На кровати спал он на тисовою,
А й на той он на перинке на пуховою,
У самой ли то у ней да на белой груди.
Стосковалось тут дородню добру мблодцю...²⁷

Эпизоды, изображающие разгул молодца (пьянство в кабаке, похвальба, приказ о казни и выкуп молодца королевичной), целиком выпали из варианта Рябинина. Выпадение уничтожило авантюрный элемент быliny и вместе с тем подчеркнуло в ней основную тему разлада в семье с худой женой. Т. Г. Рябинин снимает начало быliny о гульбе молодца до его женитьбы и сразу начинает основную тему.

Молодец сидит в кручине; на вопрос о кручине молодец отвечает, и в ответе звучат использованные елустафьевские формулы:

«Еще как-то мблодцю мне не кручиниться?
Еще как-то мблодцю мне не печалиться?
Как вечер-то лег я — не поужинал,
Я утрбсь-то стал да не позавтракал,
Пообедати схватился — там и хлеба нет²⁸.
Поневолили-то мблодца жениться,
Поженили-то в деревни у суседушка,
У суседа бны брали у богатого,
Да й приданого-то много — человек худой.

²⁶ См.: Русские быliny старой и новой записи/Под ред. Н. С. Тихомирова, В. Ф. Миллера. М., 1894, № 60, с. 214—221. Например, с. 11—14: «Да приданого много, человек-от худой; Да приданое-то большое на грядки висит... Да худое-то женишко на руки да лежит». См. также с. 33—36, 77—78, 83, 88, 91, 188—199, 236—253.

²⁷ *Гильфердинг*, с. 543.

²⁸ См. полное совпадение с формулой В. П. Щеголенка в кн.: *Рыбников*, т. I, с. 414, строки 21—23. Ср. также эту формулу в разбойничьих песнях.

А й приданое висит на грядочке,
Да й худая жонка-то на ручки спит.
То мне не с ким добру молодцю поглядиться,
Да и не с ким добру молодцю полиститься,—
И оттого-то молодец да во гульбу пошел...»²⁹

Описание женитьбы молодца от третьего лица заменено речью самого молодца, горюющего о своей судьбе; его речь раскрывает его переживания, как бы активизирует их, обосновывая уход от семьи.

Сохраненные из елустафьевского извода формулы, изображающие возвращение молодца в семью, также осмыслены по-новому. Рябинин говорит, что брошенная жена, став одинокой, натерпелась горя-злосты, стала работающей. Молодец, возвращаясь, видит картину бедности, почти что нищеты. Белокаменная (или богатырская) палата, сохраненная учениками Елустафьева, заменена «худой, малой хижинкой», около которой ходят «два глупые вьюнышка». Молодец ждет жену до позднего вечера.

Тут худая-то жона да жбна умная,
Жбна умная многоразумная,
То идет она с крестьянской со работушки,
Во правбой руки несет-то кбсу вострую,
Во левбой руки несет-то грабли частыи,
На плечах бедна горюница дрова несет...³⁰

Далее жена узнает молодца и, обрадованная, примиренная с ним, ведет его в дом.

В этом, созданном Рябининым, эпизоде возвращения жены с крестьянской работы (он не встречается ни в каком другом варианте 1860—1870-х годов), в смене эпитета «худая» жена эпитетом «умная-многоразумная» сквозят глубокие переживания человека, весь тяжелый путь, пройденный брошенной женой, путь, изменивший ее характер.

Облик изменившейся жены обрисовывается намеками, легкими, бегло набросанными чертами. Перемена, совершившаяся в ней, была логически необходима, так как она обосновывает примирение мужа и жены и приводит к мотиву возвращения молодца в свой дом. Уничтожение элемента авантюры дало возможность углубить очертания героев былины как персонажей бытового повествования, индивидуализировать их страдания, создать небольшую новеллу. На основе традиции возникает новый по своему сюжетному строению и по образам текст. При этом формулы «Молодца» сочетались с формулами из других былин (ср. «Ставер» и др.)³¹.

²⁹ Гильфердинг, с. 542.

³⁰ Гильфердинг, с. 544.

³¹ Параллельно с типовыми формулами «Молодца» Рябинин вводил в свой вариант формулы из других былин. Например, формула узнавания молодца была перенесена из «Ставра». Традиционная формула черныльницы

Еще более сложный творческий процесс, чем в предыдущих былинах, совершился с былиной Рябинина «Илья и Калин-царь». В рябининском репертуаре известны две самостоятельные редакции: одна 1860-х годов с Ермаком; другая 1870-х годов без Ермака. В районе Киж Рыбников и Гильфердинг записали «Илью и Калина» от К. Романова (Р. № 39, Г. № 92), В. П. Щеголенка (Р. № 74, Г. № 121), Т. Г. Рябинина (Р. № 7, Г. № 75), А. В. Сарафанова (Г. № 105), Д. В. Суриковой (Г. № 138). Наличие былины в репертуаре сказителей разных традиций осложняет рассмотрение ее истории. По свидетельству самих сказителей, Романов и Рябинин восприняли ее от Елустафьева; Сарафанов — от Игнатия Андреева; Сурикова — от Конона с Зяблых Нив. Тексты Щеголенка весьма сильно варьируются и не сопровождаются ссылками на учителей.

Все перечисленные варианты вводят Ермака как основного героя повествования. Илья, а вместе с ним Добрыня и Алеша отступают на второй план, играют роль богатырей, помогающих герою в его борьбе с врагами.

Сходство и различие вариантов обнаруживаются сравнительной таблицей формул (см. таблицу — Приложение № 4).

Сопоставление обнаруживает различие формул в текстах Романова и Рябинина, двух сказителей, перенявших, по их свидетельству, «Илью и Калина-царя» от Елустафьева. Текст Романова не имеет эпизода приезда богатыря и его совета Владимиру дать дары Калину, чтобы получить отсрочку. Текст Рябинина не знает эпизода приезда Ермака к богатырям в поле и его разговора с богатырями. Эпизод с храпами в варианте Романова имеет формулу, совершенно отличающуюся от типовой, сохраненной Рябининым и Сарафановым.

Отдаленность былин Романова и Рябинина заставляет усомниться в утверждении, базирующемся на свидетельствах сказителей, о восприятии ими текста одного учителя. Если возводить романовский вариант к изводу Елустафьева, то вариант Рябинина должен иметь другой исток. Близость текстов Рябинина и Сарафанова, ученика и внука Игнатия Андреева, может вызвать предположение об их генетической связи. Что же касается варианта Д. Суриковой, перенявшей былины от Конона с Зяблых Нив, то он остано-

и пера, игры в шашки-шахматы, в велеи и езды на коне в «Молодце» приобретает такое, можно сказать, облагороженное звучание:

Потому я знаю жену мужнюю,
Что с тобою мы росли да близко-поблизу,
Да играли мы с тобой в шашки-шахматы,
Да во славы во велеи во немецкин,
А й и тогда с тебя я часто езды брал...

Вслед за этим молодец заставляет жену вынуть из его кармана конверт с деньгами и перстнем. В данном случае Рябинин совершал примерно то же, что в былинке о Хотене Блудовиче. Он сочетал формулы, относящиеся к разным былинам, используя те, которые ему были нужны для обрисовки образа.

вливают на себе внимание, как очень полный по деталям текст, имеющий формулы и романовского, и рябининско-сарафановского вариантов. Эта полнота обусловлена или родством текстов Андреева и Елустафьева с Кононовским, или знанием Суриковой всех трех изводов. До нас не дошли варианты «учителей» в их чистом виде; нет и других текстов «Ильи и Калина-царя», записанных от сказителей Кононовской школы. Поэтому сделать какие-либо определенные выводы о редакции варианта Конона пока не представляется возможным.

Разночтения в тексте, однако, в данном случае не связаны с существенными изменениями сюжета. У всех сказителей Киж построение былины в ее обобщенных очертаниях остается неизменным.

1. Калин-царь посылает посла к Владимиру с ярлыками скорописчатыми.

2. Владимир не знает, что ему делать. Ермак, племянник Владимира, вызывается ехать на бой с врагами.

3. Ермак бьется с полчищами Калина-царя. Богатыри приезжают к нему на помощь и пытаются остановить его.

4. Богатыри побеждают врагов.

Развитие сюжета, однако, варьируется. Второй эпизод, в вариантах Рябинина, Сарафанова, Суриковой, сочетается с рассказом об откупе у Калина-царя на три (два) месяца. Третий эпизод, в вариантах Романова, Щеголенка и Суриковой, осложнен встречей Ермака с богатырями и упреком, брошенным им. Четвертый эпизод (заключительный) варьируется весьма разнообразно. Рябинин оканчивает былину смертью Ермака. Сарафанов — победой над татарами и возвращением Ермака и богатырей в Киев. Романов, забывший конец былины, вспоминал, что богатыри как будто бы «укротили» Ермака. Щеголенок и Сурикова привносят в былину черты «Камского побоища». Перед богатырями, в варианте Щеголенка, предстает сила небесная; в борьбе с ней гибнут богатыри, и мертвый (окаменелый) Илья превращается в мощи. В варианте Суриковой эта картина гибели богатырей меняется. О мощах Ильи не идет речи вовсе; Ермак же остается жив и в награду себе просит разрешения пить вино безденежно в царевых кабаках.

Устойчивым оказывается только начало былины. Тексты имеют индивидуальные разночтения. Сюжет, не отстоявшийся в передачах кижских сказителей, не приобретает в 60—70-х годах типовых редакций. Творчество таких мастеров былины, как Т. Г. Рябинин и импровизатор Щеголенок, показывает «Илью и Калина-царя» еще только в процессе становления. На основании записей, сделанных от Щеголенка, можно сказать, что он, исполняя былину о Калине, превращал ее в повествование об исчезновении на Руси богатырей, акцентировал, делал основным этот дополнительный эпизод³².

³² См.: Рыбников, т. I, № 74.

Рябинин вводил новые подробности в данную былину. Так, например, им был внесен запев о турах золоторогих, заимствованный из былины о Ваське-пьянице (вариант Рябинина: татарин отсылает туриц посмотреть, что делается на святой Руси; турицы рассказывают ему о плачущей девушке; татарин говорит о невзгоде, нависшей над Киевом; Калин-царь снаряжается в поход на Русь). В 70-х годах Рябинин совершенно отходит от принятого типа былины и, единственный в районе Киж, воскрешает старую редакцию «Ильи и Калина» — без Ермака и с попаданием Ильи Муромца во вражеские подкопы глубокие.

В редакции былины 70-х годов Рябинин сохраняет некоторые свои старые формулы, но расширяет и детализирует их (см., например, формулу наказа послу, с. 35—64). За исключением совпадающих строк формул, новый текст Рябинина ничего общего со старым не имеет. Причины, заставившие Рябинина обратиться к новой редакции былины, не вполне ясны. Может быть, здесь имела значение высокая художественность где-то и от кого-то услышанного текста. Может быть, причиной было то, что героем был не малоизвестный Ермак (исторических песен о Ермаке в Заонежье вообще не записано), а Илья — герой многочисленных былин, особенно любимый Т. Г. Рябининым (Илья вообще является главным героем рябининских былин). В отношении сюжета «Илья и Калин-царь» Рябинин в районе Киж явился новатором. В 70-летнем возрасте он был еще настолько полон творческих сил, что сумел вновь создать произведение большой художественной значимости.

Именно эта вторая редакция «Ильи и Калина-царя» была унаследована учениками Т. Г. Рябинина³³.

Для Т. Г. Рябинина вообще характерна подвижность текста. Он не хранил его затвержденным наизусть, а постоянно варьировал³⁴. Это можно видеть и на примере его варианта былины о Соловье-разбойнике, классической по строгости форм, по эпичности разработки.

Былина об Илье и Соловье в районе Киж записана от сказителей разных школ. От Т. Г. Рябинина она записана дважды (Р. I, № 4; Г. № 74); от Сарафанова (школа Игнатия Андреева) также два раза (Р. I, № 82; Г. № 104). Рыбников записал ее также от Федотова (Дутикова), перенявшего былинку от Конона с Зяблых Нив, Гильфердинг — от Александра Дьякова, крестьянина деревни Потаневщины, 50 лет от роду. Ал. Дьяков «понял» былинку, по его словам, от Елустафьева. Текст, сохраненный его памятью, — дефектный. Никаких других былин он не знал.

Для разбора возьмем варианты Дьякова, рыбниковскую и гильфердинговскую записи от Сарафанова, соединяя ту и другую

³³ См.: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948.

³⁴ Ср. комментарии А. И. Никифорова к «Онежским былинам» А. Ф. Гильфердинга (3-е изд., М.; Л., 1938, т. II, с. 685—688).

(Сарафанов катастрофически быстро забывал былины, об этом писал еще А. Ф. Гильфердинг), и обе записи, сделанные от Т. Г. Рябинина (см. Приложение № 5).

Текст Федотова (Дутикова) оставляем в стороне, как вариант другой редакции, извода, чуждого Т. Г. Рябиницу (Конона с Зяблых Нив; ср. освобождение мужиков бежеговцев, вместо города Чернигова, описание переправы Ильи через болота-грязи и др.).

Сопоставление текстов Сарафанова, Дьякова и Рябинина не позволяет установить их связи, потому что первый искажил извод Игнатия Андреева, второй скомкал вариант Елустафьева. Тексты Сарафанова и Дьякова явно дефектны; конец былины не только не развит, но, можно сказать, испорчен (например, в варианте Дьякова отсутствует эпизод казни Соловья). Однако, если предположить сохранность некоторых формул в обоих текстах, сопоставление укажет на большую близость вариантов Дьякова и Рябинина в первой половине былины, чем вариантов Рябинина и Сарафанова. Сарафанов говорил о мужиках обалковских, тогда как Дьяков и Рябинин сохраняют типическое место с Черниговом и черниговцами. Так же близко в текстах Дьякова и Рябинина описание двух дорог (ср. сохранение в обоих текстах географических наименований); текст Сарафанова вводит подробное описание гнезда Соловья, отсутствующее в других сопоставляемых вариантах. Сарафанов вводит также интересную подробность в описании свиста Соловья: от свиста конь Ильи вывертывает землю на аршин — подробность яркая и, видимо, воспринятая по традиции. Ее вряд ли мог внести такой недаренный сказитель, как Сарафанов. Этой подробности нет ни у Дьякова, ни у Рябинина, сохранивших традиционный переход от описания свиста к стрельбе Ильи из лука.

Сопоставление второй части былины никаких выводов о близости текстов сделать не позволяет. Текст Рябинина отдален от других цитированных вариантов и представляет собой или отгосок какого-либо другого извода, или самостоятельное творчество Трофима Григорьевича. Последнее предположение вполне допустимо — его подтверждают вариации текстов 60-х и 70-х годов. Если первая часть былины в передаче Рябинина довольно устойчива по формулам и их сцеплению, то вторая дает интересные отличия. Весьма показательно описание встречи Ильи с родными Соловья. В варианте, спетом Рыбникову, Рябинин назвал имена трех дочерей разбойника и ввел эпизод с подворотней в очень полной редакции. В записи А. Ф. Гильфердинга этих деталей нет. Зато в целом он эпичнее: в нем обряднее формулы, обильнее подробности описания. Может быть, различия вариантов, записанных Рыбниковым и Гильфердингом, были в известной мере обусловлены различием методов записи собирателей. Но и это не опровергает утверждения о подвижности текста. Сказители, обладавшие застывшими текстами (например, Романов), обнаруживали и при разных методах записи удивительную сохранность текста на протяжении десятилетий. Выше, на примере изменений текстов

елустафьевской традиции, показывалось, как и в какой мере Т. Г. Рябинин допускал в своих былинах вариантность переходных мест, словесных формул, иногда даже сюжетов. Но Рябинин не брал былины исключительно у Елустафьева. Гильфердинг со слов Трофима Григорьевича сообщал, что его учителями были, помимо Елустафьева, упоминавшийся выше Игнатий Иванович Андреев из деревни Гарницы (от него усвоены: «Вольга и Микула», «Илья и дочь», «Дунай», «Потык», «Королевичи из Крякова», «Скопий»); Иван Агапитович Завьялов из Гарницы (от него перенят «Василий Казимирович»); Иван Кокойкин (от него усвоен «Дюк Степанович»), Федор Трепалин из Мигуров (от него перенят «Иван Годиневич»). Т. Г. Рябинин не ограничивался традицией какого-либо одного мастера былевого эпоса (это, между прочим, отличает его от его детей, внуков, правнуков). Он использовал мастерство разных сказителей XVIII — начала XIX вв. и, на основе воспринятого, создал свои индивидуальные варианты былин.

К сожалению, установить традиционность и индивидуальное начало в былинах Рябинина, воспринятых им не от Елустафьева, а от других учителей, не представляется возможным. И Андрееву, и Завьялову, и Кокойкину не посчастливилось в отношении учеников. Еще в отношении эволюции изводов былин Андреева можно делать некоторые наблюдения: от Андреева перенял былины неоднократно упоминавшийся Сарафанов. Но уже из сказанного выше видно, насколько ненадежен этот источник. Былины Сарафанова — дефектные тексты, или полуразложившиеся, или испорченные совершенно. Однако за неимением лучшего источника приходится обращаться к этому.

В репертуаре Рябинина некоторую общность с вариантами Сарафанова, помимо разобранных выше, имеют былины: «Ставер Годиневич», «Илья и Идолище» и отчасти «Дунай».

В «Дунае» Рябинина есть характерная деталь. На пиру, после вопроса князя Владимира о невесте, об Апраксии говорит не Дунай, а некий Пермин Иванович (ср. в былинке «Добрыня и Василий Казимирович»; не вариация ли это имени Бермяты? Оно варьируется различно: Бермя, Пермь и т. д.). Тот же Пермин указывает на Дуная как на подходящего свата.

Сарафанов сохраняет эпизод с советчиком, но советует Владимиру Илья Муромец.

Дальнейшее развитие действия в вариантах Сарафанова и Рябинина различно. Сарафанов повествует о традиционном приглашении Добрыни. Рябинин сочетает его с приглашением Василия Казимировича. Может быть, это индивидуальное привнесение в сюжет Т. Г. Рябинина, основанное на сходстве сюжетных линий былин «Добрыня и Василия Казимировича» и «Добрыня-свата». А может быть, это традиция Андреева. Определенно ответить на этот вопрос мешает дефектность сарафановского варианта.

Вариант Сарафанова былины об Илье и Идолище также ничего не дает для раскрытия метода переоформления андреевской традиции; это конспект былины в 28 строк. Разрушенная ритмика

былины, приближенный к прозе стих, сохранение одной-двух ничего не выясняющих словесных формул характеризуют текст Сарафанова.

Значительно интереснее для сопоставлений «Ставер». Эта былина сохранена памятью Сарафанова отчетливее (может быть, из-за ее авантюрно-повеллистического сюжета, свойственного большей частью сказкам, знатоком которых Сарафанов был). Наряду с общими для всех вариантов деталями его текст сохраняет специфические особенности, включенные и в вариант Т. Г. Рябинина.

Оба варианта построены по одному типу.

1. Пир у князя Владимира. Владимир вызывает Ставра на хвастовство. Ставер хвастает богатством и умом жены. Ставер заключен в тюрьму.

2. Василиса узнает о заключении Ставра, стрижет волосы, одевает мужское платье, едет в Киев.

3. Василиса сватается за Забаву Путятичну.

4. Владимир испытывает Василису. Испытания: постелью (периной), баней, единоборством.

5. Василиса борется со Ставром, побеждает его и открывается ему. Ставер и Василиса уезжают.

Сюжет былины принадлежит редакции вариантов, типичных для Онежского края (ср. сибирские варианты), но имеет некоторые особенности деталей. И у Сарафанова, и у Рябинина Ставер хвастает на пиру добрыми молодцами, добрыми конями, неуменьшающейся золотой казной, молодой женой. Рассказ о сообщении Василисе (Настасье) вестей о заключении Ставра дан сжато, в одной фразе (Сарафанов: «Прознала его молода жена...». Рябинин: «Проведала его молода жена, молода Василиста Микулична, что ее любимый муж, Ставер сын Гоудинович, в полону сидит на погребе холодным»). Характерен также эпизод узнавания Ставром жены во время поединка, а не на прогулке после свадебного пира. Здесь Ставер выступает как борец, а не как музыкант (ср. варианты Макаровой, Пастуховой, Чукова) или игрок в шашки-шахматы заморские (ср. вариант Домны Суриковой). В районе Киж по записям 60—70-х годов Ставер выступает борцом еще только в варианте Щеголенка.

При некоторых общих чертах сходства вариантов Рябинина и Сарафанова все же невозможно говорить об их текстовой близости из-за разрушенности стиха сарафановского текста. Сопоставление не может быть детальным, и, следовательно, нельзя установить соотношение личного и традиционного начала в этом тексте Рябинина. Отсутствие других параллельных текстов, восходящих к текстам учителей Рябинина, не позволяет обрисовать творческий процесс сказителя даже в самых общих чертах в былинах неелустафьевской традиции. Можно только предполагать, что творчество сказителя имело приблизительно такой же характер, как в рассмотренных выше былинах.

Сказанное относится почти ко всему репертуару Рябинина, который очень велик. Т. Г. Рябинин пел 23 былины и 2 истори-

ческие песни XVI—XVII вв.: 1 — Вольга и Микула; 2 — Самсон-богатырь; 3 — Святогор (2-й и 3-й сюжеты по своей форме полубылины, полубывальщины); 4 — Илья и Соловей-разбойник; 5 — Илья и дочь (вариант «Ильи и сына»); 6 — Илья и Идоллице; 7 — Илья в ссоре с князем Владимиром; 8 — Илья и Калинин-царь (две редакции, см. выше); 9 — Добрыня-сват (Дунай); 10 — Добрыня и змей; 11 — Добрыня и Василий Казимирович (контаминирован с былинной о Добрыне и Алеше); 12 — Добрыня и Маришка; 13 — Дюк; 14 — Михайло Потык (два текста, оба дефектные); 15 — Королевичи из Крякова; 16 — Садко (дефектный текст); 17 — Василий Буслаев (дефектный текст); 18 — Сорок калик (дефектный текст); 19 — Хотен Блудович; 20 — Ставер; 21 — Иван Гоудинович; 22 — Молодец и худая жена; 23 — Горе (дефектный текст, ср. вариант Романова); 24 — Иван Грозный и сын; 25 — Скопин.

Из перечисленных былин 5 сюжетов в районе Киж записаны только от Рябинина: Илья и дочь, Илья и голи (ссора с князем Владимиром), Иван Гоудинович, Самсон, Святогор. Особую редакцию представляет деформированная былина «Горе».

Наибольшую художественную ценность в репертуаре Т. Г. Рябинина имеют былины киевского цикла. Былины об Илье и Добрыне представлены разными сюжетами; разработка их своеобразна. Былины других циклов во многих случаях полузабыты, полуразрушены, видимо, остались в памяти вне творческого освоения их. Так, из галицко-волинских былин Рябинин пел «Дюка» и «Михайлу Потыка». «Дюк» — полон, но рассказ о ходе событий не следует традиционной сюжетной канве и не завершен отъездом Дюка на родину. Рябинин строил былинку о Дюке, вводя мотивы спора с Чурилой непосредственно вслед за похвалой Дюка во время пира. Заключение Дюка в тюрьму выбрасывается. Былина оканчивается описанием богатств Галича, которые увидели послы князя Владимира.

Такое построение былины менее выпукло, чем обычно; сам образ Дюка в известной мере обрисован, но стерта острота конфликта между галичанином и киевским князем.

Другая галицкая былина — «Михайло Потык» сохранилась в памяти Рябинина полуразрушенной. Она представляет собой — и это кажется странным для Т. Г. Рябинина — слабо сделанную копию известного варианта Никифора Прохорова (Утицы). Не решая вопроса, заимствовал ли Рябинин свой текст от Утицы, или оба текста восходят к одному изводу, ограничимся констатацией факта некоторого сходства былин.

Из былин повгородского цикла Трофиму Григорьевичу были известны все важнейшие сюжеты: «Вольга и Микула», «Садко», «Василий Буслаев», «Сорок калик со каликою», «Хотен Блудович».

О «Хотене Блудовиче» уже говорилось выше. За исключением этой былины и «Вольги и Микулы», все перечисленные былины хранились в памяти Рябинина в отрывках; образы их смутны;

важнейшие эпизоды забыты (например, в былине о Василии Буслаеве отсутствуют описания молодости Василия, спора его с новгородцами, кулачного боя и т. д.; в былине «Садко» осталось только описание скупки новгородских товаров и выезда Садко в море).

Вариант «Вольги и Микулы» Рябинина, воспринимаемый по установленной традиции как классический текст, созданный им самим, при сопоставлении с текстами других сказителей оказывается также менее полным. При почти дословном совпадении текстов Рябинина и Касьянова все же оказывается, что Касьянов былинку сохранил полнее (см., например, эпизод приезда в город и встречи с мужиками). Рябинин, видимо, сохранил текст без переработки — так, как его пели многие сказители до него и во время его деятельности. Единственная отличительная черта варианта Рябинина появляется в записи 70-х годов (ее не было в записи Рыбникова) и заключается в начальных строках:

Жил Святослав девяносто лет,

Жил Святослав да переставился...³⁵

Эти строки — сокращенный зачин былины о Василии Буслаеве. Из традиционного зачина выброшены описания отношений с Москвой, Псковом, осталась речь о смерти. Рябинин перенес зачин из «Василия Буслаева», так как он там предшествует рассказу о рождении богатыря, с которого начинается и былина о Вольге и Микуле.

Краткий обзор репертуара Т. Г. Рябинина показывает, что в центре его творчества стояли былины воинские, героические, по преимуществу киевского цикла. Тема этих былин (борьба богатырей с степным кочевьем, защита родины от врага) определяет круг образов, которые творчески осваивал сказитель. Особенно тщательно обрисовывались Рябининым образы Ильи, Добрыни и их близких, противопоставляемые князю Владимиру с Апраксией, Алеше Поповичу, боярам. Для Рябинина образ того или другого лица был постоянен; разноречивых очертаний их в разных былинах рябининского репертуара нет (это стало причиной, в частности, того, что Рябинин не пел былины об Алеше и Тугарине, которая была известна его учителям; образ Алеша в былине о Тугарине противоречит его образу в былине «Добрыня и Алеша»). Былины об Илье и Добрыне объединяются едиными образами, как главы, в целую повесть о богатырях, героях, воплотивших идеалы правды, чести и доблести.

Антагонизм Ильи Муромца, Добрыни Никитича (и других богатырей, среди которых они лучшие) и княжеского двора виден в каждой былине Рябинина. Характерны слова богатырей (Сам-

³⁵ Гильфердинг, с. 435. О варьировании этой былины при повторных исполнениях ее см. в комментариях А. И. Никифорова к 3-му изд. «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга (т. II, с. 685—686).

сона Самойловича), произносимые в былине об Илье и Калине-царе (редакция 70-х годов), подчеркнутые троекратным повтором.

Да не будем мы беречь князя Владимира,
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их и пбит да и жалует,
Ничего нам нет от князя Владимира³⁶.

Контрастность образов богатырей и Владимира с боярами — общая черта фольклора. Т. Г. Рябинин ее последовательно оттеняет, в разных былинах рисуя отрицательные черты Владимира на показе отношения его к богатырю и его семье. Образ Владимира на пиру, как всегда, мало выразителен; Рябинин не вносит никаких подробностей, говоря о том, как князь по горенке похаживает, разговоры разговаривает и т. д.

Выразительно рисуется Владимир при нашествии врагов и в своих действиях против богатырей. Получив грамоту от Калина-царя, Владимир «по горенке да стал похаживать, || С ясных очушок он ронит слезы ведь горючий, || Шелковым платком князь утирается»³⁷. Покорно он собирается платить дань королю Ботияну Ботиянову («Добрыня и Василий Казимирович»). Слабость, бессилие князя подчеркивают мужество богатырей. Деталь характеристики Владимира — княжеская слабость — сочетается с его чертостью, беспринципностью, коварством. В той же былине о Калине-царе говорится, как Владимир заключает Илью в тюрьму. Контаминируя сюжеты «Василия Казимировича» и «Добрыни и Алеши», Рябинин получает возможность углубить отрицательную характеристику князя, рассказывая, как, воспользовавшись отсутствием посланного на подвиги Добрыни, князь сватает Настасью за Алешу. Речь Добрыни в варианте Рябинина звучит резче, чем у многих других сказителей (см. выше цитирование ее в сопоставлении с былинами других сказителей).

Следует отметить, что в былине «Илья и Соловей» именно Владимир, а не бояре обвиняет Илью во лжи («Во глазах мужик да подлыгаешься, // Во глазах мужик да насмехаешься») ³⁸.

Восприятие персонажей героического былевого эпоса в их взаимоотношениях с князем и боярами определяет сохранение в репертуаре Рябинина былины, специально посвященной конфликту богатыря и князя: «Илья Муромец в ссоре со Владимиром». Сюжет ее логически завершает намечаемое в других былинах отрицательное отношение богатыря к князю.

В творчестве Рябинина тема защиты Родины и подвигов богатырей неразрывна с показом социального конфликта, антагонизма между народом, его героями, с одной стороны, и князьями

³⁶ Гильфердинг, с. 452.

³⁷ Там же, с. 447.

³⁸ Во многих вариантах обвинение Ильи во лжи вовсе отсутствует, ср. варианты Калинина, Фепопова, Никитина и др.

и боярами — с другой. С социальными мотивами связана и характеристика женских образов былин. Они страдают от княжеских притеснений, и, естественно, это вызывает возмущение и протест богатыря. В богатырских былинах Рябинина отношение князя и вообще любых насильников к женщине позволяет углубить тему защиты притесняемых и униженных. Илья Муромец, убивая Соловья, говорит ему:

«Тоби полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молбдых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок»³⁹.

Добрыня выручает из змеиного плена «полона́ рассейскии» и Забаву Путятичну, Добрыня вступает за свою мать и обманутую жену. Любимым женским образом в творчестве Рябинина становится образ страдающей и покорной судьбе женщины. Такова худая жена — жена умная, такова горящая мать богатыря Добрыни. Даже Настасья-поляница, победившая Дуная в состязании, подчиняется воле мужа и только просит его:

А й молилася она да горько плакала:
«Ай же, тихия Дунаюшко Иванович,
Ты меня прости во женской глупости!»⁴⁰

Настасья-поляница повторяет слова Настасьи Микуличны, признающей, что у бабы «волос долог, да ум короток».

Т. Г. Рябинин делает образ кроткой женщины одним из основных в своем творчестве, заменяя им некоторые традиционные образы строптивых и злых жен. Совершенно измененным, как можно было видеть выше, предстает образ Офимьи (Чайны Часовичны) в былине о Хотене Блудовиче. Подчеркнуто кроткой и благожелательно расположенной к Владимиру изображена Апраксия в былине о Добрыне-свате. Этот образ теремной сиделицы, которую не обвеют буйные ветры и не обпечет красное солнышко, углублен показом смиренного, но настойчивого ожидания сватовства.

Образу кроткой теремной девушки, жены, верной мужу, безропотно подчиняющейся ему, противопоставит образ злой изменницы-«отравщицы», разработанный Рябининым в былинах «Добрыня и Маринка», «Михайло Потык», «Иван Годинович». Все эти три былины построены по одному и тому же принципу. Злая жена неизменно гибнет, наказанная за свою развратность, гордость, строптивость. Типовым сюжетом оказывается сюжет «Ивана Годиновича»; ему подчинена даже былина о «Добрыне и Маринке». Добрыня, убив Горыница, венчается с Маринкой вокруг кустика ракитова и затем убивает ее, напоминая ей, что она бы-

³⁹ Гильфердинг, с. 445.

⁴⁰ Гильфердинг, с. 510.

ла любовницей Змея. Напоминание полностью совпадает с текстом из былины о женитьбе Ивана Годиновича. Однако образ злой жены нельзя считать ведущим в творчестве Рябинина. Самые былины, в которых он показан, неполны, не принадлежат к лучшим образцам. «Иван Годинович» — наиболее полный и художественный текст из всех названных трех — все же не выделяется оригинальностью, включает формулы «Потыка» (например, формула крещения «в веру христианскую» невесты), «Добрыни и Алеши» (формула концовки былины). Он как бы слеплен из разных кусков умелой рукой мастера, но без творческого увлечения, ведущего к углубленному осмыслению образов. Былины о злой жене несут элементы бытовой морали, которая не занимала в искусстве Рябинина заметного места.

Характерный в былевой поэзии образ злой жены был воспринят сказителем, но в традиционных сюжетах остался лишь намеченным. Творческое завершение он получил в своеобразной рябининской переработке былины об Илье и Сокольнике, где сына заменяет дочь Ильи — та же носительница злого начала, но уже включенная в героическую тематику защиты Родины от врага. В интерпретации Рябинина былина «Илья и дочь» стала отрицательной параллелью к сюжетам боя богатыря и поляницы («Добрыня и Настасья», «Дунай и Настасья»). Дочь Ильи противопоставляется богатырке, вступающей в брак с богатырем (ср. у Рябинина «Дунай»). Покорности Настасьи противостоит злоба, строптивость и коварство дочери Ильи.

Настасья Митриевичпа («Иван Годинович») пасмехается над своим бывшим, коварно ею преданным женихом; Марья Лебедь Белая («Михайла Потык») распинает своего мужа; Маринка («Добрыня и Маринка») колдовством закрывает Добрыне путь. Так же и дочь Ильи во время сна отца воровски пробирается к нему и хочет убить его:

Ена бьет его рогатиной звериною,
Ена бьет его да по белой груди,—
Еще сиит Илья да и не пробудится...

Злая жена-преступница, как и всякое зло, должна погибнуть, и она гибнет от руки богатыря — носителя и защитника правды и справедливости.

Все эти кратко перечисленные былинные образы, порожденные идеей борьбы за справедливость и свободу Родины, были восприняты Рябининым как творчески осмысленная традиция. В его былинах традиционны именно они, образы, понятые и живущие как воплощение идеи, независимые от сюжеттики. Сохраненные традиционные формулы, сохраненные сюжетные построения — только дополнение к ним, их внешние подробности. В своем творческом процессе Рябинин шел от образа к сюжету. Поэтому он нередко ломал традиционные сюжеты, коптаминировал их, очищал от подробностей, загружающих действие и нарушающих

чистоту очертаний образа (ср. «Хотена Блудовича», «Добрыню и Василия Казимировича», «Молодца и худую жену» и др.). Поэтому же Т. Г. Рябинин свободно пользовался словесными формулами, перенося их вместе с типовым образом из одного сюжета в другой. Таковы формулы: упрека злой жене и казни ее (см. в былинах «Добрыня и Маринка», строки 77—102, и «Иван Гоудинович», строки 137—165)⁴¹; сватовства и угрозы сватающего (см. в былинах «Хотен Блудович», строки 8—17, 98—103, и «Дунае», строки 171—180, 208—215)⁴²; вопроса к невесте, желает ли она идти замуж, и ее ответа (см. выше, при разборе былины о «Хотене» и «Дунае»); привоза невесты в церковь (см. выше, там же); поездки девушки с богатырем (см. в былинах «Добрыня и Змей», строки 457—462, «Дунай», строки 238—244, и «Хотен», строки 157—163)⁴³; просьбы девушки к богатырю крестить ее и взять замуж (см. в былинах «Михайло Потык», строки 32—44, и «Иван Гоудинович», строки 44—50, 97—105)⁴⁴; реакции природы на свист Соловья (см. повторение в былине «Добрыня и Василий Казимирович», строки 333—335); гульбы молодца в Литве (см. в былинах «Михайло Потык», строки 1—9, и «Молодец и худая жена», строки 24—27, ср. формулы былины «Молодец и королевична»)⁴⁵; угрозы чужеземного витязя и описания боя с ним русского богатыря (см. в былинах «Илья Муромец и дочь», строки 140—273, и «Королевичи из Крякова», строки 145—228; формулы сохраняют в обоих случаях все детали, вплоть до своеобразных выражений: «схватил он поляницу за косу бодру» — и в обращении вражеского витязя: «ай ты, старая базыка новодревная!»... и т. д.); выбора товарища для похода в чужие страны (см. в былинах «Добрыня и Василий Казимирович», строки 76—87, и «Дунай», строки 115—128)⁴⁶.

Наряду с формулами, перенесенными из других былин самого Рябинина, у него встречаются и формулы из былин, отсутствующих в его репертуаре, включенные по его усмотрению то в ту, то в другую старину как наиболее яркие описания изображаемого. Так, например, формулы красоты и богатой одежды былины о Чуриле оказываются использованными в былинах «Илья и дочь» и «Горе». Самой же былины «Чурила и Катерина» в репертуаре Рябинина нет⁴⁷. Также из «Чурилы» заимствовано описание девушки, встречающей молодца. Из былины о «Михайле Потыке» заимствован Рябининым наказ Владимира богатырям и перенесен в былину о «Добрыне и Змее»⁴⁸.

⁴¹ Гильфердинг, с. 470, 516 (см. Приложение № 6).

⁴² См. Приложение № 7.

⁴³ Гильфердинг, с. 480, 507, 520 (см. Приложение № 8).

⁴⁴ Гильфердинг, с. 512, 514, 515.

⁴⁵ Там же, с. 511, 543.

⁴⁶ Там же, с. 482, 504—505.

⁴⁷ Там же, с. 464 (см. Приложение № 9).

⁴⁸ Там же, ср. «Михайло Потыка» в вариантах, например, А. Е. Чукова и И. А. Касьянова с «Добрыней и Змеем» Т. Г. Рябинина (с. 475, 760).

Из былины о «Князе Романе и братьях Ливиках» в песне о Скопине заимствован плач об ушедшей молодости⁴⁹. Запев былины «Туры златорогие» заимствован из былины «Василий-пьяница» и перенесен в «Илью и Калина-царя» (см. об этом выше в разделе вариантов Рябинина былины о царе Калине).

Указанные формулы из отсутствующих в репертуаре Т. Г. Рябинина былины свидетельствуют о том, что ему приходилось эти былины слышать, но по разным причинам полностью они не сохранились в его памяти. Может быть, это происходило из-за того, что характер образа был чужд творчеству сказителя. Может быть, потому, что былина была услышана мимоходом. Сохранение отдельных формул и свободное вплетение их в другие сюжеты доказывают, что Рябинин в большинстве случаев сюжет перерабатывал, видоизменял, сочетая эпизоды разных былин, следуя своей трактовке образа и своему художественному вкусу.

Рябинин строго хранит повторяемость общих для всех былин словесных формул, применяя их в разных сюжетах при описании сходных положений (формулы богатырской поездки, седлания копя, боя, медленно текущего времени и т. д.). Но и эти формулы не остаются совершенно неизменными. Они не полностью совпадают с аналогичными формулами у других сказителей и варьируются (то сжимаясь, то расширяясь) в былинах Рябинина. Примером может быть знаменитая формула:

День-то за день будто дождь секет,
А неделя за неделей, как трава растет,
Год-то за годом да как река бежит,
А прошло-то тому времечки да три годы...

В текстах Рябинина эта формула звучит в иной редакции:

Еще день за день ведь как и дождь дождит,
А неделя за неделей как река бежит,
Прошло ибы-времечки да три году⁵⁰.

⁴⁹ *Гильфердинг*. «Наезд литовцев». Вар. Калинина, с. 102; «Скопин». Вар. Рябинина, с. 541.

«Наезд литовцев»

«Ах ты, молодость, ты молодецкая!
Улетела моя молодость в чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом,
Прилетела ко мне старость со чиста
поля,
Со чиста поля да черным вороном,
А садилась на плеча да богатыр-
ски!»

«Скопин»

«Ай же, молодость моя молодая!
Улетела от меня да й во чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом!
Ай ты, старость ты моя да и глу-
бокая,
Налетела ты да из чиста поля,
Из чиста поля да черным вороном,
Да й садилась ко мне на плечка на
могучи!»

Совпадение текстов былины о братьях Ливиках (вар. Калинина) и рябининского «Скопина» не ограничено цитированной формулой. «Скопин» сохраняет и некоторые другие специфические черты «Ливиков» (Калинина (имя Микиты, характер превращений князя).

⁵⁰ *Гильфердинг*, с. 447.

Приведенная редакция формулы изображает текущее время безотносительно к действиям героя. Та же самая формула, по-другому звучащая в былинах Рябинина, изображает богатырскую поездку. Отнесенная к действиям, формула видоизменяется:

И оны ехали раздольцем чистым полем.
И еще день за день быдто дождь дождит,
Да неделя за неделей, как река бежит;
Ены едут в день по красному по солнышку,
Ены в ночь едут по светлому по месяцу,
Ены вскоре добры молодцы дороженьку корбтали,
Они скоро ехали чистым полем,
Приезжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славному камению к Олатырю.

Место, куда приезжают герои, может варьироваться в зависимости от полученного ими задания; но указание на конечный пункт всегда выражено устойчивым словосочетанием⁵¹.

Словесные формулы, общие былевому эпосу, часто в рябининских былинах сливаются с троекратностью повторов.

Вообще троекратные повторения диалога, действия, троичность лиц — характерная черта былин Рябинина. Ср. диалог Ильи Муромца и Самсона Самойловича во 2-й редакции былины об «Илье и Калине-царе», три подкопа — там же, поездки навстречу полянице Алеши, Добрыни и Ильи — в былине «Илья Муромец и дочь его», троекратные вопросы Ильи побежденной полянице в той же былине, три посла к Ботияну Ботиянову в былине «Добрыня и Василий Казимирович», три состязания (каждое, в свою очередь, троекратное) у Ботияна — там же, повторенная три раза речь Добрыни и его матери — там же и т. д.

Рябинин создавал свои былины о защите Родины, сохраняя эпическую величественность повествования, замедленно развертывая действие. На основе воспринятой традиции он воссоздавал героические образы, давая образцы классического стиля эпической поэзии, строго храня традиционные приемы поэтики. Художественность былин Рябинина повышалась еще и мастерством исполнения их. П. Н. Рыбников в связи с этим писал: «Напев былины был довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиной десятков лет, не очень звонок; но удивительное умение сказывать придавало особое значение каждому стиху. Не раз приходилось бросать перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!»⁵².

⁵¹ Там же с. 494. См. также ту же формулу на с. 471, 472, 477, 478.

⁵² Рыбников, т. I, с. LXXVI.

Трофим Рябинин создал тексты воинских былин первоклассной художественной значимости, и его былины восприняли его ученики. Некоторые из них сохранили и его манеру пения. В районе Гарниц образовалась елустафьевско-рябининская традиция. Сказители, хворающие ее, могут быть названы сказителями школы Ильи Елустафьева и Т. Г. Рябинина.

Ближайшим учеником Т. Г. Рябинина был его сын Иван Трофимович. Евг. Ляцкий, посвятивший ему специальную статью⁵³, как современник и исследователь его творчества, рассказывает о сказителе: «В свои пятьдесят лет Иван Трофимович выглядит гораздо моложе. В его русых волосах и бороде не просвечивает седина; серые глаза смотрят молодо, бодро и добродушно. Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя, т. е. азам, с тихой, вдумчивой речью и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека... Певец — счастливый семьянин, а в поле и на рыбном промысле неутомимый работник... По своему положению И. Т. Рябинин — крестьянин деревни Гарницы, Сенногубской волости, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии; деревня эта расположена на берегу Онежского озера, верстах в 60 от Петрозаводска. Молодые годы он провел вместе с родителями в деревне Середке, недалеко от Гарницы; не отделялся он от семьи и в течение семи лет женатой жизни. По смерти жены он, спустя некоторое время, женился второй раз на вдове Герасима Яковлева Андреева и поселился в семье Андреевых, в Гарницах. „С тех пор, — говорит он, — и меня стали звать Андреевым“. Семья его состоит из жены, пасынка Ивана (21 г.), которого он очень любит и держит наравне с „родными“ сыновьями, Василием (15 л.) и Павлом (13 л.), которые оба грамотны, — „не так, отец ихний: темной человек“. Пасынок Иван служит предметом особой родительской заботы Рябинина, который „ростил и поженил его в прошлом году“ и ждет от него в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьет, не курит и к тому же „попривык старинки... тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще“. „Тянут поманеньку“ за отцом и Василий и Павел, когда за общей работой или в длинные зимние вечера начнет он своим приятным тенорком „отмахивать“ старинку за старинкой, перебирая в своей памяти давно слышанное „от стариков древних“»⁵⁴.

Слава Т. Г. Рябинина перешла по наследству к его сыну. Иван Трофимович был первоклассным исполнителем былин, и это дало ему возможность многократно в различных аудиториях демонстрировать былины, созданные его отцом. В 1893 г. И. Т. выступал в Петербурге; в 1894 г. — Москве; в 1902 г. он вновь пел былины в Петербурге, Москве и впервые ездил выступать в Киев

⁵³ Ляцкий Е. А. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. — Этнографическое обозрение, 1894, № 4.

⁵⁴ Там же, с. 112—113.

и Одессу. Он был признан крупнейшим мастером фольклора и в Москве был награжден медалью, на которой значилось: «Лучшему сказителю нашего времени». В том же 1902 г. состоялась заграничная поездка И. Т. Рябинина. Впервые русскую былинку в ее живом звучании слышали за границей; сказитель выступал в Болгарии, Сербии, Австро-Венгрии. За границей, как и в России, выступления И. Т. Рябинина проходили с неизменным успехом⁵⁵. Пекие былины вызывало к себе восторженное отношение, и в ответ им местные мастера фольклора исполняли свои эпические песни.

Репертуар И. Т. Рябинина был обширен: 1 — Вольга и Микула, 2 — Илья и Соловей-разбойник, 3 — Илья и Калин-царь, 4 — Илья в ссоре с Владимиром, 5 — Илья и дочь, 6 — Добрыня и Змей, 7 — Добрыня и Маринка, 8 — Добрыня и Василий Казимирович, 9 — Дунай, 10 — Королевичи из Крякова, 11 — Дюк Степанович, 12 — Хотен Блудович, 13 — Молодец и худая жена, 14 — Иван Грозный и сын, 15 — Скопини.

Как показывает репертуарный список былины И. Т. Рябинина, им были восприняты в большинстве случаев былины, творчески переработанные Трофимом Григорьевичем, — былины киевского цикла с темой борьбы богатырей с врагами. Исключения — «Вольга и Микула», «Дюк Степанович», «Хотен Блудович». Последняя из них исчезает уже в репертуаре преемника И. Т. Рябинина — его пасынка — Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. В репертуаре Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева сохраняются (за одним исключением) основные былины Т. Г. Рябинина: «Илья и Калин-царь», «Ссора Ильи с Владимиром», «Илья и дочь», «Дунай», «Второй бой Добрыни со Змеем», «Добрыня и Маринка», «Королевичи из Крякова», «Дюк Степанович», «Соломан и Василий Окулович»⁵⁶. Былина о царе Соломане отсутствовала среди былин Трофима Григорьевича, но была записана М. Н. Харузиным в 1881 г. в деревне Середке от Степана Григорьевича Рябинина⁵⁷.

Прямые и отдаленные ученики школы Т. Г. Рябинина в редких случаях выходили за пределы его репертуара. Они как бы оказывались покоренными силой и живостью таланта своего учителя, восприняв от него разработанные былины и предав забвению отрывки и скомканные сюжеты. Из рябининских былин твердо хранится только «Вольга и Микула» — великоленно раз-

⁵⁵ См.: Олонецкие Губернские Ведомости, 1905, № 98; *Виноградов П. Т.* Сказитель Рябинин, моя с ним поездка. Томск, 1906.

⁵⁶ См.: Былины И. Г. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948. И. Г. Рябинин-Андреев перенял былины еще в молодости. В 1900-х годах он работал в Петербурге на Обуховском заводе. В войну 1914—1917 гг. был мобилизован и около года был на фронте. Демобилизовавшись, вернулся в Гарницы. Умер в 1926 г. Былины от него записаны в 1921 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом; хранятся в Рукописном хранилище сектора фольклора Института литературы АН СССР.

⁵⁷ *Тихонравов И. С., Миллер В. Ф.* Былины старой и новой записи. М., 1894, № 66, с. 239—246.

рабочанный текст, воспринятый, но не переработанный Т. Г. Рябининым.

Ученики Т. Г., менее, чем их учитель, одаренные поэтическим даром, были хранителями эпического наследства, но не творцами его. Они сохраняли, благодаря исключительной силе своей памяти, воспринятые тексты почти полностью⁵⁸.

К сожалению, былины непосредственного преемника наследства Трофима Григорьевича — Ивана Трофимовича Рябинина не могут быть изучены в надлежащей мере. Они почти не записаны. Видимо, Ляцкий понадеялся, что былины от Ивана Трофимовича уже записаны, может быть, Виноградовым (см. указанную выше в сноске его книгу; если они были записаны, то записи погибли), а сам записал всего несколько отрывков и полных текстов. Однако и эти крохи репертуара И. Т. Рябинина дают некоторый материал для суждений, выясняют его творческое лицо и характер восприятия отцовских текстов.

По записанным от Ивана Трофимовича былинам можно сообщить следующие сведения. Две былины из записанных от И. Т. Рябинина — «Вольга и Микула» и «Королевичи из Крякова» — почти дословно повторяют тексты Трофима Григорьевича⁵⁹. И. Т. Рябинин от своего отца воспринял «Вольгу и Микулу» в том же объеме, с забытым концом (отсутствует приезд Вольги и Микулы в города за данью). Отклонения названных былин от их оригиналов (текстов Т. Г. Рябинина) заключаются в перестановке и отбрасывании некоторых деталей и описаний, в удвоении стихов, в замене одного эпитета другим, сходным с ним, в перестановке слов. Все эти изменения не имеют творческого характера и являются следствием того, что даже при редкой силе памяти невозможно сохранение всех деталей воспринятого произведения.

Тексты «Вольги и Микулы» и «Королевичей из Крякова», записанные от Т. Г. и И. Т. Рябининых, из-за их близости кажутся вариантами одного сказителя. Они, однако, не могут полностью раскрыть характера творческого процесса И. Т. Рябинина, так как наряду с ними известны тексты его былин, существенно отличающиеся от вариантов Т. Г. Рябинина. Таковы «Добрыня

⁵⁸ См. об этом в кн.: Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938, т. 1, с. 71. Одна из категорий певцов былин — это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как «старики певали», а с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, но только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом».

⁵⁹ См. былину «Вольга и Микула» в приложении к ст.: Ляцкий Е. А. И. Т. Рябинин и его былины. — Этногр. обозр., 1894, № 4, с. 136; былину «Королевичи из Крякова» в сб.: Истомин Ф. М., Дюти Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894, с. 29. Характер изменений был уже отмечен А. М. Астаховой в кн.: Былины Севера, т. 1, с. 71—73.

«нагим телом» в Пучай-реке, вкладывая его в уста матери Добрыни.

Следующий эпизод былины — снаряжение богатыря и его отъезд — сохраняется И. Т. Рябининым довольно точно; но (и это характерно) строки, описывающие палицу как воинское оружие Добрыни-богатыря, забыты; зато снарядная одежда, шелковые рубашечки описываются дважды (с. 141, 143).

В этот же эпизод введено описание того, как богатырь бьет коня плеточкой шелковой, которую Добрыня получает от матери только для второго боя со Змеей.

Увлечение троичностью заставляет И. Т. Рябинина даже нырять Добрыня при встрече со Змеей утраивать (хотя это никак не обосновывается).

Т. Рябинин

И. Рябинин

И он ащо нырнул от бережка до бережка	И он как нырнул тут от бережка ко другому,
Выходил Добрыня на крутой берег.	Да й пронырнул жа Добрынюшка по другой раз,
	И пронырнул жа Добрынюшка й по три раза...
	И он повыскачил Добрыня на крут на берег... ⁶³

Метанье Добрыни в Пучай-реке при виде Змеица-Горыница разрушает эпическую величавость повествования, характерную для былин Т. Г. Рябинина, вносит многословность описаний, типичную для Ивана Трофимовича и не допускаемую его отцом. Та же многословность отражается и в удваивании строк повторением слов ⁶⁴.

И. Т. Рябинин в ряде случаев, как можно видеть, удлиняет воспринятый текст. Но удлинение текста идет за счет удвоения строк, увлечения (далеко не всегда обоснованного) троичностью и повторением не у места традиционных словесных формул (например, присоединение слов девушек-портомойниц к речи матери, присоединение к формуле воспоминания Добрыни о наказе матери слов из финала былины об освобождении полона из змеиных нор). Все указанные случаи удлинения текста основыва-

⁶³ Там же, с. 473; Этногр. обозр., 1894, № 4, с. 144.

⁶⁴ Например:

И он сбил змею да й на сыру землю
И на сыру землю и во ковыль траву...
И ты спусти-тко полятать на по белу свету,
И по белу свету и по святой Руси...
и т. д.

Этногр. обозр., 1894, № 4, с. 144—145.

ются не на творческой обработке воспринятого варианта, а всецело на нечеткости запомнившегося. Многие сказители-исполнители, запоминая приблизительно текст былины, не способствовали его дальнейшему совершенствованию. Индивидуальное творчество выходило за пределы их возможностей, и оно нередко заменялось повторением устойчивых словесных формул, разбросанных между запомнившимися строками былины, и, в лучшем случае, — как у И. Т. Рябинина — удвоением строк, повторяющейся тронностью, слиянием формул.

И. Т. Рябинин был первоклассным исполнителем былин. Его искусство сказывания сыграло большую роль в распространении былин, созданных Трофимом Рябининым. Передавая былины своего отца новому поколению, он содействовал образованию рябининской школы. Его роль, как и его пасынка — Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина, была ролью продолжателя традиции Трофима Григорьевича. Следует вполне согласиться с А. М. Астаховой, указывающей на обоих упомянутых сказителей как на типичных исполнителей, но не создателей эпоса. «Яркой фигурой сказителя этого типа является в прошлом... Иван Трофимович Рябинин... Близость текстов Ивана Трофимовича к былинам его отца подтверждается и сравнительным анализом былин его пасынка — Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина в записях 1921 г. ...За исключением былины «Королевичи из Крякова», сюжеты, записанные от Ивана Герасимовича, как раз те, которые в записях от Ив. Тр. отсутствуют. Следовательно, отличия их от былин Трофима Григорьевича обусловлены уже двойным изменением — у Ивана Трофимовича и у самого Ивана Герасимовича. Оказывается, что отклонения тоже не очень значительны, а некоторые из былин опять-таки восходят к рыбаковским вариантам. Целый же ряд стихов, порой значительные отрывки, дословно передают соответствующие места текстов Трофима Григорьевича. Это подтверждает данную выше характеристику Ивана Трофимовича как сказителя, это же заставляет нас отнести и Ивана Герасимовича к тому же типу»⁶⁵.

Современное нам поколение сказителей тоже сохраняет традицию школы Трофима Рябинина. Былины этой школы сохраняют Петр Иванович Рябинин-Андреев (сын Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина), Петр Васильевич Рябинин (внук Ивана Трофимовича, сын Василия Ивановича Рябинина, сына Ивана Трофимовича от второго брака), Кирик Гаврилович Рябинин (сын старшего сына Трофима Григорьевича, Гаврилы, не любимого отцом за пьянство и поэтому раньше всех выделенного из дома), Марья Кириковна Сарафанова (дочь Кирика Рябинина), Павел Семенович Семенов, Дмитрий Алексеевич Серов и другие. Они сохранили былины: «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Василий Казимирович», «Королевичи из Крякова», «Дунай», «Дюк

⁶⁵ Астахова А. М. Былины Севера, т. 1, с. 71—73.

Стапанович» (отрывки), «Молодец и худая жена». По новейшим данным, П. И. Рябинин-Андреев из своей семейной традиции сохраняет еще «Илью и голи» и «Ставра». Однако в 1926 г. он эти былины не пел. В сохранении их нет фольклорной преемственности от поколения к поколению, характерной для других текстов ⁶⁶.

Из перечисленных сказителей наиболее талантливым и внимательным к традиции текста является Петр Иванович Рябинин-Андреев. Как и другие сказители, известные по записям второй половины 20-х годов нашего века, Петр Иванович большинство былин усвоил от Ивана Герасимовича. От Ивана Трофимовича им усвоена только былина о Вольге и Микуле. Петр Иванович рассказывал, что Иван Трофимович любил сказывать старины детям и внучатам. Вечером усадит всех ребятишек вокруг себя и заведет былинку. Сначала все слушают, а затем, под мерный былинный напев, начнут засыпать один за другим. Тогда дед встанет и скажет: «Ну, разносите их теперь по постелям».

Интересно и другое свидетельство Петра Ивановича, — о том, как он первый раз спел былинку. «Мать была в гостях на родине в Леликове, а мы жили в д. Гарницы. Дедка и бабка велели мне раз спеть былинку о Вольге и Микуле. Меня посадили в угол, дали крендель и копейку. Вот за крендель и копейку и пел первую былинку, и это была моя первая награда» ⁶⁷.

Таким образом, лучший современный сказитель рябининской школы — П. И. Рябинин-Андреев — оказывается, уже с детства впитывал в себя традицию, созданную его прадедом, и, подрастая, стал непосредственным учеником Ивана Трофимовича и Ивана Герасимовича. Он начиная с 1927 г. не раз бывал в Москве и в Ленинграде, где выступал со своими былинами. В 1937 г. он был вызван в Москву редакцией «Правды», где пел старые былины и где начались его первые опыты создания эпических песен с советской тематикой.

Петр Иванович исполняет былины с большой любовью и относится к ним очень серьезно. Он не боится эпических повторений, стремится сохранить строгость классического стиля былин, столь четко представленного творчеством Трофима Григорьевича. Ритм былины сохраняется Петром Ивановичем прекрасно, но исполняет старины однообразно — и в этом отношении его былины уступают былинам его прославленных учителей. Хорошая сохранность его вариантов позволяет рассматривать их во главе текстов других сказителей рябининской школы, при сопоставлении современных вариантов былин с вариантами Т. Г. Рябинина.

А. М. Астахова справедливо указывала на характер изме-

⁶⁶ Тексты П. И. Рябинина-Андреева опубликованы в кн.: Былины П. И. Рябинина-Андреева/Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Петрозаводск, 1939.

⁶⁷ Былины П. И. Рябинина-Андреева, с. 19.

пений в текстах Рябинина-Андреева. «Там, где мы не имеем промежуточных звеньев, где нам приходится иметь дело с текстами только старшего Рябинина и его наследника уже в четвертом поколении, — мы убеждаемся, сравнивая их былины (например, «Добрыня и Василий Казимирович», «Илья Муромец и Соловей-разбойник»), в удивительной устойчивости, стабилизации семейной традиции Рябининых.

Но у Петра Ивановича уже более часты случаи перестановки стихов, эпизодов, случаи перефразировок. При помощи деталей, заимствованных из других былин, он разворачивает одни картины, другие, наоборот, пропускает. У него наблюдается тенденция чрезмерно увеличивать количество повторений, что нарушает ту художественную строгость в соблюдении эпической обрядности, которую мы в особенности видим у его прадеда»⁶⁸.

Былина «Вольга и Микула» записана в 1926 г. экспедицией Государственной Академии художественных наук от П. И. Рябинина-Андреева, П. В. Рябинина, К. Г. Рябинина. Все три варианта несомненно восходят к тексту Трофима Григорьевича. Наиболее полно сохраняет текст Трофима Григорьевича вариант Петра Рябинина-Андреева. Он также обрывается на знаменитом присловье Микулы и сохраняет все основные элементы традиционного текста. Тексты Кирика и Петра Васильевича Рябининых дефектны. Кирик Рябинин помнил былинку, кончая встречей Вольги и Микулы; П. В. Рябинин кончал предложением Вольги Микуле «ехать во товарищах». В текстовом отношении современные варианты точно воспроизводят рябининскую редакцию 70-х годов с ее зачином:

Жил Святослав девяноста лет,
Жил Святослав да переставился...

Порядок следования строк в начале былины (1—25) у Кирика Гавриловича ближе к изводу Трофима Григорьевича, чем у Рябинина-Андреева. Кирик Гаврилович сохраняет порядок: рост Вольги, стремление к мудростям-хитростям, сбор дружины, поездка в города. П. И. Рябинин-Андреев допускает вариацию: рост Вольги, сбор дружины, стремление к хитрости-мудрости, поездка в города. Изменение в порядке эпизодов логически не обосновывается и может расцениваться как случайное забвение копируемого оригинала. Во всем остальном П. И. Рябинин-Андреев вполне точно следует воспринятой им от Ивана Трофимовича былинке, ничего самостоятельного, творческого не привнося в нее. Эта былина, однако, мало показательна для выяснения вопроса сохранности текстов Т. Г. Рябинина. Как указывалось выше, Трофим Григорьевич воспринял «Вольгу и Микулу» творчески, не изменяя текста.

Установить степень сохранности традиции Т. Г. Рябинина можно только по современным вариантам созданных им былин.

⁶⁸ Астахова А. М. Былины Севера, т. 1, с. 73.

Наибольший интерес в этом отношении представляют былины: «Добрыня и Василий Казимирович» (варианты П. И. Рябицина-Андреева, П. В. Рябицина, П. С. Семенова), «Илья и Соловей-разбойник» (варианты К. Г. Рябицина, П. И. Рябицина-Андреева), «Молодец и худая жена» (варианты П. И. Рябицина-Андреева, П. С. Семенова). Текстуальные совпадения этих былин с вариантами Т. Г. Рябицина настолько значительны, что при детальном сопоставлении было бы необходимо параллельно поместить полные тексты былин всех названных сказителей. Воспринятые сказителями тексты сохраняют особенности рябининского извода. Так, «Добрыня и Василий Казимирович» воспроизводит, при совпадении текста, рябининскую контаминацию «Василия Казимировича» с «Добрыней и Алешей». Вместе с тем варианты Рябицина-Андреева и Семенова обнаруживают стремление возврата к концовке исходной елустафьевской редакции, воспроизведенной Романовым. Это стремление у Семенова выражено весьма слабо. Романов повествовал, как Илья Муромец сдержал Добрыню и предупредил Алешину смерть. Семенов не указывает на Илью, но сохраняет мотив: «хочет-то он стегнуть плетью шелковою, // Оддержали тут его да вся тут шублика...». П. И. Рябинин-Андреев в своем варианте явно отступает от прадедовского текста, возвращаясь к старой редакции былины о Добрыне и Алеше сохраняемой и в наши дни. Добрыня

Да как стал шельгою охаживать,—
А й Владимир-князь да и стольне-кеевской
Он по горенке да й в круги бегаёт,
Куньей шубкой он да й укрывается:
«Молодой Добрынюшка Микитенец,
На пиру, брат, драться дело й нехоршее...»
Тут случилость быть да й на честном пиру
А ведь старому казáку Ильи Муромцу,
Говорит Илья да й таковы слова:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитенец,
Не убей-ка ты из-за женщины богатыря,
А й Олешенька силою не силён, так напуском смел»⁶⁹.

Упоминание о заступничестве Владимира за Алешу известно и по варианту Т. Г. Рябицина 60-х годов:

Стал Владимир-князь Добрыню уговаривать,
Стал Добрынюшка униматися...⁷⁰

Но Трофим Григорьевич не развертывает этого заступничества в особую детализованную картину. В варианте 70-х годов оно выпадает совсем. Отсутствует в обеих записях и заступничество

⁶⁹ Рукопись сборника] «Онежские былины». Гослитмузей, с. 756. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, с. 448.]

⁷⁰ Рыбников, т. I, с. 68.

Ильи (об этом см. выше). Оно сохраняется у Романова и некоторых других сказителей ⁷¹.

Введение Рябининым-Андреевым в конце былины «Добрыня и Василий Казимирович» Ильи Муромца свидетельствует об ослаблении традиции Трофима Григорьевича, о вкрадывающихся сторонних влияниях, возможных в данном случае из-за отсутствия целостного восприятия образа богатыря, обрисовываемого разными былинами (см. выше). П. И. Рябинин-Андреев не создает своей системы образов, а по мере сил и возможностей хранит воспринятое: он может и разрушить целостность созданного, подвергаясь сторонним влияниям. Все это отразилось и на допущенных им изменениях старой былины. П. С. Семенов в этом отношении гораздо строже. Он воспринял не только сюжетный костяк и текст, но и самые образы и хранит их незыблемыми.

Изменения, допущенные П. И. Рябининым-Андреевым в избранном Трофимом Григорьевичем образе Ильи, замечаются и в былине «Илья и Соловей-разбойник». Так же как и в отношении «Добрыни и Василия Казимировича», Рябинин-Андреев и здесь точно следует воспринятому варианту. И все же образ Ильи в его редакции (так же как и в редакции Кирика Рябинина) оказывается сниженным.

Правнук Т. Г. Рябинина, заставляя Илью заступаться за лжеца и обманщика Алешу Поповича, нарушает целостность образа идеального богатыря. В былине о Соловье-разбойнике Рябинин-Андреев также отступает от трактовки образа Ильи Трофимом Григорьевичем. Илья убивает Соловья не за принесенное им народу зло, а за ослушание: Соловью было приказано засвистать в полсвиста, а он засвистал в полный свист и перепугал до полусмерти князя Владимира. За это Илья

Приводил его на поле на Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил яму тут буйну голову... ⁷²

Отступление сказителя от традиций героической былины идет одновременно с усилением приключенческих мотивов и сатирической бытовизацией образов. Цитированный выше отрывок о расправе Добрыни с Алешей содержит сатирическое изображение князя Владимира («Он по горенке в круги бегаёт, Куньей

⁷¹ См.: Там же, с. 276—277:

Как хватил Алешеньку за желты кудри,
Кидет о кирпичен пол
И хочет перецравить второй-ёт раз;
Тут скочил старый казак Илья Муромец,
Захватил за плечики за могутные за молодецкие:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитиич!
Не убей ты смертию напрасною
Меньшого братца Алешу Поповича!»

⁷² Рукопись сборника «Онежские былины», с. 709. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, с. 428.]

шубонькой укрывается»), сохраняемое П. И. Рябининым как устойчивая формула (ср. в былине об Илье и Соловье-разбойнике)⁷³. В торжественность эпического повествования врываются элементы сатиры, и, видимо, они ограничены в искусстве правнука Трофима Григорьевича.

Элементы сатиры и авантюры былии Петра Ивановича находятся в тесной связи с анекдотическими и авантюриными сказками, которые Петр Иванович любит рассказывать. Новейший биограф и исследователь былии П. И. Рябина-Андреева, В. Г. Базанов, справедливо указывает на свойства тех 50 сказок, которые имеются в репертуаре сказителя: «Характерной особенностью всех сказок П. И. Рябина-Андреева является динамичность сюжета: события развиваются быстро, и внимание останавливается на главном, более важном. В отличие от известного сказителя М. М. Коргуева, мастера больших полотен, Петр Иванович стремится к сказкам-миниатюрам, основанным на реально-бытовых фактах, часто на народном анекдоте. Особенно ему даются антирелигиозные сказки о попах, сказки большой социальной заостренности»⁷⁴. И в сказки, и в былины Петр Иванович вносит черты реальной жизни, уничтожая отвлеченность героических былинных и сказочных образов, модернизируя их.

Потеря чувства традиционного стиля ведет сказителя к модернизации без меры и границ. Сопоставление отрывков «Ставра» Т. Г. Рябина и его правнука обнаруживает резкое нарушение былинного стиля.

Т. Г. Рябинин

Поспевайте-ко ко мне скóро-на́скоро,
Рубите-тко мои косы русые,
Несите-ка мне платьца посылные,
Да седлайте-ка коня мне

богатырского...

П. И. Рябинин-Андреев

Скоро-на́скоро думушку обдумала,
Приказала к себе да поликмахеров.
Отстригала русы долги волосы,
Одевалась в мужские платьца,
Одевала одеждуцу опальную,
А опальную одеждуцу все военную.

«Условности», строгой красочности былинного языка противопоставляется смесь бытовой речи с традиционным словом.

Изучение изменений языка былии в пределах одной школы — тема специальной лингвистической работы. Здесь приведен только один пример, взятый выборочно, так как им подтверждается процесс бытовизации былины в творчестве современного сказителя, унаследовавшего традицию одного из лучших сказителей прошлого века. П. И. Рябинин-Андреев, восприняв от своих учителей былины, подчинил повествование своим вкусам и интересам.

⁷³ Почти дословно эта формула звучит в былине Н. С. Богдановой-Зиновьевой и Д. В. Суриковой о «Дунае». Но там говорится о короле Ляховицком, П. И. Рябинин-Андреев эту формулу, видимо, перенял у Богдановой-Зиновьевой.

⁷⁴ Былины П. И. Рябина-Андреева, с. 19.

В результате этого идея богатырских былин, в большой степени характерная для текста Т. Г. Рябинина, оказалась завуалированной. Богатырские образы в вариантах младшего представителя рябининской школы подчинились сюжету; образ героя отступил на второй план перед увлекательностью происшествия. Сохранность текста и сюжета не смогла обеспечить сохранения идеи. Традиция богатырских былин Трофима Рябинина в творчестве П. И. Рябинина-Андреева не получила достойного развития ⁷⁵. Некоторое развитие всецело в бытовом плане получили немногочисленные новеллистические былины Трофима Григорьевича. Такова, например, былина «Молодец и худая жена» (см. варианты П. И. Рябинина-Андреева и П. С. Семенова). Воспринятая в его редакции (эпизод похвальбы молодца связью с королевичной отсутствует), былина акцентировала описание взаимоотношений молодца и королевичны. Семенов точнее воспроизводит старую рябининскую редакцию; стремление молодца уйти от королевичны, с которой он вступил в связь, и от Ботияна в родную землю кратко мотивируется скукой. Молодцу все наскучило. П. И. Рябинин-Андреев иначе подходит ко всему этому. В его былине молодец — обольститель, бросающий любовницу.

Она возрастом была да и высокошенька,
Умом-разумом ведь не глупешенька.
Ясны очушки у ней, как ясна сокола,
Черны бровушки у ней, как у черна ворона,
Она личиком была, как снегу и белого,
Аще этот ли дуродний добрый молодец
А ведь жил с ней в полатах белокаменных,—
А он спал с ней на кроваточки и тесовой...
Понесла прекрасна королевична —
Этот ли дуродний добрый молодец
Видит дело есть тут нехоршее... ⁷⁶

Добрый молодец бежит от «дела нехорошего», узнав о нем и тут же загрустив по родной стороне. Эта бытовая деталь изложена бесстрастно, спокойно. В былине никак не выявилась отрицательная оценка сказителем поступка молодца. Его бегство от беременной королевичны никаких изменений в дальнейшем повествовании не вызвало. Королевична все так же кладет в карман молодца золотую казну и так же, как в редакции Трофима Григорьевича, молодец встречается с своей женой, возвращающейся с крестьянской работы. Внимание к бытовой детали показательное. Воспевание подвигов былых богатырей заменялось бытописанием, типичным и для современной новеллистической сказки. Темы повседневной жизни П. И. Рябинина-Андреева интересовали глуб-

⁷⁵ Некоторые отголоски его традиции проявились в творчестве Г. А. Якушева (Пудога).

⁷⁶ Рукопись сборника «Онежские былины», с. 782. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И., Онежские былины, с. 459.]

же и шире. Интерес к ним заставил сказителя ввести в свой репертуар бытовые былины рябининской традиции (например, «Чурило и Катерина», «Братья-разбойники и сестра», усвоенные им от Н. С. Богдановой-Зиновьевой).

Внимание к бытовым происшествиям в современном нам поколении преемников традиции Трофима Рябинина вполне соответствует перерождению в их сказительстве былин, сложных знаменитым предком. Младшие Рябиныны лишь воспроизводили созданное Трофимом Григорьевичем, в меру своих вкусов и особенностей миропонимания хранили форму произведений, но не творили и не совершенствовали воспринятое. П. И. Рябинин-Андреев, в противоположность многим другим сказителям советской эпохи, не явился настолько творчески одаренным, чтобы возродить на новой основе величественную традицию своего прадеда — одного из лучших мастеров эпоса русского народа.

Правда, начиная с 1937 г. он делает попытки создания былин с современной тематикой. Но в его новых былинах почти всегда оказываются не только образы и мотивы, но даже абзацы текста, механически перенесенные из традиционных старин, лишь слегка перефразированные.

Правильно замечает В. Г. Базанов о новых былинах П. И. Рябинина-Андреева: «Справедливость требует отметить, что былины П. И. Рябинина-Андреева, в отличие от героических сказов М. С. Крюковой, местами слишком архаичны, слишком перегружены «общими местами» и перелицованными традиционными образами. Они недостаточно обогащены лирической тенденцией, авторским эмоциональным участием. Петр Иванович недостаточно смело овладевает формой более свободного сказа, а между тем новые советские былины должны приближаться и приближаются у лучших сказителей к жанру сказа о реальных событиях и людях, имеющего вполне оригинальную поэтическую форму»⁷⁷.

Новые былины П. И. Рябинина-Андреева весьма интересны для раскрытия процесса творчества, но в них нет художественной самобытности и цельности, какие свойственны, например, новинам Марфы Семеновны Крюковой. Самостоятельное творчество П. И. Рябинина пока еще остается в плане попыток и исканий, не завершённых созданием значительных художественных ценностей⁷⁸. Между тем есть все основания ждать, что школа Трофима Рябинина будет использована для создания новых эпических песен и сказаний. Но эти ожидаемые произведения не будут уже произведениями елустафьевско-рябининской школы. Если они зазвучат, то только как новый эпос, как авторские создания современного сказителя, как произведения, качественно отличающиеся от традиционных эпических повествований.

⁷⁷ Былины П. И. Рябинина-Андреева, с. 31.

⁷⁸ Новые былины П. И. Рябинина могут быть предметом специального исследования, выходящего, однако, за пределы школы Т. Г. Рябинина, поэтому здесь они не подвергаются детальному рассмотрению.

ШКОЛА КОНОНА С ЗЯБЛЫХ НИВ

Судьбы елустафьевско-рябининской школы не могут считаться типическими для всех школ сказителей. По иному пути пошли представители школы Конона Саввиновича Неклюдина, более известного под именем Конона с Зяблых Нив. В сборниках Рыбникова и Гильфердинга напечатаны былины сказителей, воспринявших искусство сказывания от Конона: молодицы из Кижской Губы (имя неизвестно), Григория Васильева, старухи из Великой Губы (имя неизвестно), Андрея Иванова (Соколова?)¹, Степаниды Кононовны Неклюдиной (дочери Конона), Домны Васильевны Суриковой, Николая Филипповича Дутикова². Кононовская традиция дожила до наших дней и выразилась в творчестве Настасьи Степановны Богдановой-Зиновьевой³, Антона Борисовича и Егора Борисовича Суриковых, Михаила Степановича и Анны Николаевны Зиновьевых, Маланьи Нефедовны Севериковой и др. Записи от современных сказителей кононовской школы делались на протяжении ряда лет; наибольшее количество их было сделано во время московской и ленинградской экспедиций 1926—1928 гг. Традиция Конона с Зяблых Нив широко вышла за пределы семейных преданий и уже в этом отношении отличается от школы Т. Г. Рябинина. Другой характер носит и репертуар школы Конона. От самого Конона не было записано ни одной былины (он умер еще до ссылки П. Н. Рыбникова в Петрозаводск). Как и елустафьевский репертуар, репертуар Конона можно приблизительно восстановить по былинам его учеников. В этот репертуар входят: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Добрыня — сват», «Добрыня и Алеша», «Королевичи из Крякова», «Дюк», «Садко», «Василий Буслаев», «Ставер Гоудинович», «Иван Гоудинович», «Иван Гостиный сын», «Соломан и Василий Окулович», «Чурило и Катерина», «Митрий Васильевич и Домна Александровна», «Молодец и королевична», «Василий и Софья», «Птицы и звери», «Иван Грозный и сын», «Кострюк», «Гришка Отрепьев».

Сопоставляя репертуар кононовской школы с репертуаром Елустафьева и, в еще большей мере, Т. Г. Рябинина, обнаружи-

¹ Рыбников П. Н. Песни, т. I, с. 461—467, 480—482, 483—486, 486—491.

² Гильфердинг А. Г. Онежские былины, с. 697—704, 704—731, 731—743.

³ О ней см.: Шайжин Н. С. Олонецкая сказительница Н. С. Богданова в Петербурге. — Олонецкая неделя, 1911, № 27; *Он же*. Олонецкий фольклор. — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губ., 1911, с. 195—208. Похоронные причитания вопленицы Н. С. Богдановой см. в кн.: Астахова А. М. Былины Севера, т. 1, с. 76—81 и др.

ваем существенное различие. Елустафьевско-рябининская школа, как было показано, культивировала богатырские героические былины. В кононовской школе — явное преобладание былино-повелл с бытовой тематикой. За исключением былин об Илье, во всех других текстах героическая тема или не звучит, или подчиняется теме быта и личной жизни героев (ср. «Королевичи из Крякова», «Кострюк» и др.). Заслуживает внимания замечание С. Неклюдиной о «Королевичах из Крякова»: «эта былина обыкновенно поется хором в четыре или пять голосов, весьма жалобным напевом»⁴. Это обнаруживает сближение героической былины с балладными песнями.

Из массы эпической поэзии отбирался материал, созвучный повседневной жизни и индивидуальным (хотя и обобщаемым) человеческим переживаниям.

Первое поколение кононовской школы не дало творчески одаренных сказителей, подобно Т. Г. Рябинину, перерабатывающих воспринятую традицию. Все они в большей или меньшей мере точно следовали перенятым текстам. Наиболее талантливыми были Домна Васильевна Сурикова, от которой с исполнительской (но не творческой) точностью былины были восприняты ее сыновьями — Антоном и Егором, и Николай Филиппович Дутиков (в сб. П. Н. Рыбникова — Федотов). Одной из наименее одаренных сказительниц оказалась дочь Конона — Степанида Кононовна Неклюдина. Ее варианты тем не менее интересны, так как имеют параллельные тексты, спетые другими сказителями. С. К. Неклюдина спела А. Ф. Гильфердингу три былины: «Королевичи из Крякова» (ср. вариант Н. Ф. Дутикова), «Иван Гостиный сын» (ср. вариант Р. А. Иванова и В. Аксенова), «Птицы и звери» (ср. вариант Н. Ф. Дутикова).

С целью установления кононовской традиции в поименованных сюжетах следует провести сопоставление названных былин. Текст «Королевичей из Крякова» при этом оказывается наименее оригинальным, весьма близким в общих очертаниях к варианту Т. Г. Рябинина (изводу Андреева) (см. *Приложение № 10*).

Проведенное сопоставление раскрывает общность устойчивых словесных формул во всех трех вариантах. Вместе с тем вариант Рябинина существенно отличается от текстов Неклюдиной и Дутикова. Помимо замечаемой вариантности формул, рябининский текст детальней, подробней. Сказители кононовской школы былину дают схематичнее. Линия развития действия у них стремительнее и в то же время суше. Устойчивые формулы лишены индивидуализации автора; они переняты в одних случаях частично, в других — полностью от сказителя, создавшего извод. Отсутствует углубление психологических очертаний образа, свойственное рябининско-елустафьевской школе. Те же черты могут быть проверены приемом сопоставления вариантов других сюжетов. Со-

⁴ Гильфердинг, с. 700.

поставление вариантов Неклюдиной⁵, Иванова⁶ и Аксенова⁷ былины «Иван Гостиный сын» подтверждает это.

Выделенный из былины зачин в своей основе может быть назван общим для всех трех вариантов. Но уже с начала повествования былинного действия делается очевидным отделение вариантов С. Неклюдиной и Иванова от аксеновского. Различия наблюдаются и в словесных формулах (см. *Приложение № 11*), и в подробностях действия. Например, у Аксенова хвалится Владимир и своей похвалой вызывает на спор Ивана; у С. Неклюдиной хвалится Иван; у Аксенова диалог Ивана и коня заменен речью Ивана; у Кононовой и Иванова диалог сохранен; и т. д. Отделение текстов Неклюдиной и Иванова от варианта Аксенова — не случайность, а результат различных изводов былины. Нельзя предполагать, что Аксенов совершенно не знал кононовских изводов. А. Ф. Гильфердинг свидетельствует о том, что С. Неклюдина помогала Аксенову припомнить былину о Вольге и Микуле: «Помнит она (С. Неклюдина. — В. Ч.) былины плохо, но когда слышала, как пели другие, именно Аксенов, Сурикова и Дутиков, то нередко припоминала, как певал то или другое место ее отец, и их поправляла и дополняла»⁸. Но былину «Иван Гостиный сын» Аксенов, видимо, перенял от кого-то другого, не от Конона (сам Аксенов не помнил, от кого). Следовательно, можно говорить о существовании в районе Зяблых Нив — Леликова по крайней мере двух изводов этой былины: кононовского и неизвестного сказителя. Кононовский извод восстанавливается в его приближительных очертаниях по малоталантливому воспроизведению его учеников. Сюжет по вариантам Неклюдиной—Иванова развивается так:

1. Пир у князя Владимира. Иван Гостиный сын не пьет, не ест, не хвалится. Владимир спрашивает его о причинах грусти. Иван в ответ предлагает состязание конями.

2. Иван уходит с пира, идет к коню, просит выручить его. Конь обещает Ивану победу.

3. Иван кормит, поит коня, выводит его гулять. Конь рвет шубу Ивана.

4. Иван ведет коня на состязанье. Конь ржет; кони Владимира побеждены до состязанья.

5. Владимир просит подарить ему коня. Иван дарит. Конь на конюшне Владимира не ест, не пьет. Владимир возвращает его Ивану.

Ученики Конона сохранили не только строение его сюжетов, но даже текстуально отдельные части былин, постоянные и переходные места. Точность совпадений текста имеет место несмотря на то, что варианты записаны от различных лиц в разное время:

⁵ Там же, № 135, с. 698—700.

⁶ *Рыбников*, т. I, № 97, с. 486—491.

⁷ *Гильфердинг*, № 133, с. 694—696.

⁸ *Гильфердинг*, с. 698.

от Иванова в 1860-х годах, от Неклюдиной в 1870-х годах. О точном следовании текстам учителя свидетельствует и сопоставление других былин, например отрывка из «Птиц», перенятых от Конона также С. Неклюдиной (запись 70-х годов)⁹ и Н. Дутиковым (запись 60-х годов)¹⁰.

С. Неклюдина

Зелён-птица — на море надлетник,
Зуй — на море повар,
Клевец — на море плотник,
Колзан — на море поддеверье,
Витлюк — ключник язычник,
Жаворонок — земский,
То есть очищик деревенской,
Пава на море — гостья богата,
Павины жонки — торговки,
Петухи — казаки донские,
То наши молодцы удалые,
Держит кур по две и по три,
И держит по целому десятку,
И всех он наряжает,
И вси его боятся.
Не так как на Руси крестьяне:
Одной баженой жонки
И той нарядить не умеют.

Н. Дутиков

Зелен-птица — надлетник,
Зуй — на море повар,
Клевец — на море плотник,
Колзан — на море поддеверье,
Ветлик-ключник — язычник,
Жавроленок — на море десятский,
То есть очищик деревенский,
Павы — на море гости торговли,
Павины жонки — торговки,
Петухи — казаки донские,
То наши молодцы удалые,
Держат жен по две и по три,
Держат по целому десятку,
И всех петух наряжает,
И все его боятся,—
Не так как на Руси крестьянин:
Одной баженой жонки
И той нарядить не умеет.

Разночтения цитированного отрывка «Птиц» в вариантах Неклюдиной и Дутикова совершенно незначительны. Создается впечатление заученного наизусть авторского текста, лишённого варьирования. Устойчивость кононовского извода обнаруживается в наибольшей мере в текстах Иванова, С. Неклюдиной и Н. Дутикова. Сопоставления записей, отделённых друг от друга пятидесятилетием, сделанных от Дутикова и детей Суриковой, утверждают устойчивость кононовского текста на протяжении десятков лет.

От Домны Суриковой А. Ф. Гильфердинг записал «Илью и Калина-царя», «Дуная», «Ставра», «Василия Буслаева», «Ивана Грозного и сына», «Гришку Отрепьева». Помимо этого, по указанию Гильфердинга, она знала, но уже плохо помнила «Илью и Соловья» и «Соломана и Василия Окуловича».

При самом тщательном расспросе, которым отличалась работа А. Ф. Гильфердинга, он не мог установить наличия в ее репертуаре «Добрыни и Алеши» и «Садко», записанных от Н. Дутикова. Обе указанные былины, однако, имеются в репертуаре сыновей Домны Суриковой («Добрыня и Алеша» в репертуаре Антона и Егора, «Садко» в репертуаре Антона). Сличение вариантов Дутикова и Суриковых, воспринимавших былины при неоднократном

⁹ Там же, № 137, с. 702—704.

¹⁰ Рыбников, т. I, № 68, с. 381—382.

исполнении их с точностью копировщиков, обнаруживает устойчивость кононовского варианта, перешедшего к Суриковым через Дутикова.

САДКО ¹¹

Н. Ф. Дутиков

Во славном было во Новѣ-градѣ
Жил-был Садко-купец, богатый
гость,

Все-то у Садко по-небесному:
На небе солнце, и в тереме солнце,
На небе месяц, и в тереме месяц.
На небе звезды, и в тереме звезды.
Все-то у Садко по-небесному.

Испроговорит Садко-купец богатый
гость:
«Ай же вы, дружинушки —
прикачки мои!

Вы берите золотой казны по надобью,
Поезжайте в славен в Новгород,
Откупите-тко товары в Новѣ-градѣ
Чтобы больше товаров там не было!»
Слушали дружинушки-прикачки
его...

Откупали товары в Новѣ-градѣ:
На другой день товаров еще больше
того.

Испроговорит Садко-купец, богатый
гость:

«Ай же вы, дружинушки-прикачки
мои!

Еще берите золотой казны по
надобью,

Поезжайте в славен в Новгород,
Откупите-ко товары в Новѣ-градѣ,
Чтобы больше товаров там не было!»

То же повторяется с покупкой товаров в третий раз.

И спроговорит Садко-купец богатый
гость:

«Не я-то богат — богат Новгород!»
Испроговорит Садко-купец богатый
гость:

«Ай же вы, дружинушки-прикачки
мои!

Вы берите золотой казны по надобью,
Стройте-тко тридцать кораблей:
Нос, корму кладите по-звериному,

А. Б. Суриков

Жил-был Садко-купец, богатый гость
Во Новѣ-городѣ,

У него-то все было по-небесному:
На небе звезда — и в тереме звезда.
Как-то спроговорил Садко богатые,
Говорит он своим прикачкам:
«Берите вы деньги по надоби,
Откупите весь товар новгородские,
Откупите, чтобы не было товару
новгородского!»

Откупили весь товар во Новѣ-городѣ
На другой день товаров больше того.

«Ай же вы, слуги мои, вы прикачки,
Берите денег по надобью,

Откупите все товары во
Новѣ-городѣ».

«Ай же вы, слуги мои, вы прикачки,
Не я, верно, богат — богат великий
Новгород!»

Приказал Садко-купец богатый:

«Ай же вы, слуги мои прикачки,

А и стройте-ка тридцать три корабля,
Нос, корму сводите по-звериному,

¹¹ Рыбников, т. I, № 66, с. 376.

Бока-то сведите по-змеиному...
По дорогу по камешку по яхонту
Вместо глаз вы вставляйте.
По черному по соболу сибирскому
Вместо бров продергивайте. По бурья
лисицы по сибирския
Вместо ушей повесте-тко».
Слушали дружинушки-прикащики

Бока-то сведите по-змеиному,
Вместо очей вставьте по яхонту,
Вместо бровей — соболу заморскому,
Вместо ушей — по дорогой лисице
заморской.

Брали золотой казны по надобью,
Делали дело повеленое,
Тут-то Садко поезд держал...

И состроили тридцать три корабля.
И полетел Садко-купец
За славное за сине море...

Приведенная таблица показывает органическую связь текстов. Сопоставление не дается по всему тексту, так как и данный отрывок достаточно показателен. Суриков перенял «Садко» у Дутикова, но неполно, обедненно. Это один и тот же текст, но текст, уже несколько разрушенный. Другие тексты сохранили исходный вариант в более полном и совершенном виде.

Приведенные сопоставления дают достаточно оснований для реконструирования текстов Конона с Зяблых Нив, хотя, конечно, восстановить его тексты в их художественной яркости и цельности нет возможности. Тексты указанных сказителей выявляют также индивидуальные привнесения в кононовский извод. Из рыбниковско-гильфердинговских сказителей школы Конона и по характеру текстов, и по свидетельству А. Ф. Гильфердинга особенно выделяется Домна Васильевна Сурикова. А. Ф. Гильфердинг о ней писал: «Крестьянка дер(евни) Конды Сенногубской волости, вдова лет 40, раскольница. Былины, которые она поет очень складно и отчетливо, хотя слабым дребезжающим голосом, она переняла от стариков, между которыми особенно отличался Конон с Зяблых Нив. Петь с такую расстановкою, чтобы можно было записать былины с «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть...»¹².

Былины Д. В. Суриковой действительно принадлежат к числу лучших вариантов былевой поэзии. Сурикова сохраняла полноту сюжета и отчетливость обрисовки образов¹³. Однако степень ее личного творческого участия в былевом эпосе не была особенно значительной. Восприняв тексты в основном от Конона, она, возможно, уточняла их своеобразной редакторской правкой, но не переосмысляла и не давала им нового направления, как это делал, например, Т. Г. Рябинин. Сопоставляя ее варианты с былинами других сказителей той же школы, можно говорить об их большей полноте и художественности, в то же время бросается в глаза их близость к вариантам Н. Дутикова и безыменной молодежи из Кижской Губы (см. Приложение № 12). С исключительной бли-

¹² Гильфердинг, с. 704.

¹³ Ср., например, в главе «Елустафьевско-рябининская школа» сопоставление ее былины «Илья и Калин-царь» с вариантами других сказителей.

зостью к вариантам названных двух сказителей Д. В. Сурикова пела, например, историческую песню о Гришке-Расстрижке¹⁴.

Дословные совпадения всех трех вариантов тем интереснее, что они имеют место в вариантах различной полноты. Самый неполный — вариант молодницы из Кижской Губы. Он сохраняет только наиболее существенные эпизоды сюжета.

1. Воцарение Гришки-Расстрижки под именем царевича Дмитрия.

2. Бесчинства и беззакония самозванца.

3. Наказ самозванца Марине творить бесчинства.

Вариант Н. Ф. Дутикова развертывает некоторые эпизоды подробнее (например, воцарение Гришки) и сохраняет память о некоторых дополнительных чертах. К песне сделано Рыбниковым примечание: «Пропев былинку, сказитель пояснил, что Гришка просидел в тюрьме тридцать лет и в это время нарочно заросстил крест в белые груди, чтобы походить на Дмитрия-царевича. А у настоящего царевича, как он родился, крест был в белой груди»¹⁵.

Д. В. Сурикова сохранила в своей памяти это интересное и редкое в былевой обработке место песни. Ее вариант заканчивается офантазированным изложением исторических событий.

Собирались господа, бояри московские,

Думали думушку обчую,

Приходили ко иноке Марфе Ивановне:

— «Инока Марфа Иванова!

Верно господь на нас разгневался,

Что дал царя несчастливого»¹⁶.

— «Неумны вы, господа, вси неразумны!

Дмитрию-царю ведь смерть придали,

Голову рубили в хоробрый Литвы,

А мощи хоронили под каменную церковь.

А это Гришка-Расстрижка Отрепьев сын

Сидел в тюрьме ровно тридцать лет,

Заросстил крест во белые груди,

Так назвался собака прямым царем.

Прямым царем, царем Митрием,

Царевичем Митрием московским».

Тут господа-бояре вси московские,

Собрались бояре в одно место,

Гришке-Расстрижке смерть придали,

А его жену в окно бросили»¹⁷.

¹⁴ Ср.: Рыбников, т. I, № 91, с. 463—464; № 17, с. 379—381; Гильфердинг, № 143, с. 730—731.

Весьма близок к указанным текстам вариант Маланьи Нефедовны Севериковой, 88 лет, родом из д. Конды; текст от Севериковой был записан в 1928 г. московской экспедицией Государственной Академии художественных наук.

¹⁵ Рыбников, т. I, с. 381.

¹⁶ По всей видимости, не понято Д. В. Суриковой; надо: «царя нечестивого».

¹⁷ Гильфердинг, с. 731. Конец песни в варианте Суриковой спутан. Типичный вариант утверждает смерть Гришки (выбросился в окошко и принял смерть) и превращение Маришки в сороку.

Большая полнота и художественность варианта Д. В. Суриковой, по сравнению с другими вариантами, выделяют его и заставляют ставить вопрос о степени близости его к кононовскому изводу. Совпадения переходных и постоянных мест во всех вариантах, наличие в варианте Дутикова прозаического пересказа смерти Гришки, параллельного стихотворному у Суриковой, позволяют утверждать значительную близость текстов Конона и Суриковой.

Можно было бы предположить и еще одну возможность: не оказали ли влияние варианты Суриковой на параллельные тексты других сказителей? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Если бы суриковские тексты были вторичным источником восприятия для сказителей, то, во-первых, Н. Ф. Дутиков передавал бы свои варианты, точно воспроизводя все мотивы, имеющиеся у Суриковой, и, во-вторых, это было бы отмечено С. К. Неклюдиной, сопоставлявшей варианты своих современников с текстами своего отца. В отношении песни о Гришке-Расстрижке сколько-нибудь значительное творчество Суриковой трудно предполагать. Скорее его можно видеть в былине о Василии Буслаеве. В противовес Н. Ф. Дутикову, исполнявшему оба сюжета о Василии Буслаеве отдельно, Домна Сурикова сконтаминировала их, весьма удачно скрепив речью Василия, обращенной к матери, его просьбой отпустить молиться в Иерусалим (см. таблицу сопоставлений — *Приложение № 13*). Во всем остальном тексты Дутикова и Суриковой очень близки, причем варианты Суриковой, как всегда, полнее и художественнее.

Исполнительское мастерство Домны Васильевны Суриковой порождает в ее семье продолжателей кононовской традиции. Ее сыновья — Антон и Егор — в наше время были одними из лучших хранителей кононовских текстов. В общей традиции появляется частная, семейная; Домна, Антон и Егор Суриковы находятся в таком же отношении к Конону с Зяблых Нив, как И. Т. Рябинин, И. Г. Рябинин-Андреев и их потомки к Т. Г. Рябинину и Елустафьеву. Это — сказители-исполнители, в разной мере талантливые, но отнюдь не они являются творцами былевого эпоса. Выборочное сопоставление текста «Василия Буслаева», записанного от Суриковых в 1871 и 1926 гг., с вариантом Дутикова показывает это ¹⁸.

Разнообразная вариантность сюжета Василия Буслаева делает текст Суриковой, как наиболее полный, особенно интересным для выяснения кононовской традиции. Сюжет не имеет областных групп; его традиционное оформление вырастает в пределах школ и зависит нередко от творческой переработки отдельного сказителя. Это объясняет и различную трактовку образа Васьки. Образ его в разных вариантах различен до крайности. Так, например, в варианте шальского лодочника ¹⁹ Васькино буйство

¹⁸ *Рыбников*, т. I, № 164, с. 368—374; № 65, с. 374—376; *Гильбердинг*, № 141, с. 722—727.

¹⁹ *Рыбников*, т. II, № 150, с. 352—359.

обращено не против новгородцев вообще, а против князей, воеводы, старшины; соответственно этому и победа Васьки воспринимается как победа над знатью. В варианте же Зимнего Берега Белого моря²⁰ о Василии говорится как о богатом князе, который «дворянскими забавами да забавляется: малых детей на улки пообиживают».

Противоречивость вариантов былины заставляет предполагать в вариантах Дутикова—Суриковых текст, созданный Кононом с Зяблых Нив или его учителем. Сюжетное развитие их былин о Буслаеве таково:

1. Умирает Буслай, остается его чадо — Васька. Молодость и гульба Васьки.

2. Жалоба мужиков новгородских на Ваську его матери. Мать удерживает Ваську от бесчинств.

3. Васька заводит пир, чтобы собрать дружину. Принимает в дружину Потанюшку.

4. Васька с дружиной идет незванный на почестен пир; напившись пьяным, принимает вызов на кулачный бой.

5. Мать, узнав о вызове, бежит к мужикам и предлагает им подарки. Мужики отказываются от них, рассчитывая завладеть всем имуществом Василия.

6. Мужики побивают дружину на мосту, девка-чернавка сообщает об этом Ваське. Васька бежит на мост и побивает мужиков.

7. Мужики просят мать Василия спасти их от смерти. Мать уносит Ваську с моста.

8. Васька просится у матери съездить в Иерусалим-град.

9. По дороге в Иерусалим-град Васька с дружиной заезжает на Сивань-гору и видит череп. Васька пинает череп ногой, череп ему предвещает смерть.

10. Васька купается в Ердани-реке нагим. Девушка-чернавка предвещает ему смерть.

11. Возвращаясь в Новгород, Васька с дружиной заезжает на Сивань-гору. Череп превратился в камень. Васька прыгает через камень и разбивает себе голову.

Кононовский извод дает некоторые отклонения от других вариантов. Совпадая с ними в самом начале былины, он в дальнейшем варьирует эпизоды. Так, в дружину Васька берет не 29 молодцов, а только Потанюшку хроменького (Дутиков указывает еще на Костю Новоторженина). Подробно разработан эпизод попытки матери откупиться от боя и отказа мужиков. Рассказ о запирации Васьки матерью в подвал отсутствует. Также отсутствует эпизод со старчищем — крестным отцом. Мать Васьки прекращает бой не уговором, а тем, что, схватив его, уносит домой. Сюжет второй былины звучит как добавление к первой и очень сжато повествует о событиях, выделяя только главное (отсутствует, например, встреча с разбойниками и т. д.).

²⁰ Маркоз А. В. Беломорские былины. М., 1901, № 52.

Сделанные наблюдения над вариантами учеников Конона Саввиновича Неклюдова устанавливают устойчивость его текстов в последующих передачах и сохранение своеобразия редакций его былин. Былины учеников Конона сохранили также специфику образов, созданных его творчеством. По сравнению с творчеством Т. Г. Рябинина в былинах этой школы антагонизм людей из народа и представителей правящих классов дан менее отчетливо. На первый план выдвигается обрисовка характера, качеств человека. Добро и зло показаны не столько в плане социальных взаимоотношений, сколько в стремлении установить свойственные трудовому народу моральные и этические идеалы. Типические образы былин этой школы — образы честных и мужественных героев, образы мудрых, сильных и смелых женщин — матерей и жен героев былин, которым противопоставляются люди коварные и расчетливо-лживые. Основой для развития сюжетной линии часто является необдуманый поступок, необдуманное слово, вырвавшееся у героя, или зарождение глубоких чувств, не считающихся ни с какими препонами и условностями.

Образы героев, связанные с темой борьбы добра и зла, ни в какой мере не схематизированы, не однотонны. Герои — люди, имеющие свои достоинства и недостатки. Каждый из них вызывает к себе чувство симпатии и в то же время может быть порицаем в его действиях. Последнее лишает такие образы обобщенной спокойной монументальности образов героических былин. Образы былин кононовской школы менее эпичны и более человечны в их повседневности. Они и показаны не в великих подвигах, а в обычной, частной жизни. Черты, характерные вообще для народных былин-новелл, в кононовской школе нашли свое типическое выражение.

Образы Ильи Муромца, Соловья-разбойника, Калина-царя, Идолица поганого имеются в репертуаре кононовской школы в единичных, случайных текстах. Несравненно типичнее для нее образы, подобные Дюку Степановичу, Ваське Буслаеву, Ставр Годиновичу, Ивану Гостиному сыну, царю Соломану, Василию Окуловичу и другим героям новелл. Первых четырех названных былинных героев объединяет их неразумная похвальба. Она вызвана разными причинами, но в равной мере служит основой для дальнейшего развития действия, для показа приключений и горестей героев. Похвальба добрых молодцев, однако, не дается, как это имеет место в других изводах, с резкой отрицательной оценкой (ср., например: «Говорила я Ставр, говорила дураку»; или: мать Дюка не дает ему благословения ехать в Киев-град, мотивируя склонностью Дюка к неразумному, пустословному хвастовству). И Дюк, и Васька, и Иван, и Ставр похваляются не впустую, а истинными достоинствами. Они переживают неприятности из-за козней людей (ср. в варианте Дутикова разработку мотива встречи Дюка с Чурилой в былине о Дюке Степановиче), пользующихся отсутствием у героев осторожности и скромности. Отрицательные стороны характеров героев не подчеркнуты;

в то же время они и не скрыты. Отсутствие акцентировки ведущей черты образа, показ многообразия качеств людей, показ индивидуальных переживаний²¹, сочетаемый с упоминанием бытовых деталей, нарушают привычную обобщенность эпических образов, сближают образы героев былины с людьми, встречаемыми в жизни. Соответственно этому тематика становится тематикой частной жизни человека. Среди тем былины кононовской школы наибольшую распространенность имеет тема семейной жизни, любви, измены.

Тема семейной жизни, личных переживаний связана с образами Добрыни, Соломана, Ивана Годиновича и соответствующих женских образов. Повествование о Добрыне и Алеше — в противовес Т. Г. Рябинину — отделено от показа воинских подвигов героя. Былина рассказывает о расставании Добрыни с матерью, с женой и в дальнейшем останавливается на неизменности любви матери и легкости забвения мужа Настасьей.

Ждали Добрынюшку по шесть годов,
По шесть годов не могли да дождаться.
Тут его любимá семья,
Мблода Настасья Микулична
Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
Пошла она в замужество
А за смелого Алешеньку Поповича²².

Былина о Добрыне и Алеше, таким образом, становится былиной, повествующей о женском легкомыслии (ср. в былине речь Добрыни: «у бабы волос долог, да ум короток»); тема насилия князя над семьей богатыря сменяется бытовой темой супружеской верности. Это сближает «Добрыню и Алешу» с «Иваном Годиновичем» и «Царем Соломаном», разрабатывающими сюжет неверной жены. Однако в них находим иную акцентировку: легкомыслие уступает место коварству, осознанной враждебности женщины герою. Соответственно такому изменению женского образа названные сюжеты, вполне в плане традиции, оканчиваются смертью коварной жены, утверждая этим торжество добра над злом. Суждения о злой жене часто вкладываются сказителями в уста героя:

Говорит мудрый царь Саламан:
«Как бы ты была баба умная,
Ты не шла бы на суда на черлёные,
Ты не пила бы питья забудущего;

²¹ Ср. в «Ставре» Домны Суриковой слова Ставра, сказанные им Василисе: «Дородный добрый молодец!

Я все позабыл, сидючи в погребах глубоких» (*Гильфердинг*, с. 721).

Что общего в Ставре такой трактовки с ничем не забывающим, сохраняющим силу и мужество и в погребах-тюрьме Илей Муромцем? (Ср. в былинах елустафьевско-рябининской школы.)

Примеры и сопоставления подобного рода можно весьма значительно умножить.

²² *Гильфердинг*, № 145, с. 736.

И во этой вины тебя бог простит!
Как бы ты была баба умная,
Не замкнула бы царя в окован ларец:
И во этой во вины тебя бог простит!
И как бы ты была баба умная,
Не ладила бы петли шелковые
И не весила бы царя Салáмана;
И во той вины тебя не прощу!»
И повесили царицу Саламанию
В тую во петелку шелковую²³.

Женские образы кононовской школы были весьма разнообразны; среди них есть, подобные Настасье, жене Добрыни, положительные образы с отдельными отрицательными чертами, есть, подобные царице Соломании, — отрицательные. Замечательны образы властной и мудрой матери героя и верной жены-богатырки. Кононовской школе принадлежит одна из лучших разработок «Ставра». Образ жены Ставра Василисы охарактеризован кратко, но выразительно:

Есть-то женка молодая:
Всех князей-бояр обманула она,
Самого царя с ума выведет²⁴.

Домна Сурикова, можно предполагать, следуя и в этой былине кононовской традиции, самостоятельно вводит краткий штрих: Василиса пирует с гостями; узнав о заключении Ставра, она посылает гостей по домам и готовится к поездке на выручку мужа. В ее реплике, брошенной гостям, без мудрствований звучит любовь:

Подите вы, гости, по своим домам,
Ныне мне, гости, не до вас пришло, —
Не стало у меня ясна сбкола,
Молода Ставра сына Годиновича²⁵.

Сурикова не упоминает о единоборстве Василисы с богатырями. Показ физической силы жены Ставра, подчеркнутый многими сказителями, уступил место показу ее ума, сметки, находчивости — того, что должно «повывести с ума» самого князя Владимира. Василиса проходит испытания баней, постелью-перинной, игрой в шахматы. Хотя былина не останавливается на показе силы верной жены, тем не менее сила ее ощущается благодаря описанию богатырского снаряжения Василисы. С этой целью используется традиционная формула богатырской поездки:

Тут Василиса Микулична
Волосы подбрила по-мужичьему,
Платья надела богатырския,

²³ Рыбников, т. I, с. 479.

²⁴ Гильфердинг, № 140, с. 718.

²⁵ Там же, с. 719.

Сходила в конюшечку во новую,
Взяла жеребчика неезжаного,
Седлала, удадала добра коня,
Седелышко клала черкаское,
Положила стремянки булатныи,
Пряжки меди казанской;
Не для-ради красы-басы угожества,
А для ради закрепы богатырской,
Села она да поехала.

В былинах кононовской школы черты богатырской силы свойственны вообще женщинам, вступающим за близких им людей. Они распространяются даже на традиционный образ матерой вдовы, матери Васьки Буслаева. Только она одна может унять буйного сына своего; она берет его и уносит в свой терем. Или же, проведая о грозящей Василию напасти, она идет с дарами к мужикам и униженно просит за сына:

Здравствуйте, мужики новгородские!
Возьмите дóроги подарочки,
Простите Василья во той вины.

Услышав отказ, матера вдова возвращается обратно домой.

Крест на лицё, да с теремá долой,
Ударила чоботом во ли́пину,—
А улетела ли́пина во задний тын,
А у них задний тын весь и рассыпался,
Вси крыльца-перильца покосилися.

В гиперболическом описании досады и возмущения матери видим реалистические детали, характерные для новеллистических произведений. Школа Конона вводит показ частных и при помощи их рисует образы былевого эпоса.

Вариацией образа матери Васьки является образ матери Добрыни. В трактовке сказителей кононовской школы — это образ осиротелой, любящей женщины (в нем есть значительное сходство с матерью Добрыни былины Т. Г. Рябинина) и образ властной хозяйки дома-имущества, подобной матери Дюка.

Тема любви и семейной жизни в некоторых былинах приобретает главенствующее, ведущее значение. Таковы сюжеты «Чурилы и Катерины», «Домны и Митрия», «Василия и Софьи», «Молодца и королевичны». И в них, как и в других сюжетах кононовской школы, мужские или женские образы не могут быть рассматриваемы отдельно друг от друга. Они показаны во взаимоотношениях в пределах личных переживаний. Эти переживания типологизируются (вечная любовь — «Василий и Софья» с рассказом о произрастании растений на могилах любовников; измена и коварство — «Иван Гоудинович», «Царь Соломан и Василий Окулович» и т. д.), часто рисуют трагедию любви, ревности, измены, изображенную в краткой новеллистической форме.

Таким образом, былины кононовской школы в основном являются не эпосом о подвигах и богатырских поездах героев в широких степях Руси, а повествованиями о человеческих чувствах и переживаниях, отображенных в поступках былинных персонажей.

Традиция кононовской школы, сохраненная в большей или меньшей мере неизменной в былинах Суриковых, Дутикова, Неклюдиной и других названных выше сказителей, получила дальнейшее развитие и углубление в творчестве Настасьи Степановны Богдановой, умершей в 1937 г.

Настасья Степановна Богданова (девичья фамилия — Зиновьева) родом из деревни Зиновьевой, что рядом с Кондой, родилась в 60-х годах XIX в. Из своей деревни она уехала, выйдя замуж за лесного сторожа Богданова из деревни Половины Шуйской волости (в 24 верстах от Петрозаводска). Некоторое время жила в самом Петрозаводске, но под конец жизни вернулась в родную деревню, где и умерла.

Былинам Н. С. Богданова выучилась еще в детстве у бабушки Гавриловны, прозванной за шепелявость Шапшой. Настасья Степановна к ней бегала тайком от матери слушать былины и песни. Помимо Шапши, перенявшей былины от Конона с Зяблых Нив, учителями Богдановой, по ее признанию, были Д. В. Сурикова и портной из с. Песчаного с Пудожского берега, работавший и в районе Киж-Конды, Максим Ржанов. Первые записи от Н. С. Богдановой были сделаны Н. С. Шайжиным в 1901 г. Шайжин назвал ее «кр. Н. С. Еремеевой, д. Конды, Петрозаводского у., Великогубской вол.»²⁶. Им были записаны: «Добрыня и Аляша», «Дунай», «Чурила и Катерина».

В начале же XX в. на Н. С. Богданову обратил внимание организатор народного хора Славянский, который вывозил ее в Петербург, где она неоднократно выступала перед разнообразной публикой.

Запись былин от Н. С. Богдановой была возобновлена экспедициями, ленинградской и московской, в 1926—1928 гг. Ленинградские фольклористы записывали от Настасьи Степановны былины еще раз — в 1932 г.

После революции Н. С. Богданова приезжала в Москву зимой 1926/27 гг. и весной 1929 г., и тогда она выступала в студенческих аудиториях, в Государственной Академии художественных наук, участвовала в большом концерте в Политехническом музее и других местах. Неоднократно она выступала и в Ленинграде. С этого же времени Н. С. Богданова стала получать персональную пенсию от Совнаркома Карельской АССР.

Н. С. Богданова обладала очень хорошей памятью, чувством ритма, музыкальностью. Раньше у нее был очень чистый и звучный голос, а со временем голос ее стал слабее, потерял свою звучность,

²⁶ Шайжин Н. С. Оловецкий фольклор. Петрозаводск, 1906, с. 118—163. Перепечатано в сб.: Былины; новой и недавней записи из разных местностей России/Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908, № 28, 61, 84.

но мастерство исполнения от этого не исчезло. Настасья Степановна не только пела, она разыгрывала свои былины, выражением голоса, интонацией, жестом подчеркивая содержание повествования. В ее репертуаре были старины: «Дунай Иванович», «Добрыня и Алеша», «Чурила и Катерина», «Худая жена и жена добрая», «Молодец и королевична», «Соломан и Василий Окулович», «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Насильственное пострижение», «Казань-город», «Кострюк». Помимо того, она раньше пела, но к 1926 г. уже забыла былины: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Соловей-разбойник», «Дюк Степанович», «Василий Буслаевич».

Как видно из перечня былии, Н. С. Богданова в репертуаре не выходила за пределы традиционного для кононовской школы подбора былии-новелл. Но в пределах традиции крупный талант сказительницы дал ей возможность углубить и расширить былины, создать новые, более совершенные редакции.

Былины, записанные от Н. С. Богдановой в 1901 и в 1926 гг., довольно близки друг другу. 25-летняя отдаленность записей не обнаруживает коренных расхождений в былевых текстах Н. С. Богдановой. Примером может быть текст «Дунай Ивановича» (см. Приложение № 14).

Для сопоставления вариантов былины о Дунае по записям 1901 и 1926 гг. выборочно взяты устойчивые формулы и переходные места. В отношении тех и других можно видеть значительную устойчивость, незыблемость выработанного текста. Различия встречается только в отношении удвоения строк и введения дополнительных деталей. Все остальное совпадает, иногда даже дословно. Подобные совпадения типичны и для других двух текстов, записанных Шайжиным и экспедициями 1926—1928 гг. Следовательно, в отношении по крайней мере трех былии, записанных еще в 1901 г., имеется возможность утверждать, что богдановские тексты приобрели устойчивость формы к началу XX в. (Предположительно это можно сказать о всех былинах Н. С. Богдановой.) В дальнейшем они не только детализировались и углублялись, но не изменялись в своем существе.

Сказанное полностью подтверждают кратко высказанные наблюдения А. М. Астаховой над имеющимися в ее распоряжении записями былии Н. С. Богдановой, сделанными уже в 1932 г. А. М. Астахова справедливо замечает: «Полной неизменностью текст все же не отличается. Кроме обычных перестановок деталей, мелких изменений во фразировке, мы видим некоторое распространение текста, вследствие большей детализации образов и усиления психологических моментов. Так, например, в записи былии «Добрыня и Алеша» в 1932 г. более подробно изображено подавленное состояние Добрыни Никитича, когда князь Владимир «накидывает» на него службу... Гораздо более подробно развернуто в обеих последних записях прощание Добрыни с женой и т. п. Иногда мы встречаем и включение целых эпизодов. Так, в более поздних записях мы находим замечательное место, кото-

рого нет в варианте 1901 г.: укор матери князю Владимиру... и новый эпизод — посылка князем Владимиром Алеши на разведки (в ранней записи Алеша Попович сам приезжает на поля). Все это приводит к значительному разрастанию текста. Так, былина о Добрыне и Алеше с 556 стихов увеличилась до 593, «Дунай» с 408 до 473.

Таким образом, тексты Богдановой не застывают, а продолжают творчески развиваться. В то же время отмеченные дополнения не перестраивают композиционно былинку, а лишь углубляют образ. Создав определенную картину, Настасья Степановна, видимо, любовно культивирует ее, отчеканивая образ путем прибавления новых характеристических штрихов. Включение новых эпизодов имеет то же назначение еще более полной разработки уже определившихся раньше ситуации или образа. Вообще, основной чертой мастерства Настасьи Степановны является стремление к полноте и обстоятельности, к тщательной вырисовке деталей»²⁷.

Для более точного выяснения характера и объема индивидуальных привнесений сказительницы в былинки кононовской традиции следует провести сюжетное и текстуальное сопоставление вариантов Н. С. Богдановой с текстами сказителей, сохранивших извод Конона с незначительными изменениями. Рассмотрению подлежат: «Дунай» (записано А. Ф. Гильфердингом от Д. В. Суриковой), «Добрыня и Алеша» (записано А. Ф. Гильфердингом от Н. Ф. Дутикова), «Чурила и Катерина» (записано П. Н. Рыбниковым от молодежи из Кижской губы), «Кострюк» (записано П. Н. Рыбниковым от Васильева и старухи из Великогубского погоста). Былины-баллады «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Насильственное пострижение», «Казань-город», тексты которых имеют типовую редакцию, общую для разных школ, рассматриваться не будут. Для сопоставлений необходимо привлечь некоторые былины, записанные в 1926 г. от Антона и Егора Суриковых как точно воспроизводящие тексты их прямых учителей — Н. Ф. Дутикова и Домны Суриковой.

Сопоставление затрудняется отсутствием записей от бабушки Шапши. Не имея ни одного ее текста, мы не можем определить ее метод усвоения былин и, следовательно, можем счесть богдановским привнесением в текст то, что, может быть, идет еще от Шапши. Однако, памятуя о том, что Шапша была уже старухой в пору детства Н. С. Богдановой (в 70—80-х годах) и что ее тексты слушались многими певцами былин, но имеют отличительные черты только в творчестве Богдановой (они не дали отзвуков, выделяющихся из общего плана кононовской традиции у других сказителей этой школы, живших в XIX — начале XX в.), следует предположить, что былины Шапши не расходились с вариантами лучших представителей школы Конона. Имеющиеся же в текстах

²⁷ Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян. — В кн.: Астахова А. М. Былины Севера, т. 1, с. 77—78.

Богдановой изменения в большинстве случаев — результат ее личного творчества.

Н. С. Богданова считала некоторые тексты своих былин полными, некоторые сокращенными. О последних она говорила, что знает их недостаточно хорошо и предпочитала их не петь. Когда, например, она в 1926 г. участникам заонежской экспедиции спела «Кострюка», она заметила: «Я ее плохо знаю. Семенов (т. е. А. Б. Суриков), может быть, поговорит больше, прибавит»²⁸. Действительно, вариант «Кострюка» у Богдановой выпадает из стиля ее былин. В нем есть и признаки забвения текста: например, бой происходит «на поли на Волхови», «у князя у Владимира» (см. строки 6—10); к Важенскому и Вяземскому молодцам добавлен Потанюшка маленький. Черты забвения свидетельствуют, что «Кострюк» не был предметом творческого внимания сказительницы. Однако память ее сохранила традицию Конона и в этом тексте, вплоть до сохранения ритмического рисунка исторической песни.

Для всех учеников Конона характерна разработка редакции текста, по которой царица крымская, купава татарская, приезжает на Русь не как жена Грозного царя, а как вонтельница, сговорившаяся с Кострюком. Из четырех вариантов сказителей этой школы (см. Приложение № 15) три (Васильева, А. Б. Сурикова, Н. С. Богданова) Кострюка именуют черкашенином (интересный отзвук истории). Три варианта (Васильева, старухи из Великой Губы, А. Б. Сурикова) называют бойцов Федором (Федькою) и Михаилом (Мишкою). Вариант Богдановой, утерявший эти имена, сохраняет указание на Важенскую землю как на родину бойцов.

Совпадения деталей в текстах Васильева, старухи из Великой Губы²⁹, А. Б. Сурикова³⁰, Богдановой³¹ могли бы казаться случайными, если бы они ничем не подкреплялись. Но, помимо текстуальных совпадений, помимо совпадения имен, тексты имеют несомненную общность и сюжетное построение песни во всех вариантах одинаково:

1. Царица крымская с Кострюком едет на Русь. Приезжает на поле чистое и шлет вызов царю, требуя бойцов-поединщиков.
2. С Важенской стороны к царю приходят братья Федор и Михаил, вызываются биться с Кострюком.
3. Михайло вступает в бой с Кострюком, побеждает его, вытряхивает из платья.

Единство, отраженное в сюжете этих четырех вариантов коно-

²⁸ См. рукопись сборника «Онежские былины», экспедиции 1926—1928 гг. Кижи, «Кострюк» Н. С. Богдановой-Зиновьевой. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, с. 627]

²⁹ Рыбников, т. I, № 95, № 96.

³⁰ Рукопись сборника «Онежские былины». Кижи. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, № 140.]

³¹ Рукопись сборника «Онежские былины». Кижи. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, № 158.]

новской школы, обнаруживается и в текстуальных сопоставлениях.

Как видно из приведенного выборочного сличения текстов (см. Приложение № 15), вариант Н. С. Богдановой неоригинален, он сохраняет формулы кононовской традиции без творческого осмысления их (ср. вариант Богдановой в зачине с текстом Васильева; в «Вызове бойцов» и в «Борьбе с Кострюком» — с текстами Васильева и А. Сурикова). Отличие в варианте Богдановой формулы приезда крымской царицы с Кострюком на Русь от формул Васильева и безыменной старухи также не принадлежит Богдановой. Эта формула заимствована ею из былины об Илье и Калине-царе и связана с вариантом Д. В. Суриковой³².

В варианте «Илья и Калина-царя» Домны Суриковой так же, как в «Кострюке» Богдановой, татарове приходят, останавливаются на поле и приказывают Владимиру распахивать улицы, готовиться их принять. Контаминация мотивов Кострюка с другими былинами встречается не только у Богдановой-Зиновьевой, но и у других сказителей. Характерно, что один из выдающихся сказителей кононовской школы, Н. Ф. Дутиков, произвольно контаминировал Кострюка с «Ильей и Идолищем» (Илья расправляется с Идолищем, как Михайло Важенский с Кострюком; при этом упоминается и «хупава-то крымская»). Все подобные контаминации не находят объяснений в творческих освоениях унаследованного текста; контаминации Кострюка сказителями кононовской школы случайны и свидетельствуют о забвении недостаточно популярной среди этих сказителей исторической песни. Она, повествующая о поединке с врагом, как и воинские былины, с которыми ее мотивы контаминируются, не стояла в центре внимания сказителей, культивирующих былинно-новеллу. Именно поэтому наиболее одаренная сказительница школы — Н. С. Богданова осознавала в своем репертуаре песнь о «Кострюке» как сюжет второстепенной (если не менее) значимости. Тема «Кострюка» не привлекала к себе ее внимания, и против своего обыкновения Богданова пела его без осмысления и переработки — так, как запомнилось. Отношение Н. С. Богдановой к «Кострюку» и характер варианта, сохраненного ею, раскрывают круг интересов сказительницы, но не творческий метод ее. Творческий метод может быть понят только на былинах, увлекших воображение Н. С. Богдановой своей темой, былинах, вызвавших домыслы и переработку образов. Такими былинами в репертуаре Богдановой являются прежде всего «Дунай», «Добрыня и Алеша», «Чурила и Катерина». Названные былины записывались от Богдановой Шайжиным еще в 1901 г. в вариантах, весьма близких к записям 1926—1928 гг.

Сопоставление вариантов Богдановой с текстами других сказителей кононовской школы обнаруживает прежде всего детализацию, характерное введение подробностей, дополняющих изо-

³² *Гильфердинг*, № 138, с. 705, строки 35—40.

бражаемую картину. Даже в сопоставлении с текстами Домны Суриковой варианты Богдановой более насыщены деталями. В репертуаре обеих сказительниц была былина о Дунае, она схожа и в то же время различна и в устойчивых формулах и в переходных местах³³ (см. Приложение № 16).

Н. С. Богданова оживляла заставшие словесные формулы, вводя подробности. Так, у нее, например, в описании распечатывания письма зрительно отчетливо раскрывается традиционная формула «Спрогбвори король...» (см. «Приезд богатырей к королю»). То же оживление формулы введением деталей и описанием психологических переживаний встречается и в других частях былины (см., например, «Ответ богатырки» и др.). Вводя новые детали, Н. С. Богданова не стремилась сохранять старые. Если деталь запутывала действие, затемняла четкость повествования, она ее отбрасывала. Так были отброшены традиционные слова короля о том, что он Дуная определяет в конюхи, в повара. Речь короля передана Богдановой определеннее: король, прочитав письмо, сразу же отдает приказ заточить Дуная в тюрьму-погребца (см. «Приезд богатырей к королю»).

В данном случае Богданова как бы редактировала былинку, сохраняя образы, сюжет и (во многих местах) слышанный ею текст.

«Дунай» Суриковой и Богдановой свободен от влияния даже близких сюжетов. Он, например, стоит в стороне от параллельного сюжета «Добрыни и Василия Казимировича»³⁴, надо думать, потому, что в нем новеллистическая тема добывания невесты, сватовства, заменялась темой борьбы богатырей с чужеземным королем, требующим подати от князя Владимира (темой героического эпоса).

Сказители кононовской школы, варьируя былинку, сохранили классическую чистоту сюжета сватовства Владимира («Дунай»)³⁵. Глубже переработка Богдановой «Добрыни и Алеши». Переработка этой былины коснулась даже сюжета. Текст Богдановой может быть сопоставлен только с вариантами Н. Ф. Дутикова и Е. Б. Сурикова (или А. Б. Сурикова). Домна Сурикова, как мож-

³³ Гильфердинг, с. 711—717, № 139; рукопись сборника «Онежские былины». Киж. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, с. 590—597.]

³⁴ Ср. выше вариант Т. Г. Рябикина.

³⁵ 1. Пир у князя Владимира. Владимир на пиру спрашивает, нет ли где-нибудь для него невесты. Дунай называет Апраксию. 2. Владимир посылает Дуная за Апраксией. Дунай просит дать ему в товарищи Добрыню. Дунай и Добрыня уезжают. 3. Дунай приходит в палаты к королю, сватает Апраксию. Король приказывает его посадить в тюрьму. Богатыри побивают врагов. Король отдает Апраксию. 4. Богатыри едут в Киев, везут Апраксию. Дунай видит след копыта богатырской лошади. Добрыня и Апраксия едут в Киев. Дунай гонится за полиницей. 5. Дунай встречается с полиницей, бьется с ней, побеждает ее, узнает в ней сестру Апраксии и везет в Киев как невесту. 6. На свадебном пиру жена Дуная хвалится меткостью стрельбы. Она состязается в стрельбе с Дунаем. Дунай, стреляя в кольцо, поставленное на голову его жены, убивает ее. Дунай убивает себя. Дунай и его жена превращаются в реки.

но заключить по свидетельству А. Ф. Гильфердинга, «Добрыню и Алешу» не пела. Варианты Дутикова и Суриковых в отношении былины Богдановой являются схематизацией и сюжета и текста. Н. С. Богданова углубила и расширила традиционный сюжет вводными эпизодами.

Н. Ф. Дутиков

- I. —————
- II. —————
- III. Добрыня прощается с женой и дает ей наказ ждать его 6 лет. После 6 лет может выходить замуж за кого угодно, только не за Алешу Поповича.
- IV. —————
- V. Алеша приезжает в дом Добрыни и рассказывает, что Добрыня умер (по вариантам А. и Е. Суриковых).
- VI. Алеша сватает Настасью. Заводят пир.

Н. С. Богданова

- I. Пир у князя Владимира. Все, кроме Добрыни, на пиру хвастают. Князь вызывает Добрыню на хвастовство, Добрыня хвастает женой. Владимир посылает Добрыню на заставу.
- II. Добрыня со слезами идет домой, проходит прямо на конюшню. Его видит мать и говорит жене, что Добрыня пришел печальный. Мать бежит к Добрыне, спрашивает его о причинах печали.
- III. Добрыня упрекает мать, что она его несчастного родила и посылает ее за Настасьей. Добрыня дает наказ Настасье, как и когда его ждать, и разрешает ей выйти замуж, за кого она хочет, только не за Алешу Поповича, если голуби принесут весть о его смерти. Добрыня уезжает.
- IV. Мать Добрыни идет к князю Владимиру и просит его вернуть сына. Владимир отказывает.
- V. Владимир через 6 лет посылает Алешу разыскать Добрыню. Алеша рассказывает, что Добрыня умер. Владимир несет Алешу передать эту весть Настасье. Алеша приезжает в дом Добрыни и сообщает о его смерти.
- VI. Князь с княгиней сватают для Алеши Настасью. Настасья отказывается. По прошествии 12 лет князь с княгиней заставляют Настасью идти за Алешу замуж.

- VII. Добрыня едет домой, встречает калику и от него узнает, что Настасья выходит замуж за Алешу.
- VIII. Добрыня возвращается домой, одевается скоморохом и идет на пир.
- IX. Добрыня играет на пиру. Настасья подносит ему чару вина. Добрыня пьет ее, наливает другую, кладет в нее перстень и дает выпить Настасье. Настасья пьет, узнает перстень и просит прощенья у Добрыни.
- X. Добрыня упрекает Владимира, бьет Алешу и с Настасьей возвращается домой.
- VII. Голуби рассказывают Добрыне о замужестве Настасьи. Добрыня возвращается.
- VIII. Добрыня неузнанный возвращается домой и рассказывает матери, что Добрыня скоро приедет. Мать не верит. Добрыня берет гусли, одевается скоморохом и идет на пир.
- IX. Добрыня играет на пиру. Настасья узнает гусли Добрыни и зовет его к столу. Добрыня пьет чару вина, наливает другую, кладет в нее перстень и дает выпить Настасье. Настасья пьет, узнает перстень и просит прощенья у Добрыни.
- X. Добрыня упрекает Владимира, бьет Алешу и с Настасьей возвращается домой.

II. С. Богданова значительно расширила сюжет, введя в него 3 новых эпизода (см. выше — в изложении) и подробнее разработав традиционные (ср., например, рассказ голубей, посылку Владимиром Алешу на розыски Добрыни, изображение настойчивого сватовства Настасьи для Алешу князем и княгиней и т. д.).

Расширение сюжета шло параллельно с уже отмеченным в творчестве Богдановой приемом детализации событий и оживления словесных формул подробностями внешних описаний. В некоторых случаях 4—5 строк традиционной формулы у Богдановой вырастают в 12—15. Это отчетливо видно и на прилагаемом сопоставлении текстов Дутикова, Егора Сурикова и Богдановой (см. Приложение № 17).

Для сопоставления взяты устойчивые словесные формулы и переходные места. Богданова, передавая словесные формулы, не всегда сама создает новые детали в них. В ряде случаев она соединяет несколько формул, логически спаивая их. Такова формула отъезда Добрыни. В ней соединяется развернутая формула богатырской поездки с формулой медленно текущего времени. Эти две разные формулы соединены словами о Добрыне, стоящем на заставе. Так же в описании возвращения Добрыни соединены традиционные формулы плача матери у окна и езды богатыря по чисту полю.

Личные привнесения в словесные формулы Н. С. Богдановой особенно отчетливы в сцене поднесения чаши. Общеизвестное двустишие «Ней до дна» развернуто в речи Добрыни (см.: «Ну,

когда пригласили меня...» и т. д.) и закапчивает ее. Также в этой сцене развернута формула: «Не тот мой муж...»; речь Настасьи построена на ней и ею заключается.

Устойчивые словесные формулы, включенные в текст Богдановой, сохранены ею не как самостоятельные детали традиции, а как детали, подчиненные общему творческому замыслу, образам героев и героинь.

Былину о «Добрыне и Алеше» Богданова переработала иначе, чем можно было видеть в творчестве Т. Г. Рябинина. Как указывалось выше, Рябинин использовал этот сюжет как дополнение к богатырским былинам; образ Добрыни подчеркнуто создавался им как образ воина. Богданова в своем варианте отодвигает воинские черты богатыря на второй план, перенося все действие на показ переживаний разлучаемых мужа и жены. Поэтому ее редакция такое большое место отводит образу Настасьи, играющему у Рябинина эпизодическую роль. В ее тексте вводная часть (пир — возвращение Добрыни — упреки матери — прощание с женой) приобретает самостоятельное значение не столько как завязка действия, сколько как начальная характеристика основных персонажей былины в их взаимосвязи и переживаниях. Образы Добрыни и его семьи сразу же показываются на фоне отношения к ним окружающих: князя Владимира, богатырей, бояр. Конфликт Добрыни и лиц, окружающих его и его семью, детализирован, но не в плане противопоставления воинских доблестей богатыря бессилию и трусости бояр, как это имело место в елустафьевско-рябининской школе, а в плане бытовой обстановки, личных взаимоотношений.

Сливая былинку о богатыре с былинами-новеллами, Н. С. Богданова в былинку об отъезде Добрыни вводит типичный для былины кононовской школы эпизод с необдуманной похвальбой, влекущей за собой ряд несчастий. Для этого она творчески перерабатывает мотивы похвальбы Ставра молодой женой, создавая нечто новое. Похвальба Добрыни звучит иначе, чем хвастовство Ставра. Добрыня говорит:

«Вот и нечем теперь мни выхвастывать,
Ах и нету ни имения, ни богатства,
Ах и нету-то без счету золотой казны.
Только есть одна по здраву молодá жена,
Молодá жена, да любимá семья!...»

Такой характер похвальбы противоположен хвастовству Ставра своими богатствами. Это подчеркивает различие между Ставром и Добрыней. Мотивы же похвальбы Ставра Н. С. Богданова прикрепляет к другим персонажам былины.

Говорил тогда Василий свет Буслаевич:
«У меня таперь, у доброго у мблодца,
Куньи шубоньки висят у нас не ношены,

Добры кбмони стоя у нас не ежаны,
Золотой казны да сметы нет»³⁶.

Похвальба Добрыни раскрывает его семейные привязанности и обосновывает тяжелые переживания героя. Сюжет развивается в направлении показа взаимной любви героя и героини и их насильственной разлуки. Эпизод прощания Настасьи с мужем предопределяет все дальнейшее развитие действия. В этом эпизоде звучит предсказание Добрыни:

«Приезжать к вам будут гости да немилые,
Привозить вам будут вести нехорошие...
Ты не верь, Настасья свет Никулишна,
Ни князьям не верь и не бояринам,
И ни могучим богатырям...».

Предвидение, звучащее в словах Добрыни, его предупреждение о нечестности Алеши находит композиционное завершение в описании прощанья, реалистически изображающего глубокое душевное волнение Настасьи.

Ах и тут у Настасьи свет Никулишной
Задрожали ручки белые,
Ах подрезала у ё и ножки резвые,
Помутились очи ясные,
Вот поблекло у ей-то личкó бёлоё,
Она горькими слезами тут заплакала,
Не могла стоять на рёзвых на ноженьках,
Тут упала о сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитич,
Он прощался с своей молодой женой,—
Она видела Добрыню только сядучи,
Не видала с шірока двора поедучи.

Н. С. Богданова в этом описании, как и в других, пользуется методом показа деталей для создания представления о целом. Она нигде не говорит о потере Настасьей сознания, она показывает, как это было. Присоединенная формула богатырской поездки подчинена сцене прощания и подчеркивает обморочное состояние покинутой женщины.

Вариант Богдановой меняет трактовку образа Настасьи сказителями кононовской школы. Кононовская традиция (см. Дутиков, Суриковы) рисовала ее легковерной женой, быстро забывающей мужа (ср. устойчивую формулу, характеризующую Настасью: «Муж в лес по дрова, баба и замуж пошла»). Богданова переосмысливает образ, превращая Настасью в верную жену,

³¹ Ср. в вари: пте «Ставра» Д. В. Суриковой (*Гильфердинг*, № 140, с. 718):

«У меня у молода Ставра...
Цветныи платья не посятся...
Добрыи кони не ездятся...».

глубоко любящую мужа, а это позволяет развернуть рассказ о сватовстве Алеши, свертываемый или даже выбрасываемый другими сказителями той же школы. Можно предполагать, что на разработку Богдановой этого эпизода оказали влияние другие, параллельно существующие изводы «Добрыни и Алеши». Это не уничтожает значения личного творчества Н. С. Богдановой, тем более что ни одна другая запись полностью с ее текстом не совпадает даже в этом эпизоде. Целиком Богдановой, можно предполагать, принадлежит, например, звучание формулы речи Настасьи:

«Уходи-ка ты, кабацкая подпирина,
Уходи-ка ты, табачная заморина,
Уходи ты со терема высокого,
Уезжай с двора от нас широкого,
Чтобы век ко мне да не подхаживать
И на нашу б палату не засматривать!».

Настойчивый отказ Настасьи выйти замуж за Алешу завершен сватовством князя и княгини, которые отдают ее замуж «не охотою, неволею». Подневольное замужество Настасьи подготавливает ее радость при возвращении Добрыни, изображенную сказительницей в следующей формуле: «Да не тот мой муж...».

Образ верной жены, Настасьи, вполне соответствует образам Добрыни и его матери. Все эти образы одного типа; их характерная черта — любовь. Эта любовь заставляет Добрыню глубоко страдать, когда он слышит приказ Владимира ехать в чисто поле; эта любовь заставляет Настасью упорно ждать мужа даже после положенного срока; эта любовь заставляет мать идти к Владимиру, просить о возвращении Добрыни и, встретив отказ, оплакивать свою долю, ожидая сына, высматривая его в окно. Вставной эпизод разговора матери Добрыни с Владимиром не имеет параллелей в русском эпосе. Н. С. Богданова создала его, завершая им переживания матери при разлуке. Он параллелен эпизоду потери сознания Настасьей, также композиционно завершающему переживания жены. Эти два эпизода, созданные Богдановой, придают зачину, общему для многих сюжетов, самостоятельное значение, отделяют начало былины, звучащее как пролог к повести о любви и верности. «Повесть о Добрыне и его жене» благодаря этому получает в редакции Богдановой отчетливое трехчленное деление: в 1-й части ее — «прологе» — действие разворачивается, связанное с образом Добрыни; во 2-й части описывается жизнь семьи Добрыни в его отсутствие и все сосредоточивается вокруг образа Настасьи; в 3-й части повествование завершается путем объединения действия вокруг образов и Добрыни и Настасьи. Композиция былины была осложнена сказительницей. Такое осложнение стало возможно исключительно потому, что Богданова творчески восприняла былину.

Редакция «Добрыни и Алеши» Н. С. Богдановой, построенная на основе кононовской традиции, не осталась исключительно ей

принадлежащей. Среди записей былили экспедицией 1926 г. имеется интересный текст М. К. Пашовой (район Киж — Конды), явно связанный сюжетно и по образам с вариантом Богдановой³⁷.

Матрена Кузьминична Пашова, крестьянка деревни Обозеро (Озерки), была значительно моложе Богдановой. В момент записи (1926 г.) ей было 49 лет. Жительница недавно еще очень глухой деревни (Обозеро находится в крайнем юго-западном углу Сеногубского острова, в гористом лесу), она, вследствие перенесенных ею несчастий в жизни (муж и старший сын погибли на войне 1914—1918 гг.), особенно остро реагировала на драматические бытовые рассказы. Например, когда она пела «Добрыню и Алешу», она неоднократно всхлипывала, начинала плакать, — это особенно было заметно при исполнении того места былины, в котором говорится, как мать Добрыни его дожидается. Видимо, Пашова ассоциировала свои личные переживания со сказываемой былиной.

Пашова не помнит, от кого, где, когда она переняла свои былины (в ее репертуаре, кроме «Добрыни и Алеши», имеются «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра»). Но все они обнаруживают значительную близость именно к богдановским текстам. Характерно, что в районе Киж только у Богдановой и Пашовой имя героини в былине о двух любовниках приобретает изменение — Салфея. Совпадение имен, разумеется, еще ничего не решает, но, подкрепленное близостью вариаций текстов, приобретает значение подтверждающего документа.

Вариант Пашовой «Добрыни и Алеши» следует тексту Богдановой и в сюжете, и в подробностях, но менее детален, лишая отмеченных вводных эпизодов: просьбы Омелфы Тимофеевны вернуть Добрыню, посылки в поле на разведку Алеши Поповича. Вместе с тем сохраняется ряд существенных моментов: начало с пиром у Владимира и похвальбой Добрыни своей женой, прилет к Добрыне птиц с вестью о замужестве Настасьи, плач матери Добрыни у окна, описание безмерной радости Настасьи. Пашова сохраняла драматическую лиричность текста Богдановой, ослабляя описание переживаний жены, которые так подчеркнуты Н. С. Богдановой, и тем акцентируя близкую лично себе тему тщетного ожидания сына матерью. Отсутствие эпизода с просьбой матери вернуть сына в варианте Пашовой можно объяснить только тем, что он в тексте Богдановой появился весьма недавно (в редакции 1901 г. его еще не было).

Пашова привносила личный момент в свой вариант. Недаром она плакала, когда пела причетъ матери:

Как двенадцать годов село краснo солнышко,
Село солнышко да село красное,
Как сегодня да во ен дѣнецек
Укается да мой светѣл месѣц,

³⁷ Рукопись сборника «Онежские былины». Кнжи. [Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, № 161.]

Я осталаси да в терему одна,
Некому меня кормить да воспитывать,
Обувать моих резвых ноженек!

В варианте Пашовой сохраняются более или менее отчетливо кононовско-богдановские формулы (например, формула узнавания Настасьей Добрыни по игре на гуслиях; «Прежний муж по дрова...»); расправы с Алешей гуслиями и др.).

Но все же вариант Пашовой не может считаться типовым для этой школы. В нем ясны признаки разложения эпического стиля былины, подчинения его балладной форме. Пашова пела «Добрыню и Алешу» так, как многие поют баллады: повторяя каждую строку два раза, причем вариация повторяющейся строки заключалась только в добавлении слов: «да», «да й». Отсутствие вариаций в повторениях свидетельствует об уничтожении импровизационности, характерной для былин даже у исполнителей, а не творцов их, и о стабильности текста, встречаемой в балладах. Пашова, связывая свои переживания с содержанием былин, почти полностью уничтожила эпическую «отстраненность» повествования от исполнителя. Она как бы наложила печать былин-баллад, имевшихся в ее репертуаре, и на «Добрыню и Алешу», отойдя таким образом от традиций эпической поэзии, строго, хотя и своеобразно, хранимой Н. С. Богдановой.

Н. С. Богданова оставалась в пределах эпоса, но с традицией сочетала свое индивидуальное мастерство; не ломая и не видоизменяя былинного стиля, она переосмысляла образы и подчиняла им эпический сюжет. Сюжет ею был разработан как выражение в действии и образах темы любви. Тема любви, как свойства человека, обычная в кононовской школе, привела ее, как одного из крупнейших мастеров народного искусства, к углубленному психологизированному показу героев. Эта тема звучит лейтмотивом в былинах Богдановой. Ее творческой обработке в наибольшей мере подвергаются именно былины о любви и верности. Такова былина о «Добрыне и Алеше», такова же былина о «Чуриле и Катерине». Богданова в отношении «Чурилы и Катерины» явилась мастером, создавшим на основе кононовской традиции свой вариант, и, можно сказать, если не лучший среди известных, то, во всяком случае, один из лучших. Редакция Н. С. Богдановой была воспринята сказителями 20-х годов XX в., получила распространение даже за пределами Заонежья и потеряла значение индивидуального текста. Так, она встречается на Пудожском берегу Онежского озера в репертуаре некоторых сказителей (например, Т. А. Кузькиной и др.³⁸). Проникновение былины Богдановой в Пудогу не случайно, влияние традиции Заонежья на былевой эпос Пудогы—Шалы—Водлозера сказывалось и раньше. В данном случае былина Богдановой, как первоклассный текст, только пополнила число заимствований

³⁸ См.: Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины, № 51. (Ред.)

Полениц призвав к соби
 уда́льных.
 Да увси тогда на пер прибирались,
 Да увси они да на перу да
 разгулялися,
 Они увси ту на пиру да
 угощатьцалися.
 Они вси тут да принапилися.

Царь Соломан и Василий Окулович

Во славноём было да во Нови-городі
 А славный был царь Иван да свет Окульевич,
 А славной похвальной доброй молодець.
 В одну пору, в одно времячко
 А завел он славный да и честен пир,
 Открывал честное нерваньице.
 Он призвав к себи князей да всих бояринов,
 Да полениц и зазвал удалыи.
 А вси на пиру да угощалися,
 А вси на пиру да разгулялися.
 А вси хмельни да напивалися.

Цитированная формула в деталях совпадает в трех былинах Богдановой. В большинстве же случаев формула перерабатывается сказительницей, видоизменяясь в зависимости от рисуемого образа и сюжета. Таковы, например, формулы: предложение невесты (Дунай в «Женитьбе Владимира», Ивашка Поваренин в «Царе Соломане») ⁴⁴, похвалы на пиру (ср. выше мотив Ставра в «Добрыне и Алеше»), возвращения богатырей с пира ⁴⁵,

⁴⁴ *Женитьба Владимира*

Царь Соломан

«Ах вы, ласковый князь наш,
 красно солнышко,
 Я осмелюси тиби да слово
 вымолвить.
 Уж я знал бы тоби да
 супротивную,
 Только далече, далёко за
 синим морем
 Во том ли во царствн во
 неверном,
 У того ли короля да
 Лихоимського
 Да и есть-то дочь Опраксия Мику-
 лишна».

«Ай же ты, наш царь Иван да
 свет Окульевич,
 Я осмелюсь теби да слово
 вымолвить.
 Уж я знаю тебя супротивною:

⁴⁵ Отправлялися с перу да из
 со честного,
 Выходили со терема высокого,

У того у царя Солбмана
 А и есть прекрасная царица
 Соломания».

Отправился со пера он со честного,
 Выходил со терема высокого.
 Со палаты белокаменной.
 И он по лестницам-то шел,
 слезны плачетсы,
 Он к дверям-то богу молится.
 Выходил со того двора широкого.
 Подходил к своему двору
 широкому.

А с того ли со двора со широкого.
 Заходили на свои дворы широкие.

то же самое, что обнаруживается при анализе творчества Т. Г. Рябилина. Но между Богдановой и Рябилиным имеется существенное отличие. Рябилин выбирал из массы былин, известных ему от разных сказителей, немногие, сам составлял свой репертуар, тематически целостный, скрепленный идеей защиты Родины. Богданова же остается в пределах кононовского репертуара, не расширяя и не сужая его, не меняя его характера. В пределах его она углубляет и психологизирует образы, акцентирует отдельные темы, оживляя рукой мастера традиционные сюжеты.

Кононовская традиция в искусстве мастеров-сказителей — Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и других — и в творчестве переосмысливающих текст сказителей типа Н. С. Богдановой-Зиповьевой в своей основе оставалась незыблемой. Сюжеты из частной семейной жизни, темы чувств и переживаний человека продолжали в ней культивироваться в продолжение ряда десятилетий. Военская былина менее привлекала внимания сказителей этой школы, а редкие в их репертуаре богатырские былины кажутся захожими. Индивидуальное творчество сказителей, врываясь в традицию этой школы, не разрушало, а дополняло ее.

Изводы былин Конона с Зяблых Нив, распространяясь во второй половине XIX в., не подвергались в это время (по крайней мере по известным нам записям) творческой переработке. В конце XIX в. разворачивается деятельность плачей и сказительницы Н. С. Богдановой. Она сочетает свое индивидуальное творчество с устойчивой кононовской традицией, и прекрасные образцы народного искусства в ее редакциях воскресают и начинают жить вновь.

Жизнь эпических песен не оканчивается со смертью создателя извода. Сказители-исполнители хранят созданные произведения до прихода в область народного искусства нового избранного мастера, который или углубит старые образы своеобразной трактовкой и новым пониманием их, вдохнет новую жизнь в старые любимые сюжеты, или разрушит традицию и на ее основе создаст свои изводы былин.

СКАЗИТЕЛИ ТОЛВУЯ И ПОВЕНЦА И КОСМОЗЕРСКАЯ ТРАДИЦИЯ БЫЛИН

Разделяя былины на прионежскую (по народной терминологии, заонежскую) и северо-восточную группы, А. Ф. Гильфердинг писал: «Когда я был на том полуострове, который слывет Заонежьем, то слышал, что народ делит его по какому-то старинному преданию на три части: Кижь, Толвую и Шуньгу... Я был удивлен тем, что, хотя между Кижями и Толвуйей нет ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданию граница,— манера у певцов былин в том и другом крае совершенно особенная. В то же время толвуйская манера совершенно сходна с тою, которая замечается на противоположном, северо-восточном берегу Онежского озера, в Повенецком уезде до самого перевала на Масельге»¹.

Различие между былинами кижской и толвуй-повенецкой групп А. Ф. Гильфердинг видел не в сюжетах, не в образах, а во вставных частицах.

Замечания А. Ф. Гильфердинга касательно вставных частиц вполне справедливы. Но указанные им различия в складе былины не влияют на содержание эпоса, и в отношении тематики былин отделить Кижь от Толвуя—Повенца не представляется возможным.

Во время своей экспедиции А. Ф. Гильфердинг в районе Повенца и Толвуя записал 44 былины от 11 сказителей. Большинство сказителей не могут быть причислены к мастерам народного слова. Они лишь с большей или меньшей точностью передавали запомнившиеся былины, не осмысляя их своим творческим замыслом. Сюжетика толвуй-повенецкого побережья достаточно разнообразна: «Вольга и Микула», «Илья и Идолице», «Илья и Соловей», почти все былины о Добрыше, «Васька-пьяница», «Соловей Будимирович», «Михайла Потык», «Дюк», «Братья Ливики», «Чурила и Катерина», «Василий Буслаев», «Ставер», «Хотен Блудович», «Рахта Рагнозерский», «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Иван Грозный и сын», «Кострюк», «Гришка Отрепьев», «Взятие Азова». Перечень сюжетов обнаруживает параллельное существование героических былин и былин-новелл.

Былины в этих районах существовали издавна. Об этом говорят сами сказители, ссылающиеся на местных стариков, на отцов, матерей как на учителей былевого эпоса (см. биографии Анисьи Кузьминичны Фоминой, Марфы Трофимовны Котовой, Настасьи Афанасьевны Поповой, Ивана Артемьевича Гришина, Андрея Ти-

¹ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб., 1873, с. ХХІХ.

мофеева, Тимофея Антонова). По воспоминаниям сказителей, в их местах ранее были знаменитые знатоки былии. Например, в Масьельге Степан Койбин рассказывал, что в их местности был мастер былевого эпоса—крестьянин Андриан Киприн. Но он умер за много лет до приезда в Прионежье А. Ф. Гильфердинга, никому не передав своего знания и своих редакций былии.

Толвуй—Повенец в отношении эпоса не был отграничен от других местностей. Так, явно связаны с традицией Конона с Зяблых Нив былины Федора Александровича Корсакова, крестьянина из деревни Костинной. А. Ф. Гильфердинг в биографических данных о нем сообщает, что он, выучившись портняжному ремеслу, ходил работать по деревням и в это время научился петь былины. Ничего нет удивительного в том, что этот бродячий портной, восприняв чуждую Повенцу традицию, явился в своих местах представителем кононовской школы (ср. его варианты «Добрыни и Алеши», «Кострюка»).

Займствования были и более далекие, чем из близлежащей Конды. Так, например, Петр Прохоров из деревни Черный Наволок из Тамбицы рассказывал Гильфердингу, что старинам он научился у загожих каргополов, бывавших в Заонежье.

Былевой репертуар Толвуя—Повенца складывался из местных и загожих редакций. Но установить на основании записей существовавшие в этих местах школы не представляется возможным. Этому мешает разносюжетность, схематичность, дефектность записанных текстов. Единственным сказителем, давшим полноценные редакции былии, был Петр Лукич Калинин из деревни Горка, от которого Гильфердинг записал 14 былии (из них одну — о Добрыне — сводную). Но считать его традицию исключительно толвуй-повенецкой вряд ли можно хотя бы по внешним, биографическим данным. Калинин, будучи портным, много бродил, перемешивая былевое наследие, полученное от своего отца, слышанным на стороне. Его былины должны быть рассматриваемы особо.

Построение сюжетов рядовыми сказителями Толвуя—Повенца довольно разнообразно. Это становится очевидным при рассмотрении одного и того же сюжета разных сказителей («Добрыня и Алеша» — варианты Ф. А. Корсакова, М. Т. Котовой, И. А. Гришина, А. Тимофеева, Т. Антонова; «Васька-пьяница» — варианты А. К. Фоминой, П. Прохорова; «Чурила и Катерина» — варианты М. Т. Котовой, И. А. Гришина; «Василий Буслаев» — варианты Н. А. Поповой, Т. Антонова; некоторые другие былины, параллельные текстам Калинина, будут рассмотрены ниже).

В вариантах «Добрыни и Алеши» (см. *Приложение № 19*) совпадают только лишь зачин и развязка. Наибольшие разноречия обнаруживаются в эпизоде возвращения Добрыни. Возвращение обосновывается тем, что Добрыня стосковался, что он узнает о замужестве Настасьи от калики или от служанки, обернувшейся птицей; некоторые варианты возвращение Добрыни никак не обосновывают. Варьируется и эпизод встречи Добрыни с матерью:

в варианте Корсакова мать узнает его, в других вариантах Добрыня остается неузнанным. Но даже в тождественных эпизодах сюжета видна несвязанность вариантов между собой, что подчеркивается различием текстов. Характерно в этом отношении начало былины, имеющее, как правило, общие черты устойчивой формулы даже в текстах различных школ. Начальные же строки вариантов, записанных Гильфердингом в Толвуе и Повенце, дают всевозможные зачины: пир у Владимира, упрек матери, пожелание родиться камнем, пожелание родиться с качествами других богатырей и т. д. и т. п.

Столь уже существенны различия в былинах о «Ваське-пьянице». Варианты Фоминой и Прохорова являют собой деформацию типового сюжета, причем между собой они совпадают лишь в общих чертах.

А. К. Фомина

Петр Прохоров

Запев о турах златорогих (сокращен: турица выходит с турятами, расходятся, прощаются; туры идут мимо Киева, видят девицу — стену городовую).

Батыга наступает на Киев. В Киеве богатырей нет.

Васька-пьяница приходит к Батыге и убивает в его войске три лучшие головушки. |

Батыга требует у Владимира убийцу. Караульные указывают Владимиру на Ваську. Ваську-пьяницу приводят к Владимиру. Васька опохмеляется и идет к Батыге.

Васька-пьяница просит у Батыги вина опохмелиться, обещает помочь взять Киев.

Василий пьет вино и побивает силу татарскую. Батыга бежит от Киева. Исход (прибаутка).

Запев о турах златорогих (традиционная разработка с вопросом турят и ответом матушки).

Батыга наступает на Киев. В Кисве богатырей нет.

Васька-пьяница стреляет и убивает три лучшие головушки в войске Батыги.

Васька-пьяница приходит к Батыге, просит опохмелиться и просит 40 000 войска, чтобы взять Киев.

Повторение эпизода.

Повторение эпизода.

Василий пьет вино и побивает силу татарскую. Батыга бежит от Киева.

В обоих вариантах отсутствует рассказ о встрече бояр и князя Владимира с Васильем в кабаке и о просьбе защитить Киев. Фомина этот эпизод заменила доносом караульных на Василия. В ее же варианте искажается эпизод убийства Василием сына, зятя Батыги и дьяка — Прохоров его сохраняет. Повествование об истреблении Батыгова войска, скомканное Фоминой, Прохоров традиционно разрабатывает, зато исход у Прохорова отсутствует.

Все это позволяет сказать, что если и существовал когда-либо в Толвуе — Повенце традиционный тип сюжета «Василий Игнатье-

вич и Батыга», то уже в 1870-х годах его очертания невозможно было определить: настолько дефектны и во многом противоречивы записанные Гильфердингом варианты этой былины. Записи ее могут только констатировать факт наличия в Толвуге — Повенце сюжета, но ни в какой мере не устанавливают типического извода его.

«Чурило и Катерина» и «Василий Буслаевич» подтверждают вывод об отсутствии в Повенце и Толвуге устойчивых изводов былин. Антонов, например, соединяет обе былины о Василии Буслаеве — о бое с новгородцами и о поездке в Иерусалим — в одну былину, приближая свой вариант к тексту Домны Суриковой. Однако у Антонова выпал эпизод собирания Васькой дружины и его прихода незваным-нежданым на пир; поэтому необоснованно звучит рассказ о кулачном бое на мосту. Изменены по сравнению с вариантом Суриковой некоторые образы, например матери Васьки. Она, правда, изображается женщиной, наделенной огромной силой, как и у Суриковой; но все эпизоды, передающие материнскую любовь, в варианте Антонова отсутствуют. Если даже, основываясь на внешнем сюжетном сходстве, предположить связь варианта Антонова с изводом кононовской школы (непосредственную или по связи с каким-либо предшествующим Кононову источником), то и тогда антоновский текст не обнаружит характерных черт местной традиции (тем более что сам по себе он дефектен); и это подчеркивается различиями вариантов Антонова и Поповой. Текст Поповой еще более дефектен, чем Антонова. Сюжет былины скомкан. Он состоит из частей: 1. Молодость Васьки. 2. Выбирание княгини (вместо дружины). 3. Заключение Васьки матерью в погреб. 4. Освобождение его девкой. 5. Бой на мосту. 6. Уговоры матери прекратить бой. Необычна в этой былине речь матери, обращенная к мужикам, пришедшим с просьбой увести Василия с моста и прекратить бой.

«Ай же вы, мужики да новгородскии,
Вы какую же надо мной беду знаете,
А вы как же надо мной надсмехаетесь?
Ради вас я Василия потрѣбила,
Во глубок погреб я Василья бросила,
Пеньем-кблодьем заворбчала,
Белодубовыма дверма перезаперла,
Булатнима замочками перезамкнула»².

Из названных текстов наиболее интересен «Чурило» в передаче Гришина. Это полный вариант, отличающийся от кижских рядом подробностей. Чурило описывается в нем богатырем. Он ездил по чистому полю на коне, в богатырском снаряжении поехал к Киеву «забирать себе дружину на почестен пир». Он заезжает к Пермятину двору и стучится. Девка говорит ему, что хозяин ушел в церковь, Катерина ее бьет по щеке, сама встречает Чурилу и проводит его к себе.

² Гильфердинг, с. 154.

Осложненное начало былины интересно и своеобразием образа Чурилы, и тем, что уже в нем показаны во взаимоотношениях Чурилы — девка — Катерина.

Дальнейшее развертывание сюжета в варианте Гришина приблизительно то же, что в кижских вариантах. Но возвращение Пермята из церкви вносит новые подробности: Пермят все время угрожает девке смертью за ложь, и девка сама показывает ему Чурилины вещи и, наконец, Чурилу. Былина заканчивается смертью Чурилы: Пермят на девке не женится.

Что касается варианта «Чурилы» Котовой, то он представляет собой ничем не мотивированное соединение эпизодов былины о Чуриле с эпизодом приезда молодца к князю Владимиру, причем драматической повествование о возвращении Пермята и его разговора с Катериной вовсе отсутствуют.

Вообще надо сказать, что большинство текстов толвуйских и повенецких сказителей или представляют собой нехудожественную схему, или утеряли важнейшие эпизоды, или не имеют конца — они полузабыты исполнителями. К дефектным текстам относятся, помимо указанных, «Молодость Вольги» (Фомина, № 15; текст обрывается на сне царицы), «Илья Муромец» (Фомина, № 16; сюжет «Ставра», прикрепленный к имени Ильи), «Ставер» (Домна Кононова, № 21; в конце варианта чередуется проза с стихотворными строками), «Илья и Идолище» (Корсаков, № 22, спутаны Идолище и Батыга; в конце былины Илья выступает святом), «Братья-разбойники и сестра» (Котова, № 28; без конца), «Вольга и Микула» (Гришин, № 32; перепутан порядок развития действия); «Дунай» (Гришин, № 34; без конца), «Соловей Будимирович» (Гришин, № 36; без конца).

Преобладание текстов, утеравших художественную значимость, свидетельствует об ослаблении эпической традиции в районе Толвуя и Повенца, если только таковая была там³. На фоне бездарности рядовых толвуй-повенецких сказителей особенно значительным вырисовывается творчество крестьянина из деревни Горки Петра Лукича Калинина.

А. Ф. Гильфердинг его былинами открывал свой сборник. В биографических сведениях о Каливине Гильфердинг писал: «Крестьянин... 43 лет, среднего роста, с черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжий. По ремеслу он портной; мальчиком и молодым человеком он много ходил по деревням в окрестности Шуныги и Толвуи для портняжных работ и при этом привык петь былины, которые частью слышал от стариков в тех местах, частью же перенял у своего отца: последний, по словам Калинина, знал их очень много. Впоследствии Калинин бросил портняжное дело и «стал на крестьянство», с этого времени он реже поет былины и многие из них забыл, в молодости же он знал их столько, что и

³ В настоящее время, по сообщению А. М. Астаховой, в Повенце былины исчезли совсем, в Толвуе — остались жалкие остатки их.

в неделю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидетельствует то, что кроме былин... он знает еще много духовных стихов и предлинных сказок. Калинин поет не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размер и сбиваясь с него только в тех былинах, которые он уже плохо помнит»⁴.

Калинин был известен и П. Н. Рыбникову. Рыбников его приглашал к себе, но тот не только побоялся ехать по вызову, но даже постарался уклониться и от писаря, которому местный исправник поручил записать от Калинина былины. В результате в сборник Рыбникова вошли всего две калининские былины «Михайло Потык» и «Наезд литовцев»⁵. Оба текста, как уже отмечал А. Ф. Гильфердинг, неполноценны, так как писарь записал их в сокращении: базироваться, следовательно, на них невозможно, и представление о творчестве Калинина можно составить только по сборнику Гильфердинга⁶.

Калинин пел 14 былин и исторических песен, по преимуществу с бытовой тематикой: 1. Святогор. 2. Садко, Вольга и Микула. 3. Илья Муромец и Соловей-разбойник. 4. Илья Муромец и Идолице. 5. Добрыня Никитич (сюжеты: Добрыня и Маринка, Добрыня и Змей, Добрыня и Настасья, Добрыня и Алеша). 6. Михайло Потык. 7. Ставер. 8. Смерть Чурилы. 9. Дюк Степанович. 10. Князь Карамышевский. 11. Рахта Рагнозерский. 12. Наезд литовцев. 13. Грозный царь Иван Васильевич (Иван Грозный и сын). 14. Гришка Отрепьев. Среди перечисленных былин до записей экспедиции 1926—1928 гг. был уникален Рахта. Весьма своеобразна былина «Садко, Вольга и Микула» — контаминация двух сюжетов, более не повторяющаяся в сборниках Рыбникова и Гильфердинга. При ближайшем рассмотрении калининские тексты обнаруживают близость с вариантами не толвуй-повенецких сказителей, а сказителей, отнесенных Гильфердингом к Кижам: Абрама Евтихеевича Чукова, по прозванию Бутылка, и Ивана Аникиевича Касьянова.

Чуков, по его свидетельству, перенял былины от своего отца — мастера петь старины. Отец его родился и провел молодость в Кижском крае, в Космозере — в той деревне, где живет Касьянов, и там выучился былинам, восприняв традицию Кижского края. В начале 1830-х годов, когда Абраму Чукову было около 20 лет, его отец со всей своей семьей переселился к Повенцу, в деревню Горку, занеся, видимо, кижскую традицию в Повенецье. Чуков все время поддерживал свои связи с Кижами. Гильфердинг сообщал, что он «в молодости выучился портняжному мастерству и до сих пор ежегодно проводит осень и зиму, странствуя по деревням, чтобы шить крестьянам платье; преимущественно бывает

⁴ Гильфердинг, с. 5.

⁵ Рыбников П. Н. Песни, т. II, № 113, 114.

⁶ Оба сюжета, имеющиеся в сборнике Рыбникова, были записаны и Гильфердингом. См.: Онежские былины, № 6, 12.

в кижском Заонежье; за работой он обыкновенно распевает свои старины. Он, впрочем, ведет и крестьянское хозяйство...»⁷. Космозерская эпическая традиция, воспринятая Чуковым от отца, таким образом, непрерывно поддерживалась связями с Кижами. Вполне естественна и близость его текстов к былинам космозера Касьянова, который воспринял былины от местных стариков — с ними он ездил на рыбную ловлю (Касьянов указывал, что его учителем был по преимуществу некий кривой Иван Трофимов).

Былины Калинина, Чукова и Касьянова образуют отдельную группу в эпическом богатстве, собранном Рыбниковым и Гильфердингом. Их репертуары совпадают в сюжетах: «Илья Муромец и Идолище» (варианты Калинина и Чукова)⁸, «Добрыня и Змей» (Калинин, Чуков, Касьянов)⁹, «Добрыня и Алеша» (Калинин, Касьянов, Чуков)¹⁰, «Михайло Потык» (Калинин, Чуков, Касьянов)¹¹, «Ставер» (Калинин, Чуков)¹², «Дюк Степанович» (Калинин, Чуков, Касьянов)¹³, «Грозный царь Иван Васильевич» (Калинин, Чуков)¹⁴, «Земский собор» (Чуков, Касьянов)¹⁵, «Молодец и королевична» (Чуков, Касьянов)¹⁶.

Помимо этих, общих для указанных трех сказителей сюжетов, в их репертуарах были некоторые (иногда уникальные) былины, донесенные до нас кем-нибудь одним из представителей космозерской школы. Таковы в репертуаре П. Я. Калинина: «Святогор», «Илья Муромец и Соловей», «Садко», «Вольга и Микула» (ср. «Вольгу» Касьянова), «Чурила и Катерина», «Князь Карамышевский», «Рахта Рагнозерский», «Наезд литовцев», «Гришка Отрепьев»¹⁷; в репертуаре А. Е. Чукова: «Женитьба Владимира», «Алеша и Тугарин», «Царь Соломон и купец темный», «Нерассказанный сон», «Царство подсолнечное», «Братья-разбойники и сестра»¹⁸; в репертуаре И. А. Касьянова: «Вольга и Микула», «Взятие Казани»¹⁹.

⁷ Гильфердинг, с. 743.

⁸ Рыбников, т. I, № 24, с. 146—147; Гильфердинг, № 4, с. 22—24.

⁹ Гильфердинг, № 5, с. 29—39; № 148, с. 744—750 (ср.: Рыбников, т. I, № 25, с. 147—156; № 25 bis, с. 156—162); № 157, с. 799—811.

¹⁰ Гильфердинг, № 5, с. 39—47; № 149, с. 751—759 (ср.: Рыбников, т. I, № 26, с. 162—172); № 157, с. 799—811.

¹¹ Гильфердинг, № 6, с. 47—66 (ср.: Рыбников, т. II, № 113, с. 59—69); № 150, с. 759—766 (ср.: Рыбников, т. I, № 28, с. 173—182; № 28, bis, с. 182—189); № 158, с. 811—817.

¹² Гильфердинг, № 7, с. 67—74; № 151, с. 766—775 (ср.: Рыбников, т. I, № 30, с. 202—212).

¹³ Гильфердинг, № 9, с. 78—90; № 152, с. 775—784 (ср.: Рыбников, т. I, № 29, с. 189—202).

¹⁴ Гильфердинг, № 13, с. 104—110; № 153, с. 784—789 (ср.: Рыбников, т. I, № 31, с. 212—218).

¹⁵ Гильфердинг, № 154, с. 789—791 (ср.: Рыбников, т. I, № 32, с. 218—220; № 32 bis, с. 221—222); № 161, с. 827—829.

¹⁶ Гильфердинг, № 155, с. 791—794 (ср.: Рыбников, т. I, № 33, с. 223—227; № 33 bis, с. 227—230); № 162, с. 829—831.

¹⁷ Гильфердинг, № 1, 2, 3, 8, 10, 11, 12, 14.

¹⁸ Рыбников, т. I, № 23, 27, 34, 35, 36.

¹⁹ Гильфердинг, № 156, 160.

Установить, насколько типичны вариации только что перечисленных индивидуальных былин для космозерской школы, не представляется возможным. Во-первых, это единичные варианты, во-вторых, часть былин — переработки сказок (см. у Чукова) и, может быть, всецело личное творчество. Предположительно, разумеется, можно отнести и единичные варианты Калинина, Чукова, Касьянова к школе Космозера, но утверждать это несколько рискованно. Но даже при наличии сомнений в принадлежности указанных былин Космозеру бросается в глаза, что несколько сюжетов ни у кого, кроме как у космозерцев, не встречаются. Таковы былины-сказки Чукова, стоящие особняком былины «Женитьба Владимира»²⁰, «Князь Карамышевский», своеобразная контаминация былин «Садко» и «Вольга и Микула», наконец, «Рахта Рагнозерский» — былина, повторные записи которой были сделаны только в 1928 г. и по преимуществу на самом Рагнозере.

Самый перечень былинных сюжетов (сказанное о единичных вариантах и совпадения в репертуаре) заставляет искать космозерские изводы былин. К сожалению, собиратели не получили данных о создателях космозерских изводов: ни Рыбников, ни Гильфердинг не установили традиции Космозера по воспоминаниям современных им сказителей. Имена создателей космозерской школы оказались забытыми; начальные моменты создавшейся традиции потерялись. Нам приходится оперировать непосредственно с текстами, записанными Рыбниковым и Гильфердингом, без попыток возвести их хотя бы к середине XVIII в. Между тем художественное наследие космозерской школы значительно и влияние ее было настолько мощным, что она подчиняла себе соседние, менее яркие проявления былевого эпического искусства. Это показательно в отношении творчества лучшего сказителя Повенца — Петра Лукича Калинина: например, две былины из его репертуара — «Илья и Идолище» и «Михайло Потык» — несут отчетливый отпечаток эпической традиции Космозера.

Былина «Илья и Идолище» была записана на Повенецком побережье Гильфердингом от двух сказителей Калинина и Корсакова. По своим сюжетным очертаниям оба варианта во многом совпадают.

Корсаков (деревня Костина)

Калинин (деревня Горка)

(Начало былины представляет смешение с былиной о Батыге-Идолище).

Одолище подступает к Киеву.

Идолище подступает к Киеву.

Богатырей в Киеве не случилось.

²⁰ Владимир хочет жениться и посылает сватами братьев Федора и Василия. Они сватают для Владимира дочь литовского короля Настасью. Король не хочет ее отдавать. Настасья предлагает сватам законать короля в землю, чтобы король «образумился». Король, подслушав слова дочери, велит сватам ее взять. Сваты привозят Настасью к Владимиру. Владимир заводит пир.

Илья надевает одежду старика.

Илья приходит в Киев к Владимиру и Одолищу. Разговор с Одолищем. Одолище мечет в Илью ножом. Илья убивает Одолище своей шляпой и побивает силу татарскую. Илья отправляется сватать невесту для Иванушки могучего ²¹.

Былина «Илья и Идолище» была записана также от Чукова ²³. Его вариант неполноценен в художественном отношении. Это отрывок, потерявший много мотивов. Он начинается со встречи Ильи с старщиком-пилигримом и переодевания Ильи в каличьеплатье. Далее следует мольба Ильи о дожде (эпизод, заимствованный из «Алеси и Тугарина», былины, имевшейся в репертуаре Чукова). Описание приезда в Киев отсутствует: встреча Ильи с Идолищем происходит в поле. Она описана традиционно: метание в Илью палицы (вместо ножища-кинжалища) и смерть Идолища от удара клюкой.

Сюжет былины в варианте Чукова был явно деформирован уже в начале 1860-х годов, когда ее записывал Рыбников. Гильфердинг «Илью и Идолища» от Чукова уже не записал. Калинин сохранил в своем репертуаре более полную редакцию повенецких сказителей, внося вместе с тем подробности, характеризующие вариант Чукова (эпизод расправы с Идолищем). В отношении словесного оформления сюжета тоже видна зависимость варианта Калинина от текста Чукова. Заимствуемые выражения и обороты он, однако, не оставляет нетронутыми, он превращает одну строку в две-три, внося дополнения, детализируя, объясняя. Это обнаруживается при сопоставлении эпизодов встреч Ильи и пилигрима и Ильи и Идолища.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ

Калинин

Чуков

Тут поехал Илья Муромец
в чистó поле
А под-тую было силу под
татарскую,
Попадает ему старец пилигримищю,
Пилигримищю да тут могучий
Иванищю,
Говорит ему козак да Илья
Муромец

Ехал Илья Муромец по чисту полю,
Наехал-то старчища пилигримища
И сам говорит таковы слова:

²¹ Гильфердинг, № 22, с. 129.

²² Гильфердинг, № 4, с. 22.

²³ Рыбников, т. I, № 24, с. 146.

«Ай же ты, Иванищо могучее!
Дай-ко мне-ка платицев нунь
старческих,
Да лаптев же мне-ка нуньчу
старческих,
Своей шляпы нунь же мне-ка ва
да старческой,
Да й клюки же мне-ка сорок
пудов,—
Не узнал бы нунь татарин да поганыи,
Что меня же нунь казака, Ильи
Муромца».

.....
«С чести ти не дать, так возьмешь
не с чести».

.....
А взглянул было татарин во
окошечко.

Сам татарин испроговорит,
Говорит же тут татарин да поганыи:

«А по платицам да йде старчище.

По походе так Илья Муромец».

«Ай же ты, старчище пилигримище
Дай-ко ты мне своих платьев
старческих

Дай-ко мне клюху сорока пудов;

Добром буде не дашь, силом возьму».

.....
Опустилось Идолище на сыру землю.

И поехало по чисту полю,
И увидело старчища пилигримища

.....
И говорит Идолище таковы слова:

«Как по платицу — старчище-
пилигримище,
А по походочке быть старому казаку
Илью Муромцу,
Хоть кто хошь тут быдь, а жива
не спущу!»

.....

Отчетливые совпадения вариантов Калинина и Чукова подчеркиваются полным отсутствием текстуальной близости вариантов Калинина и Корсакова. Отход Калинина от традиции Повенца наблюдается и в отношении былины «Михайло Потык», значительно лучше сохраненной сказителем.

Чуковский и касьяновский варианты «Михайло Потыка»²⁴ очень близки друг другу и по характеру развертывания сюжета, и по самому тексту. Специфической особенностью является отсутствие в их вариантах змеборчества. Сюжет в обоих вариантах развертывается одинаково:

1. Пир у Владимира. Владимир посылает Илью, Добрыню и Михайлу Потыка в разные стороны за данью. Богатыри привозят дани Владимиру.

2. Царь Бухарь заморский требует дани у Владимира. Михайла Потык едет к нему без дани.

3. Михайла и Бухарь играют в «шашечки». Бухарь проигрывает полцарства.

²⁴ Чуков — Рыбников, т. I, № 28; Гильфердинг, № 150; Касьянов — Рыбников, т. II, № 113; Гильфердинг, № 6.

4. Илья (Добрыня) приезжает к Михайле и сообщает ему, что его жена, Марья Лебедь Белая, уехала с политовским королем.

5. Михайла едет за женой. Марья Лебедь Белая опаивает Михайлу и превращает в камень.

6. Богатыри идут за Михайлой. К ним присоединяется калика (Николай чудотворец). Калика оживляет Михайлу.

7. Михайла едет за женой. Марья Лебедь Белая опаивает Михайлу и распинает его.

8. Настасья-королевична влюбляется в Михайлу и освобождает его.

9. Михайла едет к жене. Марья Лебедь Белая хочет его опить, Настасья окликает Михайлу, он срубает жене голову и берет за муж Настасью.

Вариант П. Л. Калиница во многом совпадает с изложенным сюжетом, но его детализирует Калинин: например, подробно описывает, как Михайла Потык собирает дани; попутно сказитель вводит эпизод встречи Потыка с Марьей Лебедью Белой; эпизод завершен женитьбой Михайлы и Марьи и их взаимной клятвой идти друг за другом в землю, когда кто-либо из них умрет.

Эпизод требований даней с Владимира царем Бухарем увеличен в количестве стихов, но существенных разночтений не имеет. Некоторые подробности вносит разработка Калининским мотива игры в шашки, но это не изменяет существа былины.

Четвертый эпизод начинается, как и у Чукова—Касьянова, приездом богатыря (Добрыни), сообщающего, что Марья умерла. В классическом варианте Никифора Прохорова (Утицы) из Пудожья вести Михайле приносят не богатыри, как у Калинина, Чукова, Касьянова, а птицы. Также вестником является птица и в толвуйском варианте Петра Прохорова.

Следуя космозерской традиции в описании прихода плохих вестей к Михайле, Калинин отступал от нее в изложении содержания вести. В его варианте богатырь сообщает Михайле не об измене его жены, а об ее смерти. Такое изменение разработки объясняется сохранением сюжетной основы толвуй-повенецких вариантов. Они, как и варианты Пудоги, Каргопольщины и других мест, включали рассказ о змеборчестве. Описание встречи Михайлы под землей со змеей родственно варианту Утицы; оно сильно сокращено, лишено традиционных повторов избения змеи, как бы схематизировано.

Эпизод превращения Михайлы в камень и прихода калик в вариантах Калинина, Касьянова, Чукова довольно близки. Но у Калинина возвращение Михайле человеческого образа завершается наказом калики построить в Киеве церкви — аналогичный наказ встречается в толвуйском варианте Петра Прохорова.

Основные линии трех последних эпизодов (распятие Михайлы, его освобождение, смерть Марьи и женитьба на Настасье) совпадают в толвуй-повенецких вариантах и вариантах Чукова, Касьянова. Но толвуй-повенецкие сказители вносили некоторые

специфические детали. Они изображали Настасью-королевичну дочерью короля политовского, увезшего Марью, а не сестрой его, как в большинстве других вариантов былины (ср. у Утицы). Изображение расправы с Марьей осложняется стремлением Михайлы убить и короля, соблаздившего его жену. Жизнь королю сохраняет его дочь — Настасья, которая просит не убивать «батюшку».

Все эти черты толвуй-повенецких вариантов сохраняются Калипиним. Особенно в конце былины, где он отступает от космозерского извода, своеобразно воскрешая местный. По местной же традиции его вариант завершается строением церквей в Киеве, выполнением наказания Миколы-угодника.

Достоинственные связи варианта Калинина обнаруживаются не только при разборе сюжета, но и при сличении текста. Частью калипинский текст Михайла Потыка совпадает с текстами Касьянова и Чукова, частью же он отделяется от него так, что сопоставление становится невозможным. Отдаляясь от космозерского извода, Калинин воспроизводил местную редакцию былины, углубляя и совершенствуя ее. Сопоставление эпизодов рассылания богатырей, состязания с королем и расправы с Марьей Лебедью Белой обнаруживает и в отношении текста промежуточность калипинского варианта в отношении Толвуя и Космозера. Первые два эпизода несомненно близки космозерским сказителям; третий — толвуйским (см. *Приложения № 20, 21*).

Калинин

Чуков, Касьянов

I. Дюк просит у матери благословения ехать в Киев. Мать его отпускает с предупреждениями о заставках на дороге, о том, чтобы он не хвастался в Киеве. II. Дюк приходит к князю Владимиру; от него идет в церковь, марает сапожки, сопоставляет Киев и Индию. III. Чурила вызывает Дюка «щипать» 3 года и 3 дня. От обедни Дюк приходит на хлеб-соль к кн. Владимиру, не ест калачей, сопоставляет Киев и Индию (печенье калачей). IV. Дюк посылает Бурушку к своей матери. V. Чурила и Дюк щипят.	I. Дюк просит у матери благословения ехать в Киев. Мать его отпускает с предупреждениями о заставке на дороге, о том, чтобы он не хвастался в Киеве. II. Дюк приходит к князю Владимиру; от него идет в церковь, марает сапожки, сопоставляет Киев и Индию. III. Дюк приходит к кн. Владимиру на хлеб-соль, не ест калачей, сопоставляет Киев и Индию (печенье калачей). Владимир предлагает Дюку с Чурилой «щипать» 3 года и 3 дня. IV. Дюк посылает Бурушку к своей матери. Она посылает с конем цветные платья. V. Чурила и Дюк щипят. Дюк побеждает, и кн. Владимир предлагает Дюку и Чуриле

скакать через Пучай-реку. Дюк побеждает. Чурила остается жив по просьбе Владимира.

- VI. Богатыри Илья, Добрыня, Михайло, Потык едут оценивать имущество Дюка; принимают дюковых коровниц, портомойниц, горничных за мать Дюка.
- VII. Послы-оценщики находят мать Дюка; она их кормит и поит допьяна.
- VIII. Послы-оценщики оценивают сбрую и понимают, что им не оценить Дюково именье.
- IX. Дюк и Чурила щанят. Дюк побеждает. Дюк вызывает Чурилу скакать через Пучай-реку и побеждает. Чурила остается жив по просьбе Владимира.
- VI. Богатыри едут оценивать имущество Дюка; принимают портомойниц и калашниц за мать Дюка.
- VII. Послы-оценщики находят мать Дюка; она их кормит и поит допьяна.
- VIII. Послы-оценщики оценивают сбруи и понимают, что им не оценить Дюково именье.
- IX.

Сопоставление вариантов обнаруживает перестановку частей сюжета. Чуков и Касьянов предпосылают спор Чурилы и Дюка повествованию об описи его имущества. Калинин «спором» заключает былинку. Но, видимо, испытывая влияние космозерской традиции, элементы «спора» выносит вперед, до поездки богатырей в Индию (см. по варианту Калинина эпизоды III, IV, V). Расходясь в расположении эпизодов, Калинин и космозерцы совпадают в целом ряде других особенностей композиции, в пропуске эпизода заключения Дюка в тюрьму, в удвоении прихода Дюка к князю Владимиру (первый раз тотчас же по приезде в Киев, второй — после обедни), в описании угощения послов матерью Дюка, в предметах, которые описывают оценщики (лошадиная сбруя; ср. в других текстах башмак с ноги матери Дюка и т. д.), в заступничестве за Чурилу (кн. Владимира, в других вариантах заступником выступает Илья, народ-люди и т. д.). При параллельном чтении вариантов «Дюка» Калипина и космозерцев также создается ощущение близости текстов (особенно при описании нарядов Дюка и Чурилы — ср. диалог Дюка и Владимира, Дюка и владыки черниговского; в этом месте встречаются текстуальные совпадения). Вместе с тем детальное сопоставление текста обнаруживает значительную близость вариантов Касьянова и Чукова и свободное варьирование космозерского извода Калипиным. Для сопоставления, характеризующего текстовое соответствие всех трех вариантов, выборочно берется первая похвальба Дюка и описание Индии богатой (см. Приложение № 22).

Первая похвальба Дюка в варианте Калипина сохраняет один основной для нее образ — посыпанных песком и устланных сукном улиц Индии-Карелы; другие два варианта прибавляют к

этому еще описание церквей. Аналогичное осложнение встречается и во втором сопоставляемом отрывке былины (и это свидетельствует об устойчивости текстов каждого сказителя). Также отсутствует в калининском варианте речь матери о продаже Киева и Чершигова на бумагу и чернила, в вариантах Касьянова и Чукова речь имеет характер устойчивой формулы. Помимо указанных отклонений текстов, есть и другие, более мелкие, менее существенные. Калинин варьировал известный ему космозерский извод Дюка, видимо, как и в случае с «Потыком», сочетая его с местной традицией, но ни в какой мере не следуя ему точно.

Текстовая и сюжетная «двойственность» калининских вариантов «Михайлы Потыка», «Дюка Степановича» не соответствует ясной близости других былин этого сказителя текстам космозерской школы. Как и в отношении «Ильи и Идолица», отход от космозерской традиции в «Дюке» и «Потыке» может быть объяснен только как следствие осознания сказителем дефектности сюжета, занесенного с Космозера, необоснованной перестановки мотивов, его неполноты, обнаруживающейся при сличении вариантов Космозера, Толвуя и других мест, где Калинин бывал бродячим портным. Требовательный вкус сказителя, осознанное отношение к исполняемым вещам, конечно, должны были при этом играть немаловажную роль. Судя по вариантам былин Калинина, его можно характеризовать как мастера эпического творчества, обладающего значительным художественным вкусом, отбирающим пришедшие по душе варианты былины, в ряде случаев осложняющего и поднимающего их своим искусством. Почти нетронутыми он оставлял только варианты со стройной, завершенной формой в исполнении других сказителей, от которых их приходилось слышать. Таков, например, «Ставер Гоудинович», записанный от Чукова и Калинина. Оба варианта точно строятся по одному и тому же плану.

1. Пир у кн. Владимира. Ставер хвалится женой. Его сажают в тюрьму.

2. Василиса узнает о заключении мужа, собирает дружинку, переодевается в мужское платье и едет к Владимиру сватать его дочь.

3. Владимир испытывает Василису баней, постелью, стрельбой в кольцо, борьбой.

4. Василий устраивает свадьбу дочери и Василисы. По просьбе Василисы на пир из тюрьмы приводят Ставра гусяром.

5. Василиса разговаривает со Ставром, едет с ним в поле, переодевается в женское платье. Ставер узнает жену и предлагает уехать, не возвращаясь в Киев. Василиса настаивает на возвращении в Киев. Ставер и Василиса возвращаются в Киев, Василиса стыдит Владимира.

Указанный план сюжета имеет отличительные черты. Помимо совпадаемого в обоих вариантах подбора испытаний жениха, обычно варьируемых, Ставер выступает на свадебном пиру гусяром (в других вариантах он играет в шашки-шахматы, состязает-

ся в поединке). Характерная особенность также — требование Василисы вернуться в Киев.

Последовательность развития сюжета в чуковском и калининском вариантах «Ставра» весьма четкая; нет ни одного лишнего мотива, который бы загромохнул действие, уводил бы внимание слушателя былины в сторону от основной линии сюжета. Описание пира и заключение «Ставра» звучит как завязка действия. Все дальнейшее повествование служит оправданию похвалыбы женой; эпизоды основной части былины расположены в порядке их увеличивающего значения. Это особенно ясно в эпизоде испытаний: баня и постель не требуют выявления ловкости и силы Василисы, они показывают ее сметку и ум, но в стрельбе обнаруживают ловкость; в борьбе — ловкость и силу. Победа в испытаниях приводит к свадьбе, а свадьба обеспечивает освобождение Ставра и узнавание им жены. Требование же Василисы вернуться в Киев, чтобы окончательно посрамить Владимира, логически завершает сюжет и соответствует завязке действия.

Стройная сюжетная форма сочеталась с четко выработанным текстом. Варьирование текста было стеснено обилием устойчивых мест (похвальба, вызов Василисы, диалог Владимира и дочери и т. д.). Вместе с тем в этих вариантах пропорции устойчивых и переходных мест не были нарушены. В результате всего сказанного космозерский извод «Ставра», отлитый в совершенную форму, был воспринят Калининским целостно, без существенных изменений. Это был полноценный текст, по своим художественным достоинствам далеко превосходящий изводы «Ильи и Идолица», «Михайло Потыка» и «Дюка», и Калинин его сохранил, можно сказать, в начальном виде. Калинин допускал лишь некоторую детализацию отдельных эпизодов (например, разговора Василисы и Ставра в поле), оттеняющую созданные ранее картины, но не видоизменял их. Работа Калинина над текстом «Ставра» не была работой реконструктора (как было в отношении некоторых других былин), а работой редактора, внимательно следующего мысли, развиваемой в народном произведении. Близость вариантов Чукова и Калинина отчетливо показывает незначительность индивидуального вмешательства сказителя космозерской школы в этот текст (см. Приложение № 23).

На Космозере было создано несколько таких совершенных, как «Ставер», текстов. Они существовали в четких редакциях и, видимо, вполне удовлетворяя требованиям сказителей, соответствуя их вкусам, сохранялись даже творчески одаренными мастерами без значительных изменений. Изменения в созданном тексте, разумеется, могли появиться, как только сказитель находил несоответствие устойчивого текста идейной направленности произведения, несоответствие созданных образов своему творческому методу. Это, в частности, происходило со многими былинами, включавшимися в репертуар Т. Г. Рябишина, Н. С. Богдановой-Зиновьевой. Но это не случалось, когда индивидуальные особенности мастера фольклора не расходились с получаемым наследием. Соз-

давая свои былины, Т. Г. Рябинин подчинял сюжеты личному замыслу. Переработка сюжета «Молодца и королевичны» в былине о «Худой жене» была, как мы видели, обусловлена общей направленностью творчества сказителя и привела к уничтожению в былине элемента авантюры. Космозерцы создали текст, противоположный рябининскому, исключив тему неудачной женитьбы и подчеркнув элементы авантюры. Космозерская редакция у ряда сказителей приобрела такие же устойчивые формы, как у других рябининская. Насколько устойчив космозерский извод «Молодца и королевичны», показывает сопоставление вариантов былин, записанных от Чукова и Касьянова (см. Приложение № 24).

Калинин не пел этой былины; но, если бы он воспринял былину о «Молодце и королевичне», он, вероятно, сохранил бы ее, как и «Ставра», не изменяя сюжета и текста. Увлекательная авантюриность вообще характерна для многих былин космозерской школы; она была типична и для репертуара Калинина — недаром он ее подчеркнул, реконструируя «Михайла Потыка». Авантюра в произведениях Чукова, Касьянова, Калинина нередко отодвигает на второй план бытопись, описание личных переживаний. Это обнаруживается и в сюжетном построении «Молодца и королевичны». Рассказ о худой жене и связанный с ним показ индивидуальных переживаний героя в космозерской редакции отсутствует. Он заменен запевом о солдатской государевой службе, заимствованным из лирических песен. Былина начинается с бегства доброго молодца в чужую землю и показывает его приключения там. Центральной частью былины является эпизод гульбы молодца в кабаке и его похвалыбы. За ними следует развязка: осуждение на казнь и спасение молодца королевичной. Возвращения домой, встречи с женой и детьми космозерская редакция былины не дает.

Как сказано, редакция космозерцев противоположна рябининской. Между ними есть промежуточная, записанная в районе Киж (Богданова-Зиповьева), Выгозера (Захаров), Кенозера (Кропачев) и других местах. Промежуточная редакция соединяет тему худой жены и связи молодца с королевичной. Ее широкое распространение, обнаружение в далеко отстоящих друг от друга местах, позволяет предполагать, что именно промежуточная редакция была основной, как бы первоисточником для созданных в пределах отдельных школ сказителей двух былин, вполне самостоятельных в сюжетном отношении: «Молодец и худая жена», «Молодец и королевична». Индивидуальное творчество, обусловливаемое реальной действительностью, было самостоятельным и порождало не только вариации сюжета, но и отграничиваемые друг от друга, вполне самостоятельные тексты. И эти вновь рожденные вариации и самостоятельные тексты во многих случаях приобретали устойчивые формы и сохранялись в устах поколений.

Весьма интересны в этом отношении былины о Добрыне. Из известных сюжетов о нем сказителями были выбраны наиболее романтические и приключенческие: «Добрыня и Маринка» — тема встречи с женщиной-колдуньей, «Добрыня и Настасья» —

тема сватовства, «Добрыня и Алеша» — тема верной жены, «Добрыня и Змей» — тема освобождения девушки. У сказителей космозерской школы в отношении былины существовало отчетливо выраженное стремление к циклизации их, к созданию свода. Калинин, например, пел все былины вместе, объединяя их в одну эпопею, хотя и говорил, что эта былина «обыкновенно поется в трех частях, которые составляют каждая отдельную былинку»²⁵. А. Ф. Гильфердинг напечатал вариант Калинина как одну былинку, но отметил части, отделяющиеся одна от другой: 1) Добрыня и Маринка, 2) Добрыня и Змей, встреча Добрыни с Настасьей-поленицей и женитьба на ней, 3) Добрыня и Алеша. Тенденция к объединению «частей былины» воедино наблюдается и у других «космозерцев». Касьянов на Космозере, как и Калинин, соединял сюжеты «Добрыня и Змей», «Добрыня и Настасья», «Добрыня и Алеша» в единое повествование. Чуков пел вместе «Добрыню и Змея» и «Добрыню и Настасью», но отделял «Добрыню и Алешу».

Видимо, на Космозере существовало стремление создать эпопею на основе отдельных разрозненных сюжетов. Это было тем легче, что все космозерские тексты былины о Добрыне приобрели устойчивое словесное оформление. Расхождения в текстах имели характер вариаций, но не были отступлениями сказителя от основы былины (см. *Приложения № 25, 26*). Сказанное относится ко всем сюжетам, за исключением «Добрыни и Маринки»: сопоставление этой былины невозможно, так как она записана только от Калинина.

Близко совпадая в текстовом отношении, варианты Калинина, Чукова и Касьянова имеют одни и те же специфические черты, выделяющие их варианты среди других. Помимо характерного соединения сюжетов, былины имеют общие детали: дважды проводимый бой со Змеей (в ряде вариантов второй бой заменен добровольным возвращением Змеей Настасьи); развертывание второго боя с показом обессиливания Добрыни и повеления ему биться еще три часа. Описание смерти Змеи высокохудожественно, дает яркую, запоминающуюся картину (ср. реку крови, заливающую долину).

Своеобразной особенностью является встреча Добрыни с Алешей в момент, когда Добрыня видит следы копыт богатырской лошади. Этот эпизод встречи с Алешей сопровождается наказом отвезти освобожденную Забаву в Киев. Углубляя космозерскую традицию, Калинин вводит в этом месте характеристику Алеши, как бы предваряющую все, что говорится о нем в «Добрыне и Алеше». В разработке сюжета «Добрыни и Алеши» менее ощущается обособленность космозерской традиции. Но и в ней есть своеобразные, только ей присущие черты, как предупреждение Добрыни конем о свадьбе Настасьи (см. выше, например, в толвуй-повенецких вариантах: Добрыню предупреждает птица, калика, народ-люди

²⁵ Гильфердинг, примеч. на с. 25.

и т. д.), как мотивировка наказания Алеши тем, что его ложь заставила мать Добрыни плакать и т. д.

Космозерский извод былин о Добрыне, объединяя разные сюжеты, дает длительное повествование о приключениях и подвигах героя; при этом углубленного показа психологических переживаний нет, сказители не стремятся обрисовать внутренний мир героя, констатируя факт, описывая поведение персонажей в их внешнем проявлении. Это делается особенно очевидно при сопоставлении, например, калининского и богдановского вариантов. Богданова, обрисовывая внутренний мир героев, создавала образы, и они определяли развитие сюжета. Ставя в центр былины о Добрыне и Алеше образ верной жены, Настасьи, она подробно, зрительно ощутимо рассказывала о ее прощании с Добрыней. Развернутому описанию Богдановой в тексте Калинина соответствуют две строки:

Тут простилася да воротилася,
А домой пошла, сама заплакала ²⁶.

Так же кратко и обобщенно рисуются переживания других героев ²⁷. Говоря о переживаниях героя, «космозерцы» указывали, как он поступает, как он идет, — они говорили о внешних проявлениях переживаемого; но вопрос «что», самая глубина чувствуемого, оставалась в стороне от их изображений. Они не проникали в глубь образа, не стремились психологизировать героев. И в результате этого подчеркивалась сюжетика, происшествие как таковое выступало на первый план. Былины о Добрыне, в которых контаминация дает запутанность сюжета, сложность приключений героя, позволяют ощутить все это в еще большей мере, чем в «Ставре». Создается как бы устное подобие авантюрной повести, художественно, мастерски разработанное сказителем. И это является основной чертой, отличающей традицию космозерской школы от героических былин школы елустафьевско-рябининской и былин с бытовыми углубленными психологическими характеристиками героев сказителей кононовской школы.

Именно эта особенность былин Космозера (и Калинина, в частности) заставляет деформированные тексты «Михайла Потыка» и «Дюка» реконструировать прежде всего в отношении сюжета, в отношении упорядочения развития действия. Все остальные

²⁶ *Гильфердинг*, с. 41.

²⁷ Ср., например:

Рассердился тут Добрыня сын Никитинич,
Как приправил коня доброго... (с. 42)
А честна вдова Офимья Александровна
Она взяла по палатам-то похаживать,
Своим женским тут гблоском поваживать... (с. 43)
Тут солнышко Владимир стольне-киевский
Он повесил буйну голову... (с. 46)
Тут выходит да Олешенька Левонтьевич
З-за тихих столов белодубовых,
Пал же тут Добрыне во резвы ноги (с. 46 и т. д.)

отличия космозерской школы от других, смежных с ней, — лишь добавления к указанной черте, добавления, оттеняющие разницу текстов школ.

Совершенное владение формой эпической стихотворной поэзии и увлеченность авантюризмом повествований приводит сказителей космозерской традиции к попыткам вовлечения сказочных сюжетов в былевой эпос. В этом направлении творили и Чуков, и Калинин.

Еще в 1928 г. сказители Рагнозера свидетельствовали, что предание о Рахте Рагнозерском рассказывается, а не поется. Но былину о Рахте мы находим в репертуаре Калинина. Интересно отметить, что для былинной обработки Калинин берет как раз авантурную часть предания (поездку Рахты в Москву, кулачный бой и возвращение), элементы же новеллы (тема Самсона и Далилы — неверной жены), требующие углубленной психологизации, оставляются в стороне.

Также и чуковские сказки-былины «Нерассказанный сон» и «Подсолнечное царство» могут быть охарактеризованы как произведения с подчеркнутыми элементами авантюры. Ср. тему Иосифа Прекрасного и разгадывания снов, замену нечистой силы разбойниками, делящими чудесные предметы, приключения, связанные с трудными заданиями, выполняемыми героем вместо царя, или же сюжет деревянного орла и связи героя с царевной, заключенной в неприступную башню, и последующую историю царского сына²⁸.

Волшебная сказка бралась Чуковым в плане приключенческом и, оформляясь в былину, превращалась в стихотворную авантурную повесть. Космозерская традиция определяла и характер переработок сказок в былины.

Стиль «космозерцев» распространяется не только на былины, но и на исторические песни. Так же, как сказители других школ, космозерцы не различали былины и исторические песни. Примером такой песни может быть «Грозный царь Иван Васильевич», имевшаяся в репертуарах Калинина и Чукова. Сюжетно песня слагается из нескольких эпизодов, быстро сменяющих друг друга, что создает ощущение напряженной динамики действия. Цепь событий такова: пир — неожиданное обвинение царевича в измене — приказ Грозного казнить царевича — царица узнает о казни и сообщает о ней Никите Романову — Никита Романов убивает Малюту и спасает царевича — Никита Романов возвращает царевича раскаивающемуся Грозному царю.

Вся эта масса событий по песне происходит в течение одного-двух дней, и принцип единства времени, выдержанный в песне, сообщает ей особую остроту. Устойчивость сюжета в деталях подтверждается текстуальными совпадениями вариантов Чукова и Калинина.

²⁸ Андреев И. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. М., 1929, № 575, 673).

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Калинин

Чуков

а) Похвальба Грозного на пиру

«Я повывел тут измену из Казань-града,
Я повывел тут измену из Рязань-града,
Я повывел-то изменушку изб Пскова,
А й повынес я царенья из Царя-града,
А царя-то Перфила я под меч склонил,
У царицы-то Елены голову срубил,
Царскую перфила на себя одел,
Царский костыль да себи в руки взял.
Я повывел нуль измену с новгородчины,
Я повыведу измену с каменной Москвы».

«Есть и мне, царю, теперь похвастати:
Я повынес-то царенья из Царя-града,
Царскую перфиру на себя надел,
Царский костыль я себе в руки взял,
И повыведу измену с каменной Москвы».

б) Приказ Грозного казнить сына

Мутное его око помутилось,
Его царско сердце разгорелось:
«Ай же, палачи, вы немилосливы!
Вы возьмите-тко нуль Федора Иванова
За тый за рученьки за белыя,
За тый перстни да за злаченыя,
Вы сведите Федора да во чисто поле
На тое болотце да на житное,
На тую на плаху да на липову,
А срубите Федору да буйну голову
За его поступки неумильнии».
Сидят тут полачи да немилосливы,
Большей тулится за среднего,
Средний тулится за меньшего,
А и от меньшего-то братцу —
век ответу нет.
Сидит маленький Малютка вор
Шкурлатов сын:
«Ай прегрозный царь Иван
Васильевич,
Много я казил князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Нуль да Федору я не спущу».

Тут немутное око помутилось,
Его царское сердце разгорелось:
«Ай, вы, ей, палачи да немилостивы!
Вы возьмите-ка Федора Ивановича
За тья за рученьки за белыя,
За тые за перстни за злаченые,
Сведите-ка Федора в чисто поле
А на тые болотце-то на житное,
А на тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову
За него поступки неумильные».
Тут все полачи поразбегались,
Которые разумны — растулялися.
Один остался Малютка вор Шкурлатов сын,
А сам говорил таковы слово:
«Я много ведь казил царей,
царевичев,
Я без счету королей да королевичей
А тебя-ко-ва я, Федора, да не спущу».

Как и в других случаях, Калинин допускал только распространение текста, оставаясь в пределах воспринятого. Переосмысления формул и переходных мест не встречается и здесь, поскольку этого не требует излагаемый ход событий. Вместе с тем имеет место детализация описания действия. В этом отношении весьма интересно описание расправы Никиты Романова с Малютой (см. *сравнительную таблицу*). Вместо четырех строк Чукова (наехал Никита, срубил голову Малюте) Калинин дает картину борьбы Федора Ивановича с палачом; во время борьбы приезжает Никита и спасает племянника. Развитие текста базируется не на показе психологических моментов, а на подчеркивании узлов, острых моментов действия. В таком плане проходит вообще индивидуальное вмешательство Калинина в воспринятую традицию. Вставная характеристика Алеши при передаче ему освобожденной Забавы обусловлена контаминацией «Добрыни и Змея» с «Добрыней и Алешей». Осложнение формулы речи Добрыни на свадебном пиру своей жены повторами («Ты слезил же родитель-матушку») вызвано стремлением акцентировать мотивировку наказания и, следовательно, также предваряет действие. То же назначение предварить и вместе с тем подтвердить закономерность дальнейшего развития действия (возвращение в Киев, посрамление Владимира) имеет осложненный диалог Ставра и его жены в поле. Вопрос Василисы Ставру о причинах заключения его подготовляет развязку былины.

Подобные примеры могут быть умножены, будучи взяты из любой былины калининского репертуара. Этот тип использования словесных формул встречается и у других сказителей космозерской школы: он вытекает из самого характера их былин²⁹.

Говоря о космозерской школе, где бы ни были ее представители — на самом Космозере, в Толвуге, в Повенце, можно утверждать ее целостность. Талантливые сказители школы пели высокохудожественные тексты былин, но пели их, сохраняя традицию в ее основе, не меняя авторской властью созданные редакции. И только если текст деформировался в бытовании, они его реконструировали, но при этом сохраняли типические черты былин своей школы. Творчество Калинина, Чукова, Касьянова было, можно сказать, равнозначно: в основном они были хранителями традиции, но не родоначальниками ее. Их былины часто настолько близки друг другу, что отделить их не представляется возможным. Близость вариантов, и в строении сюжетов, и текстуальная, невольно разрушает утвердившуюся еще со времени А. Ф. Гильфердинга легенду о существовании особого типа толвуй-повенецких былин. Различие во вставных частицах, встречаемых у сказителей Киж и Толвуге—Повенца,— внешний формальный признак и не может служить основой для отделения типов былин. Если когда-либо и существовала особая толвуй-повенецкая школа, то уже

²⁹ Устойчивые формулы здесь не цитируются особо, так как они включены в приведенные выше таблицы сопоставлений текста.

к 70-м годам XIX в. она сохранилась в таких деформированных очертаниях, что сказать о ней что-либо определенное нельзя. На обломках местных былин под влиянием космозерской традиции возникали новые тексты, началом своим они брали заужие изводы и сохраняли их.

Состояние былинного репертуара Толвуя—Повенца, индивидуальное мастерство сказителей, их близость и отдаленность друг от друга заставляют отказаться от гильфердинговского понимания школы как некоего географического понятия (или же, если сохранить его, то весьма ограничивая другими толкованиями) и подчеркнуть: *былины одной школы могут появляться в разных местностях*, могут выходить за пределы территориальной ограниченности; школы возникают как *частные проявления идейно-художественных тенденций русского былинного эпоса*, представляющего один из самых замечательных видов искусства трудового народа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Певцы, сказители, сказочники — мастера народного искусства, неиссякаемого источника, оплодотворяющего творчество писателей, композиторов (<...>).

Среди разысканий, посвященных народному творчеству, законы исследования, рассматривающие индивидуальные привнесения мастеров фольклора в исполняемые ими произведения и выясняющие типы и группы произведений, «областные», «местные» особенности их. Искусство одаренных народных певцов, шлифующих произведения, созданные пародом, умножает разнообразие и богатство образов, в которых воплощаются идеи трудовых масс. Мастера фольклора выполняют важную задачу совершенствования художественных ценностей.

Опыт исследования творчества заопежских сказителей былин показал, что существуют разные приемы, разные методы разработки любимых народом образов богатырей. В былинах отражаются индивидуальные особенности мастеров фольклора, их интересы, их взгляды и стремления. Но эти индивидуальные особенности не нарушают единства искусства трудовых народных масс. Более того, они углубляют идейное содержание произведений высокой художественностью разработки образов, воплотивших лучшие человеческие качества.

В тех случаях, когда сказитель отходил от народных взглядов и оценок действительности, создаваемые им произведения неизбежно забывались и умирали. Так было, например, с произведениями одного из известных во второй половине XIX в. сказителей Заонежья — В. П. Щеголенка, который чрезвычайно акцентировал в былинах и сказках христианское миропонимание, сосредоточивал внимание на «святынях» Киева, разрабатывал житейные мотивы. Его былины и сказки, в большинстве своем явно отклоняющиеся от традиционной народной трактовки образов, как установили экспедиционные работы 1926—1928 гг., оказались забытыми; народ не сохранил их в своей памяти не дал им дальнейшей творческой разработки, так как эти произведения идейно были чужды ему. Зато они были использованы Толстым в его «народных рассказах» для пропаганды учения о непротавлении злу¹.

¹ В. П. Щеголенок гостил у Л. Н. Толстого.

Народ, сохраняя в памяти поколений и совершенствуя или предавая забвению произведения народных певцов, сказителей, сказочников, произносит приговор над их искусством. Этот приговор оценивает художественные достоинства исполняемого текста и свидетельствует о том, насколько верно и точно воплощены в произведении идеи трудового народа.

Русский эпос, любовно называемый народом «старинами», «старинками», «старинушками», дал огромные возможности для развития идей в художественных образах. Тех сказителей былин, которые поднялись в своем творчестве до величественных обобщений, раскрывающих «чаяния и ожидания народные»², советский народ помнит и ценит и имена их храпит в истории своего искусства и культуры.

² *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин о поэзии.— На литературном посту, 1931, № 4, с. 4; см.: *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин об устном народном творчестве.— Советская этнография, 1954, № 3, с. 117—131.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

РЯБЕНИН	РОМАНОВ	ИВЛЕВ
«Ай же свет моя ты, рódна матушка,	(а) Добрыня и Алеша ¹ «Ай же ты, родная моя матушка Честна ты вдова Офимья Александровна,	«Ай же, моя матушка да ты родимая,
Да и бесчастного спорóдила Добрынюшку!	Для чего ты меня, несчастного, спорóдила, Несчастного и неталанного?	На что же меня, несчастного, да и спорóдила? ²
Еще бы лучше бы Добрынюшку спорóдила	Спорóдила бы ты меня, матушка,	Когда же ты меня да поотрóдила,
Ай горячим да белым камешком		
Завертела бы во тонкой беленькой рукавичек,	Завернула бы во бело полотенышко,	Свертела ты б меня в камóчку во крупчатую,
Подошла бы ты ко славному к киян-морю,		Снесла бы ты меня на край синí моря,
Бросила бы ты да этот камешок в киян-морé В окиян-море глубокое!»	И кидала бы ты меня во сине море, Лежал бы я во синем море на самом дни Вместо камешка самоцветного!»	Спустила б ты меня да на святу воду, Так шел бы я туды на само дно, Лежал бы я да й место камешка самоцветного!

РЯБИНИН

РОМАНОВ

ИЕВЛЕВ

(б) Добрыня и змей

Говорила тут Добрыне рѣдна матушка,
Говорила она да горько заплакала:
«Ай же свет, мой чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Если бы знала над тобою я незгодушку,
Еще это бы знала безвременнице великое,
То не так бы я тебя, Добрынюшку, спородила!

—

135

Я спородила бы тебя, да и Добрынюшку,
Возрастом-то в старого казака Илью Муромца,
Тобѣ силушкой Добрынюшку спородила
Да й во славна Святогора во богатыря,
Я бы смелостью Добрынюшку спородила
Да й во славного богатыря в Олешеньку
Поповича,
Красотою бы спородила Добрынюшку
Да во славного-то князя во Владимира...»

«Спородила бы ты меня, матушка,
Счастками в стольно-киевского
князя Владимира,
Красою во Осипа Прекрасного,
Силою бы спородила в старого
казака Илью Муромца,
Смелостью в смелого Алешу во
Поповича...»

Не во своего государя света-
батюшка,
Да не в сильного могучего богатыря,
Да й не в кушца — гостя торгового».

¹ Указанное разделение былин относится только к текстам К. Романова.

² Далее в тексте Ивлева следуют строки, помещенные в конце этой таблицы («Не во своего государя...» и т. д.). После них идет строка «Когда же ты меня...» и следующие за ней.

РОМАНОВ

- а) Ж е н и т ь б а м о л о д ц а
 Приданого много — человек худой:
 А не с кем будет жить да быть,
 Думу думати, долгие веки корбтати,
 Не с кем словечушка замолвити
 Золотой монисточки лежать во
 ковном ларцу,
 А цветну платицу на грядочки
 и на гвоздики,
 А худой жены на моей руки.
- б) М о л о д е ц в Л и т в е
 Отдалился, загулялся добрый
 мблodeц
 В хоробру Литву, к королевскому
 величеству,
 Задался королевскому величеству
 на двенадцать лет.
- в) О б р а щ е н и е к о р о л е в и ч н ы
 к с л у г а м
 Ай же, слуги королевские,
 Палачи немилосливые!
 Возьмите у меня денег пятьдесят
 рублей.
 Раскуйте ему ножки резвья,
 Развяжите ручки белья,
 Откройте ему очи ясныя,

ЩЕГОЛЕНОК

- а) Ж е н и т ь б а м о л о д ц а
 Приданого много — человек худой!
 Приданое большое на грядке висит,
 Худая жена на кровати лежит.
- б) М о л о д е ц в Л и т в е
 И пошел добрый мблodeц из земли
 в землю,
 И попал мблodeц к королю в Литву,
 Нанялся мблodeц к королю на
 двенадцать лет,
 И первый год жил во конюхах...
 И другой год жил во поварах...
 И третий год жил во ключниках...
- в) О б р а щ е н и е к о р о л е в и ч н ы
 к с л у г а м
 Ай же, королевские слуги верные!
 Вы возьмите с меня денежек
 пятьсот рублей.
 Отпустите удáла-добра мблodeца
 На волю на вольную,
 Откройте ему очи ясныя,
 Откройте ему ручки белья,

КОРНИЛОВ

- а) Ж е н и т ь б а м о л о д ц а
 А приданого-то много — человек
 худой;
 Цветное портишечко на грядочке
 висит,
 А худая женишка на ручке лежит.
- б) М о л о д е ц в Л и т в е
 Пошел, пошел, удалый добрый
 мблodeц...
 Из орды в орду да к королю
 в Литву...
 Первых три году да он жил да во
 конюхах,
 А друго три году он жил да ведь
 во ключниках,
 А третье три году он жил да во
 постельниках,
 А четвертых три году он жил да
 ведь во спальниках...
- в) О б р а щ е н и е
 к о р о л е в и ч н ы к с л у г а м
 Уж вы, палачи, да палачи вы
 немилосливы!
 Вы не водите-тко вы да моего слугу,
 Моего слугу на королевской двор...
 Уж я дам вам много злата, много
 сребра...³

САРАФАНОВ

V. И едет он в палаты Соловьинья.
Закрычала тут дочь Соловьиная:
«Ах ты ей, государыня-матушка,
Наш батюшка едет — мужика
везет».

Говорит тут ей родна матушка:
«Что не батюшка едет —
мужика везет,
Мужик-о» едет везет батюшка.
Поднимай подворотенку сорока
пудов,
Спусти-ко мужику в буйну
голову». (P.)

(В записи Гильфердинга речь дочерей приписана зятю. Дочери повторяют первые две строки ответа матери и поднимают подворотенку на цепях.)

VI. *(Илья не едет на двор к Соловью, прямо проезжает в Киев. Илья встречается с князем Владимиром. По приказу Ильи Соловей свистит. Илья убивает Соловья.)*

ДЬЯКОВ

V. Поехал к подворью
Соловьиному...
Увидала дочи мѣньшая
Соловьиная.
Увидала во окошечко

косивчато,
Говорила своей матушке:
«Матушка, матушка родимая!
Батюшка еде, мужика везет,
Мужика везет у стремени,
Вверх-то ноженьки, а вниз

головушка».
Большая дочь поглянула в
окошечко:
«Ах ты, сестра меньшая,
Веком меньше, а оком есть тупее
меня!

А мужик-то еде деревенщина,
Везет батюшка у стремени».
А середняя дочь скочила,
Схватила подворотеньку
пятьсот пудов,
Хочет Илью Муромцу придать.

VI. *(Соловей просит семью выкупить его у Ильи. Илья отказывается от денег. Илья едет в Киев, встречается с князем Владимиром. Бояре обвивают Илью во лжи. Илья показывает Владимиру Соловья.)*

РЯБИНИИ (Рыбников)

V. Он поехал по раздольицу чисту полю
 Ко этому ко гнездышку к Соловьему.
 И со этого со гнездышка Соловьего
 Усмотрела его больша дочь Невеюшка.
 Говорит Невея таково слово:
 «Едет наш батюшка раздольицем чистым полем,
 И сидит он на добром коне богатырьском,
 И везет он мужичища-деревенщину
 Ко стремени булатному прикована».
 Посмотрела его друга дочь Ненилушка,
 Говорит Ненила таковы слова:
 (повторение речи Невеи).
 Посмотрела Пелька, его третья дочь,
 Говорит Пелька таковы слова:
 «Едет мужичище-деревенщина
 Раздольицем чистым полем,
 И везет-то государя-батюшку
 К стремени булатному прикована:
 Ему выбито право око со косицею.
 Ай же, мужевья наши любимые!
 Хватайте-тко рогатины звериные,
 Бежите-ка в раздольице чисто поле,
 Побейте мужичища-деревенщину».

VI. (Соловей просит семью угостить Илью. Старшая дочь Соловья хочет убить Илью подворотнею. Илья отбрасывает ее от себя, казнит дочерей и зятем Соловья и едет в Киев. Илья встречается с кн. Владимиром, рассказывает ему о своей поездке. Кн. Владимир обвиняет Илью во лжи. Илья показывает Владимиру Соловья и по просьбе князя заставляет разбойника свистать. Илья казнит Соловья.)

РЯБИНИИ (Гильфердинг)

V. Во том гнездышке да Соловьиносм
 А случилось быть да и три дочери.
 А й три дочери его любимых;
 Больша дочка эта смотрит во окошечко косевчато,
 Говорит ёна да таковы слова:
 «Едет-то наш батюшка чистым полем,
 А сидит-то на добром коне,
 Да везет ён мужичища-деревенщину,
 Да у правого у стремени прикована».
 Поглядела его друга дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 (повторение речи большой дочери; вариант.)
 Поглядела его меньша дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 «Едет мужичище-деревенщина,
 Да й сидит мужик он на добром коне,
 Да й везет-то наша батюшка у стремени,
 У булатного у стремени прикована.
 Ему выбито-то право око со косичею».
 Говорила-то й она да таковы слова:
 «Ай же, мужевья нашй любимы!
 Вы берите-тко рогатины зверины,
 Да бежите-тко в раздольице чисто поле,
 Да вы бейте мужичища-деревенщину».

VI. (Соловей просит семью угостить Илью. Илья не идет в терем Соловья, едет в Киев. Далее, как в варианте 60-х годов.)

Приложение № 7 (окончание)

Ах ты, чётная вдова, чётно-
Блúдова жона!
В честь я Офимку за собя возьму,
Ай не в честь я Офимку — за
товарища,
Да за своёго за паробка любимого».

В честь я Опраксию да королевичну
Да возьму-то я за князя за
Владымира,
А не в честь я возьму за товарища,
За того Васильюшка Казимирова».

Приложение № 8

Добрыня и змей

Приходил Добрыня ко добру коню,
А й садил-то ён Забаву на добра
коня.
На добра коня садил ю к головý
хребтом,
Сам Добрынюшка садился к головý
лицём,
Да й поехал-то Добрыня
в стольнё-Ки́ев-град...

Дунай

Приводил ю Дунай на широкой двор,
А садил ю Дунай на добра коня
На добра коня к головý хребтом,
Сам Дунаюшко садился к головý
лицём.
Оны сели на добрых копей, поехали
А по славному раздолью чисту
полю...

Хотен

А привел-то Офимью ко добру коню,
Ко добру коню привел к
богатырскому,
Да й садил ён Офимью на добра
коня,

На коня он ю садил к головы
хребтом,
Сам ён садился к головы лицом,
Оны сели на добра коня, поехали
Да по славному городу, по Киёву.

Приложение № 9

Дочь Ильи

У ней шапочка надета на головушку
А й пушистая сама завесиста,
Спереду-то не видать личкá
румяного,
И сзадú не видеть шеи белой...

Молодец из песни «Горе»

Ворот шил-то в шубки выше гóловы,
Спереду-то не видать личкá
румяного,
Из-задú не видно шеи белою...
Да й перчаточки на ручки с чистым
серебром
Да й сапоженьки на ноженьки
сафьянны:
Вокруг носика-то, носа лицём кати,
Под пятú, под пýту воробей лети...

С. К. НЕКЛЮДИНА

а) З а ч и н

Со того ли города со Крякова,
От того ли от села да от Березова
Поезжал Лука Петрович королевский сын

На зеленое на затрясье
Стрелять да гусей-лебедей
Малых перелетных утушек.

б) Встреча с двумя лебедями —
красными девушками *

в) Разговор с вороном

Увидал он на сырём дубу черна
ворона:
«Я подстрелю черна воронка на сырём
дубу,

Спущу его тушу о сыру землю,
Распущу его перья по чисту полю».
Проведится птица вещая, ворон
черный:

«Старца убить — не сласенье,
Черна ворона подстрелить — не
корысть залучить!»

Н. Ф. ДУТИКОВ

а) З а ч и н

Езди поляница удалая
Федор Петрович, княженецкий сын
Во чистом поле за охвоткою;
Стрелял гусей да лебедей,
Малых перелетных серых уток.

б) _____

в) Разговор с вороном

Увидел он во сырём дубу
Старого чёрного ворона;
Распущены его крылушки
по сырём дубу.

И говорит Федор Петрович княженецкий
сын:

«Я убью старого черного ворона,
Пролью его кровь по сырём дубу.
Спущу его тулово о сыру землю,
И распущу его перышка по чисту
полю».

Спроговорит старый черный ворон
Голосом человеческим:

— Ай же ты, поляница

расейская...

Т. Г. РЯБИНИН

а) З а ч и н

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,
Охвочь ездить молодец был за

охвоткою;
А й стрелял-то он да й гусей, лебедей.
Стрелял малых перелетных серых
утушок...

б) _____

в) Разговор с вороном

Насмотрел ён птицу черна ворона:
Сиди птица черный ворон во сыром
дубу,

Перьяцо у ворона черным-черно,
Крыльица у ворона белым-бело,
А й распущены перьяца до матушки —
сырой земли...

Говорил-то молодец да й таковы
слова:

«Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Его кровь-то расточу да по сырём дубу,
Его тушицо спущу я на сыру землю.
Перьяцо я распущу да по чисту полю
Да по тою по дольнушке

широкою».

С. К. НЕКЛЮДИНА

Н. Ф. ДУТИКОВ

Т. Г. РЯБИНИН

Ты хотишь пластать мои да груди
бѣлыи,
Доставать хотишь мое сердце со
печеней!
Есть стояла я бы на твоёй белой
груди,
Да пластала бы твои я груди
бѣлыи,
Доставала бы твоё да сердце с
печеней,—
Не спросила б я отца твоёго, матери,
А ни твбего ни роду я, ни
племени».

е) Встреча королевича
с матерью***

- * В вариантах Неклюдиной и Дутикова этот мотив отсутствует. Он сохранен из разбираемых трех вариантов только в тексте Т. Г. Рябинина. Мотив встречи с лебедями-девушками отсутствует и в вариантах с Выгозера (Ф. Захарова), Водлозера (И. Г. Захарова), Кенозера (Е. Я. Завала).— Прим. В. И. Чичерова.
- ** Мотив раздумья королевича встречается только в варианте Т. Г. Рябинина. Варианты Неклюдиной и Дутикова непосредственно переходят к описанию встречи и столкновения королевичей.— Прим. В. И. Чичерова.
- *** Варианты Неклюдиной и Дутикова передают слова матери, говорящей, что для татарина надо варить смолу, что поить его надо болотной водой и кормить желтым песком. Т. Г. Рябинин передает совет матери: надо бить татарина палицей и колоть его копьем. Неклюдина и Дутиков встречу матери с сыном передают кратко и схематично. Рябинин рассказывает о ней подробно, описывая радость матери и угощение ею сына.— Прим. В. И. Чичерова.

Иван Гостиный сын

С. НЕКЛЮДИНА

А. ИВАНОВ

В. АКСЕНОВ

а) З а ч и н

В стольнем красном Киеве
У ласкова князя у Владимира
Был-то у него почестен пир,
На многих на князей, на бояров,
На русьских могучих богатырев.
Вси на пиру да наедалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцем-матерью,
Он безумный хваста молодой женой,
Душка Иван Гостиный сын —
Сидит-то он не ест, не пьет,
Не ест, не пьет, ничем не хвастает.

а) З а ч и н

Во стольном было городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было столованьице, почестный пир,
На многих князей, на бояр
И на русских могучих богатырей.
Вси на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися.
Все на пиру порасхвастались.
Кто ль хвастает отцем-матерью,
Кто ль хвастает молодой женой,
Кто ль хвастает золотой казной.
Умный хвастает отцем-матерью,
А безумный хвастает молодой
женой,
Богатый хвастает золотой казной.
Душка Иван Гостиный сын
Не ест, не пьет, не кушает
И белой лебеди не рушает,
И ничем он, молодец, не хвастает.

а) З а ч и н

Как во славном во гради во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированьице, почестен пир.
Вси на пиру наедалися,
Вси на пиру напивалися,
Тот хвастает тем, иной иным,
Умной хвастает добрым конем,
Добрым конем да отцем-матерью,
А тут солнышко Владимир-князь
Сам да порасхвастался.

б) Ф о р м у л а п о х в а л ь б ы

Душка Иван Гостиный сын
Сговорит он князю Владимиру:
«Нецем мне-ка-ва похвастати.
Место мне-ка по любви,
Хлеб да соль мне-ка по души,
Пьяница не надсмеялася.
Лучше станем во велик заклад:

б) Ф о р м у л а п о х в а л ь б ы

Тут душка Иван Гостиный сын
Говорит ему не с упадкою:
«Хлеб-соль мне была по душе,
Чарою меня не обошли,
И пьяница надо мной не надсмеялася.
А нечем мне, молодцу, похвастати.
А столько я похвастаю:

б) Ф о р м у л а п о х в а л ь б ы

Выставал тут Иванушко Гостиный
сын
Из-за того стола из-за дубового,
Сам говорит таково слово:
«Солнышко Владимир-князь стольне-
киевской!
Я с тобой бью во велик заклад

Приложение 11 (продолжение)

С. НЕКЛЮДИНА

Я пробью свою буйну голову,
Ты пробей казны своей,
Казны своей сорок тысящей».

А. ИВАНОВ

Есть ли у вас один молодец
Ехать-то на добрых конях
Ко тому ко городу Чернигову
А перебегу ровно триста верст
И тридцать три версты мерных;
И съездить нам промеж обедней и
заутреней,
Съездить нам и к обедни поспеть?»

В. АКСЕНОВ

Скакать от города от Киева до
Чернигова,
А перескоку было ровно триста верст».

в) Формула разговора
с конем

Заходит он на широкий двор,
Отворяет конюшню белодубову,
Пал ѐн в ножку правую.
В правую ножку лошадиную:
«Ай же ты, мой добрый конь!
Был я севодня на честном пиру,
Пробил я севодня буйную голову.
Можешь ли ты меня выручить,
Мою буйную головку повыкупить?»
Сговорит ему добрый конь,
Сговорит голосом человеческим:
«Ай же ты, душака Иван Гостинный
сын!
Князя Владимиру к стыду приведу,
Братца своего, его побстрамлю,
Твою буйную голову новыкушлю».

в) Формула разговора
с конем

Пал он коню в ножку правую.
В правую ножку лошадиную:
«Ай же ты, мой добрый конь!
Был я сегодня на честном пиру,
Бил я сегодня в велик заклад;
Князь заложил казны сорок тысячей,
А я заложил буйну голову.
Можешь ли ты мою буйну голову
повыкупить,
Князя Владимира к стыду привести,
А большого брата посоромить?»
Провещал тут ему добрый конь
Голосом человеческим:
«Я твою буйну голову выкушлю,
Князя Владимира к стыду
приведу,
А большого брата посоромлю».

в) Формула разговора
с конем

А проходит в конюшенку стоялую
Ко своему-то косматому ко бурушку,
Кланялся ему во правую, во левую
во ноженку:
«Был я у князя на пиру,
В пьяном разуме поросхвастался
Скакать от города от Киева до
Чернигова,
Между тьма частыма между
лбедами,
Между тою обедней, заутренней,
А перескоку-то будет да ровно
триста верст».

Приложение 11 (окончание)

С. НЕКЛЮДИНА

г) Состязание коней

Завопил Владимир стольне-киевский:
«Подьте-тко вы, мои конюхи,
Подьте вы на конюший двор,
Выбирайте-тко, мои конюхи,
Тридцать жеребцев да трех

жеребцев.

Сивогрива жеребца, кологрива
жеребца.

Маленька полонёного воронка,
На него надея великая».

Душка Ивана Гостиного
Заржал его добрый конь —
Князя Владимира во конюшеньки
Все ты кони мертвы лежат;
Сивогривый жеребец ископытался,
Кологривый жеребец на колени
пал,

Маленький полоненый воронкё
Голову залячил, хвост заломил,
Хвост заломил, через Пучай-реку
скачил,

В чисто поле ушел.

А. ИВАНОВ

г) Состязание коней

Владимир князь стольне-киевский
Говорит он тут своим конюхам:
«Ай же вы, мои конюхи!
Бежите вы на широкий двор,
Выбирайте-тко вы из трехсот же-

ребцов

И из тридцать жеребцов
И из трех жеребцов
Сивогривых и кологривых.
Маленького полоненка-воронка;
На него надежа великая».

Тут прибежали его конюхи
И творят жалобу великую,
Что душки Ивана Гостиного
Скрычал конь по-звериному
И засвистал по-змеиному,—
Что тристо жеребцов все мертвы
лежат,

Тридцать жеребцов ископытались,
А сивогривый, кологривый
И маленький полонен воронке
Голову залячил и хвост заломил,
Через Пучай-реку скачил и в чисто
поле ушел.

В. АКСЕНОВ

г) Состязание коней

Выставал тут Владимир-князь
стольне-киевскóй,
Сам говорит таково слово:
«Ай же вы, мои конюхи придворныи,
Гоните-тко вы триста жеребцёв и

трех жеребцёв.

Тут скоро конюхи пригнали триста
жеребцев и трех жеребцев,
Кологрива жеребца и сивогрива
жеребца

И младого косматого бурушка.
Иванушков конь увидал и заржал
На тех триста жеребцов.
Кологривый жеребец ископытался,
Сивогривый жеребец обкаричился,
А младый косматый бурушко хвост
заскал да в поле ускал.

В теремáх верхи пошаталися,
И на столах пítья расплескалися,
А тут князи-бояра тут все мертвы
лежат,

А Владимир-князь ходит раскаракаю
Соболиной шубой укрывается...

Д. В. СУРИКОВА

а) За чин

Господь-то на нас поразгневался
На славное царство расейское,
На расейское царство московское.
Дал нам господь царя

несчастливого;

Назвался собака вор прямым царем,
Прямым царем, царем Митрием,
Царевичем Митрием московским.

б) Ж е н и т ь б а Г р и ш к и -
Р а с т р и ж к и

Не успел вор-собака воцариться,
Похотел вор-собака жениться:
Не у нас в Росее в каменной
Москвы,

Не в каменной Москвы —
в хоробной Литвы,

У Юрия пана Сердобольского,
На самой на меньшей дочери,
На душеньке Марине да Юрьевне,
Пир-свадьбу играли в Филиппов
пост,

Венец принимали в Миколин день,—
А Микола у нас была в пятницу.

в) З а у т р е н я

Дошло это дело до велика дни,
До велико дни до христова дни,
У того ои у Ивана Великого
Ударили во большой во колокол.
Все князи-бояри к обедни пошли

Гришка-Расстрижка

Н. Ф. ДУТИКОВ

а) За чин

На нас, братцы, господи разгневался,
На славное царство российское,
На российское царство, на
московское:

Дал господи царя несчастливого,
Называется собака прямым царем,
Прямым царем, царем Дмитрием,
Дмитрием царевичем московским.

б) Ж е н и т ь б а Г р и ш к и -
Р а с т р и ж к и

Не успел вор-собака воцариться,
Похотел вор-собака жениться
Не в своей он России, в каменной
Москвы,

Поженился вор-собака во хороброй
Литвы,

У Юрия пана Сердобольского,
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушке Юрьевой.
Они свадьбу играли в Филиппов пост,
Венец принимали в Миколин
день,—

Миколы-то было в пятницу.

в) З а у т р е н я

Дошло-то это время до великого дня,
До великого дня, до христова дня,
У того у Ивана у Великого
Ударили во большой колокол,
Все князи-бояра к обедни пошли,

МОЛОДИЦА ИЗ КИЖСКОЙ ГУБЫ

а) За чин

На нас господи разгневался
На славное царство российское,
На российское царство московское:
Дал господи царя несчастливого;
Называется собака прямым царем,
Дмитрием царевичем московским.

б) Ж е н и т ь б а Г р и ш к и -
Р а с т р и ж к и

Не успел вор-собака воцариться
Похотел вор-собака пожениться:
Не в своей он России в каменной
Москвы,—

Поженился вор-собака в хороброй
Литвы,

У Юрия пана Сердобольского,
На самой на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушке
Юрьевой,
Они свадьбу играли в Филиппов
пост,

Венец принимали в Миколин день.

в) З а у т р е н я

Дошло-то это время до великого дня
До великого дня, до христова дня.
У того ли у Ивана Великого
Ударили во большой во колокол:
Все князи-бояра к обедни пошли.

Н. ДУТИКОВ

Д. СУРИКОВА

а) **З а ч и н**
 Жил-был Буслав во Новѣ-градѣ,
 Жил Буслав девяносто лет,
 Жил Буслав целу тысячу;
 Живучись Буслав не старился,
 Не старился, переставился,
 С Новым-городом Буслав не
 споривал,
 С каменнѣй Москвой преты
 нѣ было.
 Оставалось чадо милое,
 Молодой Василий сын
 Буславѣвич.

а) **З а ч и н**
 В славном было во Новѣ-градѣ,
 Жил Буслав девяносто лет,
 Жил Буслав целу тысячу.
 Живучи Буслав не старился,
 На достали Буслав переставился.
 С Новым-градом не перечился,
 С каменнѣй Москвой спору не
 было.
 Оставалось чадо милое,
 Молодой Василий сын
 Буславѣвич.

б) **М о л о д о с т ь В а с ь к и**
 Б у с л а е в а
 И стал Васинька на улицу
 похаживать,
 Стал с ребятками шуточки
 пошучивать;
 Кого дернет за руку — рука прочь.
 Кого дернет за ногу, — нога-то
 прочь.
 Стали к Васильевой матушке
 похаживать,
 Похаживать стали, пожаливаться:
 «Ай же ты, честна вдова Амелфа
 Тимофеевна!
 Уйми-тко свое чадо милое,
 А не уймешь Василия сына
 Буслаева,
 Пихнем его в реку Волхову.»

б) **М о л о д о с т ь В а с ь к и**
 Б у с л а е в а
 Стал по улицам похаживать,
 С ребятами шуточки пошучивать:
 Кого за руку дернет, — рука с
 плеча,
 Кого за ногу дернет, — нога с
 колен,
 Кого за голову дернет, — голова
 с плеча вон.
 Собирались мужики
 новгородский
 Собрались к Васильевой матушки:
 «Ай же, Васильева матушка,
 Молодая Фетьма Тимофеевна!
 Уйми свое чадо милое
 Молода Василия Буславѣва.
 А не уймешь Васильюшка
 Буслаева,
 Будем унимать всим Новым-
 градом,
 Сгоним Васильюшка под
 Вблхово,
 Пихнем Васильюшка в Вблхово.»

в) **П и р у В а с ь к и**
 Тут Василий сын Буславѣвич
 Ставил столы дубовые,
 Ествица клал сахарные,
 Питьица клал медвяные,
 Меды были все стоялые, —
 Выкатывал бочки на кольчужный
 двор:
 «Ешьте у меня досыта,
 И пейте у меня допьяна,
 Только между собой не
 споривайте!»
 Тут мужики-то повгородские
 Ели они досыта
 И пили они допьяна.
 Красное солнышко на вѣчере,
 Почестный пир идет навѣселе
 И все стали пьян-веселы,
 И между собой порасспорились.
 И берет Василий черленый вяз,
 И стал по двору помахивать,

в) **П и р у В а с ь к и**
 Василий сын Буславѣв
 Завел он свой почестен пир,
 Накурил Василий зеленá вина,
 Наварил Василий пива пьяного,
 На белый двор бочки выкатывал,
 На бочках подписи подписывал,
 На ведрах подрези подрезывал.
 Мерой чара полтора ведра,
 Весом чара полтора пуда.
 «Тот поди ко мне на почестен пир,
 Кто выпьет эту чару зелена вина,
 Кто истерии мой черленый вяз!
 Как идут мужики новгородские,
 Скажут: к чорту Василья и с
 честным пиром!»

Приложение 13 (окончание)

И стал мужичкам пощалкивать,
И пошли мужики со честна пира
раскорякою:
«Ты к чорту, Васильюшка, со
пиром!

Поедено было на пиру, попито,
И наве́к увечьице зачажено!»

г) П о т а н ю ш к а

Идет на пир Потанюшка
маленький,
Маленький Потанюшка,
храбренький,
На ножку припадывает, сподлобья
выглядывает.

Принимал он чару одной рукой,
Выпивает чару за единый дух.
Бьет Васильюшка Буславевич
Своим вязом черленным
По него буйной головой:
Стоит Потанюшка, не крянется,
Желты кудри не сворохнутя,
Поклон воздал и на пир пошел,
Идет на пир Костя Новоторжанин.

г) П о т а н ю ш к а

Идет встречу маленький
Потанюшко,
На правую ножку припадывает,
Он на небо поглядывает,
Говорят мужики новгородские:
«Не ходи, Потаня, на почестем
шир,

Не выпить тебе чары зеленá вина,
И не́ стерпеть вяза черленого!»
Пришел-томаленький Потанюшка,
Пришел Потаня на почестен пир,
Хватил он чарочку одной рукой,
Пил он чарочку одним духом.
Хлопнул вязом черлепным.
Стоит Потанюшко, не стрáхнется,
Его желты кудри не сворбхнутя,
Спроговорит Василий сын
Буславевич:

«Ай же ты, маленький Потанюшка,
Поди ко мне в дружинюшки в
хоробры».

д) П р о сь б а В а с и л и я
пустить его в Иерусалим
Честна́ вдова Амелфа

Тимофеевна...
Прибежала на поле на Вблхово,
Захватила Василия в соболиную
шубоньку
И принесла в свои палаты

белокаменны.
И кормила-поила уда́лого дб́ра
мб́лодцá¹).

Говорит Василий сын Буславич²:
«Ай же ты, дружинюшка хоробрая.
Была у меня дана заповедь
великая,

Съездить нам в Иерусалим-град,
Святой святыне помолитися
И ко гробу господню приложитися.
Во Иордань-реке окупатися».

д) П р о сь б а В а с и л и я п у с т и т ь
его в Иерусалим
Тут Васильева матушка...

Прибежала она на Вблхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила под правую под пазуху...
Принесла Василья со чиста поля.
Тут Василий сын Буславич
Говорит он матушке родимой:
«Ай же ты, матушка родимая,
Утрось я не завтракал, вечер я
не ужинал,

Дай хоть сегодня пообедати.
Спусти меня, мб́лодцá,
в Еросб́лим-град,

Во святой святыню помолитися,
Ко христову гробу приложитися,
Во Ердань-реку окупатися,
Сделал я велико прегрешение:
Прибил многих мужиков
новгородских».

¹ На этом у Н. Дутикова кончается былина «Васька Буслав и мужики новгородские».

² С этого начинается былина «Василий Буслав молитися ездил».

А й увидели подписи подписаны,
А й увидели подрези подрезаны,—
«К чорту-то Василья со честнѣм
пѣром,
Нам не выпить чару зеленá вина,
А нам не вытерпеть вязу все
черленого!»

г) П о т а н ю ш к а
Как иде-то маленький
Потанюшко,
На правую ножку припадает,
Он на небо-то поглядает.
Говорят мужики Потанюшке:
«Ай же ты, маленький
Потанюшка,
Не пивать тебе зелена вина,
Не вытерпеть дубины
подорожной».
А идет-то маленький Потанюшка,
На правую ножку припадает,
На небо да он тут поглядает,
Хватал-то он чару одной рукой
Да выпил чарочку одним духѣм.
Ударил Василий его дубинкой
подорожной —
Стоит маленький Потанюшка, не
стрáхнется,
Ягб желтые кудерки не
ворбáхнутся.
«Вот поди, маленький Потанюшка,
Во дружинишку хоробрую».

г) П о т а н ю ш к а
А идет-то маленький Потанюшко,
Он на правую ноженку
припада́я,
Он да на небо все поглядая,
А и говорят-то мужики да
новгородские:
«А й ли ты, маленький
Потанюшка,
Не ходи ты на почестен пир,
А й не выпить тебе цяры зеленá
вина,
А й не вытерпеть ти вязу все
черленого».
А й пришел-то маленький
Потанюшко,
А поднимал он чару одной рукой,
А выпивал он чару одним духѣм.
А прибежал Василий сын
Буслаевич,
А й хватил его вязом-то
черленым,
А стоит-то Потанюшка, не
стрáхнется,
Его желты кудерки не
ворбáхнутся,
Говорит Василий сын Буслаевич:
«Ай же ты, маленький
Потанюшка,
Ты поди ко мне во дружинишку
хоробрую».

д) П р о сь б а В а с и л и я п у с т и т ь е г о в И е р у с а л и м
...Да бежала-то она на реку
Волхово,
Хватила она чадо милое Василия
Буслаевича,
Хватила она его под правую под
пазуху,
Принесла Василья с реки
Волхова.
Говорит Василий сын Буслаевич:
«Ай же ты, матушка да рбдная,
Я вечор дома не ужинал,
Пошел да утром я не завтракал,
Дай ты мне ты пообедати».
Спрогбворил Василий сын
Буслаевич:
«Ай же ты, матушка родимая,
Сделал много я прегрешения,
Убил много голов бесповинных,
Я поеду в Еросблм-град
Святой святыне помолитися,
Христову гробу приложитися,
В Ердане-реке окупатися».

д) П р о сь б а В а с и л и я п у с т и т ь е г о в И е р у с а л и м
...А побежала-то к реки тут
Вблховой,
Ахватила да свое тут цядо милое
Под свою под правую под
пазушку...
Говорит Василий сын Буслаевич,
Говорит он своей-то матушке:
«Аще же ты, матушка родимая,
Я согрешил большое
прегрешеньце,
Ты спусти меня у Яросблм-град.
Ко христову гробу помолитися,
Ко христову телу приложитися».

Сильной Дунай Иванович
1901 г.

Женитьба князя Владимира
(Дунай Иванович) 1926 г.

а) З а ч и н

Как во славноем во городи во
Киеве
Да у ласкового князя
у Владимира,
Ласковой князь стольно-киевской
Завел-то он славный честный пер.
Пригласил всех князей, всех
бояринов,
Всех русьских могучих
богатырей
Пригласил всех к себи па
славный пир.
Все оны к перу съезжались,
Все оны на перу прибиралися,
Все на перу угощалися,
Все па перу принапилися,
Садились все в хмельном разуми.
Говорил тут князь стольно-
киевской...

б) П и с ь м о к н я з я

В л а д и м и р а

Садился к столу князь
ко честному,
Написал он письмо да грамотку,
Написал письмо, запечатывал,
Подавал Дунаюшку Иванову,
Говорил тут князь да таковы
слова,
Говорил Дунаюшки Иванову:
«Ай же ты, сильной
Дунай Иванович,
Как приедете во чарьство во
неверное
Ко тому ли королю да на широкий
двор,
Как придете в палату
белокаменну,
Как вы явитесь во теремы
высокые
Ко тому ли королю
Лихоимському —
Извольте подать ему письмо-
грамотку,
Вели сийчас принять да
распечатывать,
Читать про них, прочитывать.
Читать эту грамотку всю
с кончя».

а) З а ч и н

Во славноём во городи во Киеви
А у ласкового князя у
Владимира,
А ласковой-то князь да стольне-
киевской
В одну порушку да в одно
времячко
Завел-то он славною да честный
пир,
Открывал он честное
пированье.
Пригласил к себе князей да всех
бояринов
А и русьских могучих богатырей.
А все-то и па перу да
угощалися,
А все-то на перу да разгулялися,
Говорил тут князь да
стольно-киевской...

б) П и с ь м о к н я з я

В л а д и м и р а

Садился ко столу да он ко
честному,
Написал-то письмо да
запечатывал,
Подавал тогда Дунаюшку
Ивановичу,
Говорил при том да таковы слова:
«Ай же ты, Дунай да свет
Иванович,
Как приедите во царьство во
неверное
Ко тому ли королю да на
широкий двор,
Как вы зайдете к нему да
во палатушку,
Как вы явитесь к нему да
во высок терём,
Ты подай ему да эту грамотку
А вели п(ы)решпимать да
распечатывать,
А читать проси ты да
немедленно,
А ответ проси да поскорешенько
Отправляйтесь, голубчики,
живешенько!»

Кострюк

Г. ВАСИЛЬЕВ

а) З а ч и н

Царица крымская,
Дочь царя турецкого,
Красно снарядилася, хупаво,
Поехала во земли во русские
С Кострюком, с черкашениным,
Кострук-черкашенин
Тридцать лет воевал,
Пятьдесят борцов поборол,
Не мог своей силы узнать,
Плеча богатырского.

б) П р и е з д ц а р и ц ы
к р ы м с к о й и К о с т р ю к а
н а Р у с ь

Девушка крымская
Приезжала в чистое поле,
Шатры расставляла,
Коней добрых распускала,
Посылал прежде себя
Скорого гонца,
Чтобы царь Иван Васильевич
Улицы опаживал,
Двора очищивал,
Срегил бы девушку крымскую
С Кострюком-черкашениным.

в) В ы з о в б о й ц о в

Приезжала девушка крымская
С Кострюком с черкашенином
На царский двор,
Закрывала своим голосом:
«Есть ли борцы, удалые молодцы,
С Кострюком бороться?»
(*Борцов в это время нет*)
А только тогда случилось
С Пядинской земли,
С Важинской стороны
Два братца родимых;
Одного звали Федором,
Другого Михаилом.
Федор не хвастает,
А Михайла похваляется:
«Я с татариним бороться иду,
Я поганого отведали хочу».

г) Б о р ь б а с К о с т р ю к о м

Выходили на широкий двор
Михайла Иванович
С Кострюком-черкашениным,

СТАРУХА ИЗ ВЕЛИКОЙ ГУБЫ

а) З а ч и н

При нынешних при царях,
При досюлешних королях,
При блаженных памяти,
Царица-то крымская,
Паленица удалая,
Татарка удалая,
С Кострюком стоворилася,
С молодым подумилася
Ехать в землю российскую...
Они ехали-поехали.

б) П р и е з д ц а р и ц ы
к р ы м с к о й и К о с т р ю к а
н а Р у с ь

...до Москвы не доехали,
Среди поля приехали,
Среди поля чистого,
Среди луга зеленого,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые,
Привязали добрых коней...
Да послали скорого посла.

в) В ы з о в б о й ц о в

«...Ай же царь, Иван Васильевич,
Още есть ли у нас во дворе борцы,
Борцы добры молодцы,
С Кострюком поборотися,
С молодым подумитися,
Още силы отведати
И плеча богатырского?»
(*Кострюк идет к Грозному и
вызывает борцов*)
Уж они дети Андреевы,
Одного звали Фелькою,
А другого звали Мишкою.
Так Фелька-борец похваляется,
Мишка-борец нарывається.

г) Б о р ь б а с К о с т р ю к о м

Он Мишку раз потянет,
И Мишку другой потянет,
А Мишка не шатнется,

а) З а ч и н

Ай же ты, Кострюк-черкашенин,
Пятьдесят борцов побил —
Не мог своей силы отведати.

а) З а ч и н

Ай же ты, Кострюль-Бастрюль-
черкашенин,
Твоя сила была непокорная,
Тридцать лет воевал,
Не мог силушку отведати,
Плеча богатырского.

б) —————

б) П р и е з д ц а р и ц ы
к р ы м с к о й и К о с т р ю к а
н а Р у с ь

В одну пору, в одно времячко,
На том-то поли на Бóлхови
Назначено было битва татарская.
Строго было тогда приказано
У князя у Владимира,
Чтобы улочки распахивать,
Котлы навешивать,
Столы задвигивать,
Налаживать ества сахарные,
Наваривать пítья медвяные,
Кормить борцёв добрых мóлодцев.

в) В ы з о в б о й ц о в

Царица-то крымская
Она дочь царя турецкого
Приехала она
С Кострюком-черкашенином
Во славной-то, во славный Киев-
град:
«Мы сюда ведь не петь пришли,
Мы сюда ведь не пить пришли,
Есть ли у вас здесь борцы добры
мóлодцы

С Кострюком поборотися
Его силы отведати?»
(Послы едут в разные стороны
искать бойцов)

Остались одни два брата родимые:
Один был с поденной стороны,
Другой с Вашенской земли,
Одного зовут Федором,
А другого-то Михайлою.
А Федор-то не хвастает,
А Михайло похваляется:
«Я с татаринoм бороться хочу,
А татарина отведати хочу».

г) Б о р ь б а с К о с т р ю к о м

Прибежал Кострюк-черкашенин,
Прибежал он на съезжий двор.
Как Михайло-то тут рассрдится.

в) В ы з о в б о й ц о в

Царица крымская
Короля дочь турьского
Выходила на красно крылечко,
Рычала во всю голову:
«Есть ли там да добрых молодцев
С нашим Кострюком поборотися,
Плеча его отведати да
богатырского.»

Поехали татары поганни
На тою на битву татарскую!
Приехали добры молодцы
Один Важенеский,
Другой Вяземский.

г) Б о р ь б а с К о с т р ю к о м

...живу бы тебе на двор сойти,
Живу бы тебе со двора нейти,
Руки, ноги тебе выломать,

Как Михайла тут расхóдится,
Глаза-то ему выколол,
А и руки ему выкрутил,
Да и ноги-то выломал,
Да из платьев-то вытряхнул,
За сором рукой захватил,
А ушел по уходы государевы.

Да ясны очи выкопать,
Да из платьев бы тебе
повытряхнуть.

Приложение № 16 (продолжение)

Д. В. СУРИКОВА

Железной дощечкой призадвину
тебя,
Пропитомство кладу — овса
с водой,
Пусть-ко Дунай воспотешнитя
Ума-разума в головуку
побирается».

И. С. БОГДАНОВА

Распечатывал письмо да он
прочитывал,
Прочитывал-то граматку да всю
с коньца,
Говорит своим слугам верным:
«Ай же вы, слуги мои да и верныи,
Вы берите ключи да сталенные,
Отмыкайте-ко вы погребы
глубокне,
Отпирайте-ко вы ледники
холодные,
Посадите-ко Дунаюшка Иванова,
Не надолго посадите — на
тридцать лет!
Пускай-ко Дунай натуляется,
Ума-разума набирается...»

б) Дунай у короля
Ляховинского
(Лихоимьського)
Он повесил свою буйную
головушку,
Утонил свои ясныя очушки
А в тыи столки дубовыи,
В тыи мосты во кленовыи.
Здынул свою белую ручушку,
Ударил кулаком во столки,
Тут столки вси пороссынались,
Крыльца-церильца покосились.
Король по терему побегивает,
Куней шубой окрывает...
(Прибегают слуги и говорят королю,
что во дворе Добрыня побивает татар.
Король приказывает слугам):
«Бежите, слуги мои вёрные,

б) Дунай у короля
Ляховинского
(Лихоимьського)
В тую пору, в тую времячко,
Разгоралось у Дунаюшки
сердеченько,
Расходилась у Дуная сила
богатырская.
Вздынул как свои да ручки белые
Выше своей-то молодой головушки.
Уж он хряснул во столки
дубовыи,—
Дубовые столки в щель
прикололися,
А окошечки в стенах да вси
покосились,
А хрустальны стекольцы
прикололися,
Дубовы верей вси варяжайдали,

Д. В. СУРИКОВА

Отмкните тридевятъ замочки,
Ведите Опраксию Микуличну,
Мойте Опраксию белешенько,
Сокрутите ю хоропохоныко,
Посадите ю на добра копя,
Отпустите в земли святорусскши».

в) Ответ богатырки
Дунаю (после боя
в поле)
«Коли ты стал у меня
выспрашивать,
Я тебе буду высказывать:
Я есть земли ляховинской
Короля Микулы Ляховинския
Больша дочь Настасья
Микулична.
Приехали горланы
святорусьски,
Увезли мою сестрицу
родимую».

г) С м е р т ь Д у н а я
Убил Настасью Микуличну,
расплакался:
«Где пала лебедь белая,
Тут пади и ясной сокол».
Вынял с ножи свой вострой нож,
Поставил вострый нож на сыру
землю,
Тушым концом во сыру землю,
Вострым концем во белы груди:
«Где пала лебедь белая,
Тут протечи река Черная,
А где сильный Дунай, Дунай
сын Иванович,
Тут протечи матушка Дунай-река,
От нын и до века».

Н. С. БОГДАНОВА

А король-то за печку затуляется,
Куньей шубенькой король да
закрывается.
«Вы берите ключи да золоченые,
Отмыкайте-ко ларцы да окованныя,
А берите там цветныи платьяи,
Облачайте-ко Опраксию
Никулишну,
Одевайте, справляйте во
замужество,
Уздайте, седлайте коня доброго,
Отправляйте вы во Киев-град
За того ли то за князя за
Владымира,
А за князя туда да во замужество».

в) Ответ богатырки
Дунаю (после боя
в поле)
«Когда много стал ты спрашивать,
Наконец, буду я тебе
рассказывать:
Уж я есть-то Лизавета
Николаевна,
Короля дочь да Лихопмьского.
Как не знаешь ты великой
победушки,
А вчерашним божиим да денечком
Вот приехали-то руськши
богатыри.
Увезли мою-то сестрицу
родимую,
Увезли они Опраксию
Микулишну
Они ею во полон взяли,
Во полон може взяли да
обесчестили».

г) С м е р т ь Д у н а я
Расходилася вся сила
богатырьская.
Поставил тогда острейной нож
Тушым концем во сыру землю,
Вострым концем себи во белу
грудь,
Говорил при том да такыи
слова:
«Куда падет головушка Дунаева,
Иротеки-ко тут да Дунай-река,
Куда пала головушка Лизаветина,
Протеки поперек да речка
Черная.
А водушка с водой да не
мешайся-ко».

Добрыня и Алеша

Н. Ф. ДУТИКОВ

а) Упрек Добрыни своей матери

I. Свет ли государыня моя матушка.

(Рассказ о пире и похвальбе на пиру молодой женой)

V. Да распрогневался на меня солнышко Владимир стольне-кневской,

VI. Наложил на меня службу— неспособую—

Ехать в землю во татарскую,
Сбирать тут дани да и выходы,
Не за много, не за мало, за
двенадцать лет

Е. Б. СУРИКОВ

а) Упрек Добрыни своей матери

I. Ай же ты, родимая ты матушка,

II. Ты зачем меня, несчастного, спородила.

Уж как ты несчастного спородила.

III. А завернула бы в рукавицы полотняные,

А и выставила и меня на Сивбнь на гору,

А и бросила б меня во сине морé

(вар. А. Б. Сурикова)
Опустила бы меня во сине морé,

А и лучше бы я, добрый молодец, не рожен был

(Рассказ о пире и похвальбе на пиру молодой женой)

IV. V. А распрогневался на меня князь стольне-кневской.

VI. Посылает меня в земли во татарския,

Собирать дани-пошлины за двенадцать лет,—

А кто тым побывал, оттуда жив не приезжал...

Н. С. БОГДАНОВА

а) Упреки Добрыни своей матери

I. Ты не спрашивай, родитель моя маменька,

Ты не спрашивай меня да не выведывай,

Моему теперь ретивому сердеченьку

Не давай ты мне великой надзолушки!

II. Уж как ты меня, несчастного, спородила,

Зародила ты на свет меня несчастного,

Зародила неталанного,

Зародила ты на свет меня несмелого,

Зародила ты нерезвого,

Спородила ты меня да неудáлого!

III. Уж ты лучше и не бы меня да не родила бы,

Уж ты лучше во чрэви задавила бы,

Ты во сыром дубу ты меня да заморила бы,

Во синем море меня затопила бы,

Да на белый свет меня да не спустила бы.

Уж я лучше молодец не рожен был.

IV. Уж я лучше бы не рожен был,
Все бы лучше бы молодец не женен был,

Н. Ф. ДУТИКОВ

Е. Б. СУРИКОВ

Н. С. БОГДАНОВА

Уж и лучше бы на пер
неприглашенный был.

.....
(Рассказ о пире и похвальбе на
пиру молодой женой)

V. Рассердились тут ведь русские
богатыри,
На меня теперь на доброго на
млодця,
Насказали-то князю дай

Владимиру:
А и шцут соби да поединщика
наездники,
А нам ведь некого отправить е,
Окромe нам Добрыни свет

VI. Вот назначили меня теперь на
заставу

Ненадолго на двенадцать лет,
А ты бежи скорей во высок терем
Да скажи Настасье свет

Никулишной,
Если хочет увидать — пускай
сейчас придет,

А не хочет увидать — пускай
к окну не идет.

б) Отъезд Добрыни

VII. Видли добрых коней седучих,
А не видли поедучих.
Не путем поехали дорожкой,
А прямо через стену горбдовую, —

б) Отъезд Добрыни

VII. Только видели доброго молодца
сядучи,
Да не видели его поедучи.
VIII. Время идут, как реки текут,

б) Отъезд Добрыни

VII. Она видела Добрыню только
сядучи,
Не видала с широка двора поедучи
Не воротами поехал тут широкима,

Н. Ф. ДУТИКОВ

Одна кúревка в чiстом пбле
стоит

От тех копыт да лошадиных.

VIII. Ждали Добрынюшку по трi
году,
По трi году не могли дожdatися.

Е. Б. СУРИКОВ

Опосля Добрынюшки Никитича.

Н. С. БОГДАНОВА

Да скочил-то через стену
городовую.

От его пошли поездки
богатырские,

От коня пошли поступки
лошадиные,

А в чистом поле пыль столбом
стоит.

VIII. Тут отправился Добрынюшка на
заставу,

Он далече во чистó полé.

Уж и как стал да й Добрыня свет
на заставы,—

Тут неделя за неделей, будто
дождь дождит.

Месяцы идут, как ручей бежит,
А и времячко идет, как река

шумит,—
А не видно тут Добрыни из чиста
поля.

в) Возвращение

Добрыни

IX. Тут как сидит его родная
матушка

Во тереме высоком

Сама слезно да и

порасплакалась:

«Не пекло на меня красно
солнышко по шесть годов,

А пек на меня млад, светёл месяц,
Нынече и млад светёл месяц

закатается».

X. А подъезжает Добрынюшка

Микитин сын

в) Возвращение

Добрыни

IX. Тут Добрынина матушка

Села под косивчато окошечко

И заплакала унылым старым
голосом:

«Закатилось ты, красное мое
солнышко,

И не пекет-то больше цветён
месяц».

X. Со того полюшка со чистого

Бежит лошадка ступистая

Ко тому ко терему сиротскому,—

Приезжае удал добрый мблodeц.

в) Возвращение

Добрыни

IX. В тую пору, в тое времячко

Вот сидела родитель его

маменька

Во высоком злаченоем во тереме

Под косивчатым окошечком,

Ой смотрела во хрустальное
стеколышко,

Ай далече ты и смотрела во чистó
поле,

Тут ронила-то она-то слезы
горькие,

Поминала сына рóдного.

Н. Ф. ДУТИКОВ

Ко стольному ко городу ко
Киеву.

г) Поднесение чары

XI. А Добрынюшка Никитин сын
Наливал стакан да меду сладкого
И спустил он да свой злачён
перстёнъ,
Которым перстнём они да

обручались,

XII. «И пей, Настасья Микулична,
стаканчик и весь до дна,
увидишь ты много добра».

И она выпила стакан меду

сладкого

И прикатился перстень к устам

ее сахарным.

Тут сироговорит Настасья Мику-

лична:

«Не тот муж, который со мной да

за столом сидит,

А тот муж, который перед мною

стоит.

Ты прости ты, Добрынюшко

Микитич, меня в такой вины!»

Спроговорот Добрынюшка

Микитин сын:

«У бабы волос долог, а ум

кóроток,

Е. Б. СУРИКОВ

(г) Поднесение чары

XI. И наливал ей стакан да меду
сладкого:

XII. «Пей до дна,— так увидишь
добра,

А не выпьешь до дна,— не
увидишь добра».

Выпила стакан да меду сладкого,

Ко устам ее перстень прикатается

А перстень ей да обручённый.

Говорит она таковó словó:

«Ай же мы псовки — жены

российские.

Муж в лес за дрова,

А жена замуж пошла...

И возьми-ка ты жонку за желты́

кудри́

И бей-ка меня, женку, по

нагузку!»

Н. С. БОГДАНОВА

X. Наглядела там далеко во чистом
полю,

Как не черный ворон с поля
пурхае,

А л едет со чистá поля
наездничек,

Подъезжает ко ей широку́ двору.

г) Поднесение чары

XI. Стоял Добрыня на резвých ногáх,
Брал чашу во праву́ руку́,

Спускал туды злачён перстёнъ,
Которым перстнём с Настасьей

обручались,

Говорит Добрынюшка княгине

обручёной:

XII. «Ну, когда пригласили меня

ко столу ко чётному,

Ну пей теперь, княгиня

обручёная,

Пей ты чару зелена вина!

Если хочешь ты видать да добра

старого,

Выпивай-ко эту чару ты до

доньшка,

А если пьешь до дна,— узнаешь

добра,

А не пьешь до дна,— не видать

добра».

Взяла княгиня обручённая,

Взяла чáру во белú руку́,

Понабрала эту чáру во праву́

руку́,

Выпила эту чару да в единый дух.

Н. Ф. ДУТИКОВ

Муж в лес по дрова, баба и
замуж пошла...

Е. Б. СУРИКОВ

Н. С. БОГДАНОВА

Выпивала княгиня обручѣнная,
Выпивала чару зеленá винá,
Выпивала чару тут до доньшка,
Увидала там злачен перстень,
Каковым перстнем да обручалася,
Говорила тут она да таковы слова:
«Чѣлый век я не надеялась
Что ведь мой-то муж на сем свете
явится,
Да на мою теперь на свадебку
объявится.
Да распекло теперь праведное
солнышко,
На мою да победную головушку.
Да не тот мой муж, что со мной
сидит,
А тот мой муж, что супротив
стоит,
Супротив сидит да на меня
глядит».

.....
«Ай же ты да, мой-то муж,
Ты, Добрыня свет Никитич.
Ой ты во той винá да не
прощай меня,
Ты бери-ка шелкову плѣточку
Уж ты бей теперь меня до
смертельных ран!

д) Расправа с Алешей
XIII. Тут взял Алешу за желты кудри.
Почал по терему поваживать,
А почал гуселкамы охаживать.
А тут спроговорит Алешенька
Понов тот сын:
«А всякий на сем свете женится,

д) Расправа с Алешей
XIII. И хватъ Олешу за желты кудри
И начал-то Олешеньку за волосы
поваживать,
А гусельками по спине-то
охаживать.

д) Расправа с Алешей
XIII. Как хватал Олешу за желты
кудри,
ВЫдѣргал Олешу с-за стола
дубового,
Стал по терему Олешеньку
потаскивать,

Приложение № 17 (окончание)

Н. Ф. ДУТИКОВ

Только не всякому жонитьба
удадается.

Е. Б. СУРИКОВ

Н. С. БОГДАНОВА

Стал гусельками Олешу
поколачивать, —
У Олешеньки-то кости
заряжайдали.

Хоть и битой Олеша, только
смелой был,
Он ставал-то на резвы ноги,
Он садился ко столу тогда ко
честному,
Приклоня тут свою да буйну
голову,
Говорил тогда вот он да и таковы
слова:
«Ну вот всякой на сем свите
пожбнитсе,
Да не всякому жонитьба
удадается,
Удавалась Добрынюшке
Никитичу,
Не удаласи Иванушку
Годиновичу,
Хуже нет того — Олешеньке
Поповичу!
Видно, только-то Олешенька
женат бывая,
Верно столько-то Олешенька
с женой сыпал».

КАЛИНИН

- а) Рассылание богатырей
Испроговорит Владимир стольне-
киевской:
«Ай же вы, три русьских могучих
богатыря!
Старый казак да Илья Муромец,
Вы съездите-тко в Каменную Орду,
В Каменную-то Орду, в большу
землю,
Повыправьте-тко дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать
лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Съездите-тко вы да не в большу
землю
Там повыправьте-тко дани-выходы
За двенадцать год и за тринадцать
лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Третий могучий богатырь да
Михайло Потык сын Иванович,
Ты съезди-тко в землю во
Подольскую,
Там повыправь-ко ты дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать
лет,
За тринадцать лет да с половиною».
- б) Состязание с королем
Испроговорит царь Бухарь
заморский:

Михайло Потык

ЧУКОВ

- а) Рассылание богатырей
Испроговорил Владимир
стольне-киевской:
«Ай вы, эй вы, князь-бояра!
Как нечем мне, Владимиру,
похвастати:
Нету у меня да золотой казны,
Ты, первый русьский славный
богатырь,
Старый казак Илья Муромец!
Съезди-ка ты да в Золоту Орду
Повыправь-ка мне дани-выходы
За двенадцать год, тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
А ты другой русьский славный
богатырь,
Молодой Добрыня сын Микитинич!
Съезди-ка ты да во Турецию,
Повыправь-ка там дани-выходы,
За двенадцать год и за тринадцать
лет.
Третий русьский славный богатырь
Ты, Михайло Потык сын Иванович!
Съезди-ко ты да во Швецию
А повыправь-ко там дани-выходы
За двенадцать год и за тринадцать
лет...»
- б) Состязание с королем
Говорил Бухарь-то царь заморския:
«У вас чем в России забавляются,

КАСЬЯНОВ

- а) Рассылание богатырей
Говорил тут Владимир
стольне-киевской:
«Еще нечем мне, Владимиру,
похвастати:
Нет у меня да золотой казны.
Еще первой русский сильный
могучий богатырь
Старый казак да Илья Муромец,
Съезди ты да в Золоту Орду,
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною.
Еще другой русский сильный
могучий богатырь
Ты, Михайла Потык сын Иванович,
Съезди ты во Турцию,
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною.
Еще третий русский сильный
могучий богатырь
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Съезди ты во Швецию
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною».
- б) Состязание с королем
Тут Бухарь-то царь заморский,
Он с тоя великия со радости,

КАЛИНИН

(Марья Лебедь Белая узнает Михаила и подносит ему сонное зелье.)

Мблода Настасья Королевична
По поясу бросилася в окошечко:
«Михайла Потык сын Иванович!
Выпьешь чару нунь же ты да зелена
вина,
Где выпьешь, тут же в сон заснешь.
Будет ти отсечь она твоя да буйна
гблова

А твоей же тут да саблей вострою». *(Михайла рубит голову Марье и хочет срубить голову королю.)*

Упросила тут Настасья-королевична:
«Михайла Потык сын Иванович!
Не рубит-тко ты родителю да буйной
гболовы,
За его было поступки неумильнии,
Не разорп-тко ты да земляной
Литвы».

(Михайла выполняет просьбу Настасьи и вместе с ней едет в Киев.)

Стал же с ней да век корбтати.
Стал же строить он две церкви
две соборных:

Перву церковь он соборную
Строил он спасителю.

Другу церковь он же строил да
соборную —

Матушки да пресвятою богородици
И Миколы он был святителю.

Тут Михайлы Потыку сыну
Иванову славу поют.

Михайло и Потык

ПЕТР ПРОХОРОВ (Толвуй)

(Марья Лебедь Белая узнает Михайлу и подносит ему вина забудуцегоб.)

И Настасья Королевична
Отпирает свое окошечко,
Кричит-зычит женским голосом:
«Михайло Потык сын Иванович!
Не прими ты чару единой рукой,
Да не выпей чару единым духом,
А убей ты русскую красавицу
Марью Лебедь Белую...»

(Михайла рубит голову Марье и хочет срубить голову королю.)

А выходит-то Настасья-
королевична,
Захватила Михайлу Потыка, сына
Иванова.

И начала его уговаривать:
«Ай же ты, Михайла Потык сын
Иванович,

А не убей-ко ты моего батюшка,
А поедем мы с тобой ко городу ко
Киеву,

Примем с тобой по злату венцу». *(Приехали ко городу ко Киеву, Они приняли по злату венцу)*

С Настасьей Королевичной.
Михайло Потык сын Иванович,
Состроил он церковь-ту Миколину
Своему ангелу Михайлу-архангелу.

ТИМОФЕЕВ (Толвуй)

(Марья Лебедь белая узнает Михайлу и подносит ему зелья лютого.)

Глядит в этом косевчато окошечко
Молода Настасья Королевична:
«Ай же ты, Михайло Потык сын
Иванович!

Погляди-тко ты на рученьку на
правую,
Зглянь-ко ты на рученьку на левую!»
Зглянул тут Михайла на рученьку
на правую,

Зглянул тут Михайла на рученьку
на левую,

Увидел тут Михайла на своих руках,
Что были у него раны превеликии.
Спомнил тут он прежний завет-то
свой,

Кидал он эту чару зелена вина,
Зелена вина да на сыру землю,
Хватил тут Марью Лебедь белую,
королевичну,

Кидал он Марью о сыру землю.

Дюк Степанович

КАЛИНИН

- а) Первая похвальба Дюка
1. А сказали было: Киев-град в чести
в добрый!
 2. Ай же в Киеве да не по нашему
Посланы мосты да все кирпичныи,
 3. Сыпаны пески да рудожелтыи.
 4. Пали дождики великии,
 5. Измочили тут пески да рудожелтыи,
 6. Измарал-то я сапожки да зелен
сафьян.
- А у нас было в Индеи во богатые,
А у нас было в Корелы во проклятыи
Все же стланы мостики дубовыи,
Поверху было да сукна одинцовыи.

б) Описание Индии богатой

Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Михайло Потык сын Иванович
Коротали тут в дороге да три месяца,
А подходят под Индею-то богатую...
Усмотрели тут Корелушку да
проклятую.
Вся Индея что ли нас да перепаласи,
Вся Индея вдруг да загореласи?

ЧУКОВ

- а) Первая похвальба Дюка
1. Я слышал от родителя от батюшка,
1. Что Киев-град очень красив-добрыи,
 2. Ажно в Киеве у нас да не по-нашему:
Церкви все у вас да деревянныи,
У вас маковки на церквах все
осиновыи,
 3. Мостовые у вас черною землею
пзасыпаны,
 4. Их подлило водою тут дождевою,—
 5. Сделалась грязь-то по колену ди,
 6. Замарал я сапожки-ты зелен сафьян.

б) Описание Индии богатой

Как поехали в Индею во богатую,
Не доедуци Индеи богатые,
Выстали на гору на высокую
Увидли Индею богатую,
Сами говорили таково слово:
«Знать, что молодой боярин Дюк
Степанович,
Он послал туды восточку нерадостную,
Чтоб зажгали Индею ту богатую.
Горит Индея та богатая!»

КАСЬЯНОВ

- а) Первая похвальба Дюка
- «Я слышал от родителя от батюшки,
1. А что Киев очень красив-добрыи,
 2. Ажно в Киева все не по-нашему:
Церкви у вас деревянныи,
А маковки на церквах да осиновыи,
А у нас ли во Индеи во богатые
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбелены,
На церквах-то маковки самоцветныи,
По домам-то крышечки золоченыи,
 3. Мостовыи рудожелтыма песочками
приусыпаны,
Сорочинския суконца
приразостланы —
 6. Не замараешь тут сапожков
зелен сафьян».

б) Описание Индии богатой

Как приехали под Индею под
богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увидли ту Индею да богатую,
Сами говорят да таково слово:
«Как молодой боярин Дюк
Степанович
Знать послал он восточку к своей
матушке,
Что зажгана Индея та богатая!»

1 Цифры указывают совпадающие строки цитируемых вариантов.

КАЛИНИН

{ А подходят под Индею под богатую,
 А подходят под Карелу под
 проклятую,
 Думали Индея перепаласи,—
 Ажно их Индея не спугаласи,
 Вся Индея тут стоит-да у них
 в золоти,
 А й полаты тут у них да
 белокаменны,
 Столбики у них были точеныи,
 Крышки-ты у них да золоченыи.
 Выходят тут оны до сре́ди города
 А к той было Мамельфы Тимофеевны
 К ей же нуь полатам белокаменным
 Наедалиси они да было дб сыти,
 Напивалиси оны да было дб пьяна,
 Стали тут богатыри одбо́х держать,
 Спали тут богатыри трой сутки.
 А по той же по Индеи по богатоей,
 А по той же по Карелы по
 проклятоей
 Протекала река да было с золотом.

ЧУКОВ

{ Как подъехали они поближе, тут
 Увидели Индею богатую:
 Там крышечки в домах золоченыя,
 У них маковки на церквах
 самоцветныя.
 Приезжали ко Дюку ко Степанову,
 К его государыни ко родной
 матушки,
 Идут они по улицы по ш́ирокой,
 Мостовыя рудожелтыма песочками
 изнасыпаны,
 Сорочинския суконца приразостланы,
 Не замараешь-то сапожков зелен
 софьян,
 Идуцись во церковь во божию.
 Приходят в полаты белокаменны.

 Говорила Дюковая матушка:
 «Вы, эй, мужики, вы, обценщики,
 Вы скажите-ко солнышку
 Владимиру:
 На бумагу-ту пушай-ко-то продает
 Киев-град.
 На чернила-ты продает весь
 Чернигов-град,
 И тожно пусть приедет
 животишечков описывать».

 { Повывела она их на широкий двор:
 И течет тут струйка золоченая,—
 Тут они не могли и вовсе сметы дать.

КАСЬЯНОВ

Как приехали в Индею ту богатую,
 А тут церкви были все каменныя,
 Стены известочкой отбелены,
 На церквах маковки самоцветныя,
 На домах крышечки да золоченыя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками
 приусыпаны,
 Сорочинския суконца приразостланы.
 Вот зашли они в полаты
 белокаменны

 { Потом вывела на улицу да на
 ш́ирокую
 Течет-то струйка золоченая,
 И тут они не могли и сметы дать.
 Сама говорила таково слово:
 «Ай же вы, мужички, да вы,
 оценщики,
 Поезжайте вы ко граду ко Киеву,
 Ко тому ли ко князю ко
 Владимиру,
 Вы скажите-тко князю Владимиру:
 Он на бумагу продает пусть
 Киев-град,
 А на чернила продает весь
 Чернигов-град,—
 А тогда приедет животишечков
 сиротских описывать».

Приложение № 23 (окончание)

Говорила Василиста дочь
Никулична:
«Нам не честь хвала да
молодецкая,
Что ли вбровски уехать нам
со Киева.
А поедем-ко мы свадебки
доигрывать.
Все князі да бъяра нунь
повыманены,
Солнышко Владимир да с ума
сведен».
Накрутилась тут она да е
посланником,
Приезжает тут она ко городу
по Киеву,
А ко ласковому князю ко
Владимиру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владимира тут
спрашивают..
*(Из-за чего был посажен в тюрьму
Ставер? Владимир отвечает: из-за
похвальбы женой. Василиса ему
говорит:)*
«Выдаваешь ты девчину сам и
за женщину,
А за тую за Ставрову
молоду жену,
А за тую Василису за
Никуличну».

*(Из-за чего был посажен в тюрьму
Ставер? Владимир отвечает: из-за
похвальбы женой. Василиса ему
говорит:)*
«Выдавать девчину сам за
женщину,
За меня-то Василису за
Микуличну».

Приложение № 24

Молодец и Королевична

ЧУКОВ

КАСЬЯНОВ

а) За п е в и з а ч и н
Кабы на соловия
Не зима бы студеная
Не морозы бы были
крещенские,
Не летал бы я, соловей,
По мхам, по болотечкам,
По частым наволокищам.
Кабы да й на молодца
Мне не служба государева,
*(Не наборы бы были
солдатские)*
Не ходил бы я, молодец,
По чужой я, по дальней
стброны,
По тыя бы по Свирской украинны,
Протол молодец из орды в
орду,
Зашол молодец к королю в Литву.

а) За п е в и з а ч и н
Кабы на соловия не зима бы да
студеная,
Не морозы бы да ведь крещенские,
Не летал бы я, соловей, по
мхам, по болотицам,
И по частым по наволочищам.
А как на молодца да не служба б
государева,
Не наборы ведь солдатские,—
Не ходил бы молодец по
чуждой дальней по сторонущке,
А по той по Свирской по
украине,
Вот пошел молодец из земли
в землю,
А зашол молодец к королю в
Литву.

Добрыня и Змей

КАЛИНИН

а) З а ч и н

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:

«Ах ты, душенька Добрыня сын
Никитич,
Ты не ездит-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых
змиенышов,
Не выручай же по́лону там русьского,
Не куплись-ко ты во матушке
Пучай-реки;

Тая река свирипая,
Свирипая река, сама сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь
сечет,
Из-за дрúгой же струйки искра
сыплется,
Из-за третьей же струйки дым
столбом валит,
Дым столбом валит да сам со
пламенью».

б) В т о р о й б о й Д о б р ы н и
И выходит тут Змея было проклятая,
Да из той было пещеры из змеиною
И сама тут Добрыни испрогóворит:
«Ах ты, душенька Добрынюшка

Никитинич,
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нуь на гору
Сорочинскую,
А топтать же мóих маленьких
змиенышов».

ЧУКОВ

а) З а ч и н

Добрынюшке-то матушка
говаривала,
Да и Микитичу-то матушка
наказывала:

«Ты не ездит-ко далече во чисто полё,
На ту́ю горó да сорочинскую,
Не топчи-ко млáдых змиенышов,
Ты не выручай-ко полонов да
русьских,
Не куплись, Добрыня, во
Пучай-реки,

Но Пучай-река очень свирипая,
Но серéдня струечка как огонь
сечет».

б) В т о р о й б о й Д о б р ы н и
Выходила как Змея она проклятая
Из ты́я норы да из глубокия,
Сама говорит да таково́ слово:
«Ай ты, эй, Добрынюшка

Никитинич,
Ты знать нарушил свою заповедь,
Зачем стóптал младых змеенышов,
Почто выручал полоны да русьский?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, эй, змея да ты проклятая,

КАСЬЯНОВ

а) З а ч и н

Добрыне говаривала родна́
матушка:

«А что молод начал ездить во чисто
поле,
А топтать-то младых змеенышев,
Выручать-то полонов да русьских,
Не куплись, Добрыня, во

Пучай-реки,
Пучай-река да веть великая,
Средняя струя-то как огонь сечет».

б) В т о р о й б о й Д о б р ы н и
Выходило змеищо Горынчищо,
Выходила змея да та проклятая,
Сама говорит да таково́ слово:
«Как у нас с тобой была заповедь

положена,
Чтоб не ездить тебе боле по чисто
полé,
Не топтать-то младых змеенышов,
Моих-то рожоных малых детушок».
Испрогóворит Добрыня сын
Никитинич;

КАЛИНИН

Говорит же тут Добрынюшка

Никитинич:

«Ай же ты, змия проклятая,
Я ли нунь нарушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну,
Ты отдай-ка мне Забаву дочь

Потятичну

Без бою, без драки-кроволития».

Не отдавала она без бою, без драки-
кроволития,

Заводила она бой-драку великую.

Да большое тут с Добрыней

кроволитиё,

Бился тут Добрыня со Змеей трой
сутки,

А не може он побить Змею

проклятою,

Наконец хотел Добрынюшка

отъехати,

Из небес же тут Добрынюшка да
глас гласит:

«Ах ты, молодой Добрыня сын

Никитинич,

Бился со Змеей ты да трой сутки,
А побейся-ко со Змеей да еще три

часу».

Тут побился он, Добрыня, еще три
часу,

А побил Змею да он проклятую,

Попустила кровь свою змейную,

От востока кровь она да вниз до
запада.

ЧУКОВ

Чёрт ли ты нес да через Киев-град.

Ты зачем взяла князеву

племянницу,

Молоду Забаву дочь Потятичну?

Ты отдай же мне князеву

племянницу,

Без бою, без драки-кроволития».

Тогда Змия она проклятая,

Говорила-то Добрыни да Никитичу:

«Не отдам я тебе князевой

племянницы,

Без бою, без драки-кроволития».

Заводила она бой-драку великую,

Оны дрались со Змеею тут трой

сутки,

Но не мог Добрыня-от Змею

перебить,

Хочет тут Добрыня от Змею отстать,

Как с небес Добрыни ему глас

гласит:

«Молодой Добрыня сын Никитинич,

Дрался со Змеёю ты трой сутки,

Подерись со Змеей еще три часу,

Ты побьешь Змею да ю проклятую».

Он подрался со Змеею еще три часу,

Он побил Змею да ю проклятую,

Тая Змея она кровью пошла.

КАСЬЯНОВ

«Ай же ты, змея да ты проклятая,

А черти ль тебя несли да через Киев,

Зачем ты взяла князеву племянницу

Молоду Забаву дочь Потятичну?

Ты отдай без брани, без бою-

кроволития».

Испроговорит змея да проклятая:

«Не отдам тебе без брани-

кроволития».

Они тут дрались да цело по три дня.

Приложение 25 (окончание)

в) Добрыня отвозит Забаву
в Киев

Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А сажил же он Забаву на правó

А поехал тут Добрыня по чистú
стегиб,
полю,

А везет же он, Добрыня, по чистú
полю,

Он наехал во чистом поли да
ископыть,

Ископыть да лошадиную,
А как стульями земля да

проворочена.
Тут поехал нуць Добрыня сын

Никитинич
Той же ископытью лошадиною,

Он увидел тут Алешеньку
Левонтьева.

«Ай же ты, Алешенька
Левонтьевич!

Ты прими от нас Забаву дочь
Потятичну,

Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими, Алешенька, во

честности,
Не стыди-тко ей да личка белого,—

Ты пристыдишь ей да личко белое,
Мне-ка-ва она да тут пожалится,

Я те завтра тут, Олешка, голову́
срублю!

А свези-ко ты к Владимиру во
честности

К солнышку ко князю стольно-
киевску».

в) Добрыня отвозит Забаву
в Киев

Повез молоду Забаву дочь Потятичну
На тыя путь широкóй дороженьки.

Увидал он брод да лошадиный,
По колен было у лошади да в землю
грязну-то,

Он догнал Олешеньку Поповича,
Сам говорил да таково словó:

«Ты, эй, Олешенька Левонтьевич,
Ты возьми-ко эту князеву

племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Отвези-ко к солнышку да ко
Владимиру,

Ко Владимиру да ты во целости.
Я поеду этим бродом лошадиным».

в) Добрыня отвозит Забаву
в Киев

Он взял князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Он отдал Алешеньке Поповичу
Свезти ее да в Киев-град.
Ко солнышку ко князю ко

Владимиру,
А сам увидел лошадиный брод,

По колен-то у Бурки да ноги
грязнули...

КАЛИНИН

Заиграет тут в гусельшка яровчаты
 А на той было на печки на
 муравленой.
 А играет-то Добрынюшка во Киеви,
 А на выигрыш берет да во
 Цари-гради.
 А от старого да всех до малого
 А повиыграл пойменно.
 Все же за столом да призадумались,
 Все же тут игры да прислухались,
 Все же за столом да испробоворот:
 «А не быть же нунь удалой
 скоморошины,
 Быть же нунь дородню добру
 мблодцу,
 Святорусьскому могучему богатырю».

в) Речь Добрыни

Говорит же тут Добрыня сын
 Никитинич:
 «Не дивую я тут разуму да
 женскому,
 У ней волос долог, ум короток,
 А я дивую нунь же солнышку
 Владимиру
 Со своей было княгинсю:
 Он же, солнышко Владимир
 стольне-киевской,
 Он же был да сватом ли,—
 А княгинушка да свахою,—
 От живого мужа женушку замуж
 берут, просватают».

ЧУКОВ

Ты струночки да золочены.
 Он учал по стрункам похаживать,
 Да он учал голосом похаживать.
 Играет-то он ведь во Киеви,
 А на выиграш берет во Цари-гради.
 Он повиыграл во граде во Киеви,
 Он во Киеви да всех поименно,
 Он от старого да всех до малого.
 Тут все на пиру игры заслухались,
 И все на пиру призамолкнулись,
 Самы говорят да таково слово:
 «Солнышко Владимир
 стольне-киевский.
 Не быть это удалой скоморошины,
 А какому-нибудь надо русьскому,
 Быть удалому да добру молодцу».

в) Речь Добрыни

Говорил Добрыня сын Никитинич:
 «Не дивую разуму я женскому:
 Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
 У них волос долог, да ум короток.
 А дивую я солнышку Владимиру
 Со своей княгиней со Опраксией:
 Что солнышко Владимир тот
 сватом был,
 А княгиню-то Опраксия да была
 свахою.
 Они ў жива мужа жбну да
 просватали».
 Тут солнышку Владимиру к стыду
 пришло.
 Он повесил свою буйну голову,

КАСЬЯНОВ

На тыи ли на струночки да
 золочены.
 Стал он во струночкам похаживать,
 Стал он голосом-то ведь
 похаживать,
 А как в карты играет во Царс-градé,
 Он выигрыш берет да все во Киеви,
 Он от старого всех да до малого.
 Только вси на пиру да
 призамолкнули,
 Самы говорили да таково слово:
 «Это не быть удалой скоморошины,
 А какому-либо русьскому могучему
 богатырю».

в) Речь Добрыни

И проговорил Добрыня сын
 Никитинич:
 «Не дивую я разуму женскому;
 У них волос долог, ум короток,
 Их куда ведут, они туда идут,
 Их куда везут, они туда едут.
 А дивую я князю Владимиру,
 Что князь-то Владимир ходил
 свататься,
 А княгиня-то Опраксия да свахою
 У живого мужа жену просватали».
 Тут князю Владимиру ко стыду
 пришло.

В. И. ЧИЧЕРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Публикуемая монография известного советского фольклориста Владимира Ивановича Чичерова (1907—1957) была задумана и осуществлена как диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Успешная защита ее состоялась 30 июня 1941 г. в Московском государственном институте философии, филологии, истории и литературы им. Н. Г. Чернышевского. В послевоенные годы автор ознакомил широкую научную общественность с некоторыми идеями своего исследования в статье «Сказители Онего-Каргопольщины и их былины»¹. К диссертации примыкает другая статья Чичерова — «Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского»². Автора не оставляла мысль об издании всего труда. К 1949 г. он был им подготовлен для издания в Петрозаводске под редакцией А. М. Астаховой, но публикация не состоялась. Работа, долгое время остававшаяся неизвестной широким научным кругам, хотя и вошла в историю фольклористики³, теперь лежит перед читателями, и они сами могут оценить ее достоинства.

В научном наследстве ученого «Школы сказителей Заонежья» — первый академический труд, столь же значительный, как и созданная им позднее капитальная работа «Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований)», и курс лекций «Русское народное творчество».

Диссертация подытожила многолетнюю работу Чичерова по осмыслению песенно-эпического фольклора русского Севера. Еще во время учебы на литературно-лингвистическом отделении Второго Московского государственного университета (позднее Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина), студентом старших курсов, Чичеров участвовал в известной экспедиции братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых в Онежский край и другие районы Севера (1926—1928). Собрание былин, исторических песен, баллад определило научные интересы

¹ Чичеров В. И. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины. — В кн.: Онежские былины/Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова; Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. М., 1948, с. 32—65. (Летописи Гос. литературного музея; Кн. 13).

² Чичеров В. И. Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского. — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1946, 1, с. 74—76.

³ См.: Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 251 и др.

исследователя. С течением времени он делается тонким ценителем и знатоком эпоса. Обдумывая диссертацию, в конце 30—40-х годов Чичеров завершает работу, начатую Б. М. и Ю. М. Соколовыми по научному обобщению результатов экспедиции. Ученый заново просматривает тексты былин, записанные в 1926—1928 гг. На титуле опубликованных «Онежских былин» (выход помечен 1948 г., но сборник появился с некоторым опозданием) точно указана мера участия Чичерова в работе над сборником: «подготовка текстов к печати» в согласии с принципами научной редакции, которые принадлежали Ю. М. Соколову. Многие из сведенных, перебеленных текстов во время кочеваний сборника из одного научного учреждения в другое были утрачены, и в 1938—1939 гг. Чичеров восстановил их по сохранившимся полевым тетрадам. Опубликование сборника — важное приобретение современной фольклористики. С полным правом в научном обиходе сборник именуется как общий труд Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова.

В монографии «Школы сказителей Заонежья» встречаются многократные ссылки на полевые записи экспедиции 1926—1928 гг., приводятся обширные выдержки из рукописи еще не изданного в ту пору сборника. В сопоставительные таблицы, предусматривающие сравнительный анализ записей былин А. Ф. Гильфердингом и П. Н. Рыбниковым, во многих случаях введены и записи, произведенные во время упомянутой экспедиции. Этот факт по-своему согласуется с установкой руководителей экспедиции пройти «по следам Рыбникова и Гильфердинга» и уяснить, что произошло с эпическим фольклором ко времени его новой записи⁴. Однако эта цель не определила направления всего исследования Чичерова. Отправным моментом для него послужили соображения, высказанные Гильфердингом, например, в статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды».

Знаменитый собиратель, говоря о творческой преемственности, существующей между певцами былин, писал: «На Кенозере я встретил двух замечательных сказителей, которые заимствовали былины от одного и того же учителя: это — Иван Сивцев, по прозванию Пбромской, который выучился петь былины от своего отца, и Петр Воинов, ученик того же старика Пбромского, у которого он жил в работниках. Если сличить былины, с их слов записанные, то сейчас заметишь, что они весьма сходны по содержанию, но значительно разнятся в подробностях изложения и оборотах речи»⁵.

Для характеристики творческой преемственности в сказывании былин Гильфердинг употребил понятие «школа». Этим понятием он указал на сходство, существующее между былинами в исполнении разных певцов. Сходство возникло в результате непосред-

⁴ См.: Соколов Ю. М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 годов. — В кн.: Онежские былины, с. 4 и др.

⁵ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. — В кн.: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб., 1873, с. XXVI—XXVII.

ственного перенесения былин певцами друг у друга Конкретные наблюдения над манерой исполнения былин Гильфердинг обобщил в тезисе: «Каждая былина вмещает в себе и наследие предков и личный вклад певца, но, сверх того, она носит на себе и отпечаток местности»⁶. Собиратель указал на существование повенецко-толвуйской и кижской «школ»⁷. В существовании школ у певцов других мест, в частности у пудожских, Гильфердинг сомневался: «... сказителей можно соединить по местности в группу, но нельзя назвать одной школой»⁸. Свои сомнения Гильфердинг во многом объяснял недостаточной полнотой сведений о певцах, отсутствием записей, но допускал, что «источники» былин у певцов могли быть и разными.

Чичеров всецело руководствовался приведенными высказываниями Гильфердинга. Сохранился размеченный Чичеровым экземпляр первого издания «Онежских былин»: в нем выделены указанные суждения Гильфердинга и сделаны замечания относительно сказительских школ и преемственности певцов в исполнении былин. Против суждения о делении певцов на две большие группы по местности, прилегающей к Онеге (по географической терминологии Гильфердинга, «прионежской»; по-старинному, «обонежской», и, по-местному, «заонежской») и к местности, обнимающей окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши, Чичеров написал на полях книги своим характерным, «редакторским» почерком: «Для назв <ания> темы» — и пометил это место тремя чертами.

Исследователь имел полное право сказать о том, что осуществленный им труд — «первый опыт» изучения творческих школ мастеров сказывания былин. Оценка не покажется преувеличенной, если принять во внимание общий, так сказать, гипотетический характер суждений Гильфердинга о школах песенно-эпического сказительства. Собиратель допускал возможность уточнения своих суждений. Характеристикой школ сказителей, живших на большом полуострове Онежского озера, который, как уже замечено, в народе именовался Заонежьем, и в особенности рассмотрением школ пудожских и кенозерских сказителей, Чичеров уточнил общие черты, по которым возможно дифференцировать искусство певцов былин на русском Севере. Предметом изучения в диссертации сделались три школы: елустафьевско-рябининская школа, школа Конона с Зяблых Нив и космозерская школа. Эти три типа былинного сказительства сосуществовали в непосредственной близости друг от друга.

Прежде чем характеризовать приемы, которыми пользовался Чичеров в своих разысканиях, необходимо отметить существование у него исходных идей как исследователя былин вообще. Это важно для того, чтобы труд ученого не показался работой на ограниченную, локальную тему. Припомним некоторые общие сужде-

⁶ Там же, XXVIII.

⁷ «... Можно прионежских рапсодов разделить на две, так сказать, школы — кижскую и толвуй-повенецкую» (там же).

⁸ Там же, с. XXX.

ния Чичерова об историческом происхождении эпоса. Эти суждения предшествовали написанию диссертации и определили ее характер, в особенности содержание первой главы «Север — хранитель былин».

В 1936 г. Чичеров опубликовал рецензию на сборник «Эпическая поэзия», открывший малую серию известной «Библиотеки поэта». В сборник, подготовленный А. М. Астаховой и Н. П. Андреевым, были включены образцы былинного эпоса, исторических песен и баллад. В целом высоко оценив этот сборник и работу составителей (их статьи и примечания к текстам), Чичеров считал необходимым подчеркнуть самую тесную связь былин, исторических песен с бытом средневековой Руси: «Произведения, созданные в Киевской Руси, рисуют старшую и младшую дружицу, военный быт феодала... Былины Великого Новгорода, запечатлевшие его положение в Ганзейском Союзе и быт новгородцев, воспевают его богатство, с которым не мог бороться даже гусяркупец Садко, пользующийся покровительством самого Морского царя»⁹.

Наряду с точкой зрения историка Чичеров обнаружил и подход филолога-словесника, знающего, как важно считаться с художественной природой фольклорного произведения. «С историческими лицами и фактами, — писал Чичеров, — былины связываются далеко не всегда». Чичеров признавал важным «принимать во внимание их (т. е. песенно-эпических произведений. — В. А.) мифические основы». Говоря об «основах», Чичеров не шел дальше установления факта мифической образности в былинах, к примеру в былине о Садко и Морском царе, и, между прочим, очень удачно истолковал существо ее сюжетного действия: пользующийся покровительством Морского царя, Садко не может спорить в богатстве с Новгородом. Таким образом, уже первое выступление в печати обнаружило в авторе соединение качеств историка и филолога. Удачное сочетание этих свойств позволило исследователю и в дальнейшем глубоко осмысливать общие и частные вопросы былиноведения.

Заметим, однако, что точка зрения историка, несомненно единственно правильная, была заметно ослаблена воззрением, широко распространенным в те годы, будто бы народны только поздние варианты былин, будто бы они дошли до нас лишь «в творческой переработке крестьянства», а не в том виде, в каком изначально существовали. Не сразу, но весьма определенно в последующее время Чичеров пересматривал этот взгляд на происхождение былин. Чем дальше углублялся исследователь в анализ эпоса, тем больше он укреплялся в мысли, к которой издавна шел, — о первоначальной народной основе эпоса, но окончательный вывод об этом был сделан позднее.

Лит. газ., 1936, 20 сент. (№ 53). Рец. на кн.: Эпическая поэзия/Общая редакция М. К. Азадовского; Статьи, редакция и примечания А. М. Астаховой и Н. П. Андреева. Л., 1935. (Библиотека поэта. Малая серия; № 1.)

Рубежом, отделяющим прежние взгляды исследователя от новых, явилось обсуждение происхождения эпоса на страницах печати в связи с критикой постановки пьесы Демьяна Бедного «Богатыри» в московском Камерном театре. Много лет спустя, уже в 50-е годы, Чичеров писал о том, что «вторая половина 30-х гг. в истории советской фольклористики предстает важной вехой на пути к овладению марксистской методологией»¹⁰. Осознание ошибок в истолковании социально-классового происхождения былилин и исторических песен позволило подойти к решению проблем генезиса эпоса с иных, чем прежде, позиций. Новизна в решении вопросов истории эпоса не была навязана науке: она шла и от внутреннего голоса ученых — в особенности тех, которые непосредственно ощущали глубокую народность былилин, зная их не по книгам, но по опыту собирания. К числу их, несомненно, относится и Чичеров.

Кандидатская диссертация ученого «Школы сказителей Заонежья» — важный этап на пути к этому новому пониманию былилин. Внутренняя тема труда — непосредственная народность песенно-эпического творчества. В качестве эпиграфа к диссертации Чичеров взял слова своего учителя Б. М. Соколова о «простых крестьянах» северных деревень — «хранителях старинного художественного наследия»¹¹. Мысль об этом определила содержание страниц, открывших монографию. По определению автора, былилина — «отражение истории в поэзии *народа*» (курсив мой. — В. А.). В подтверждение тезиса о непосредственной народности былилинного творчества Чичеров излагает принятые в науке 30-х годов и во многом не утратившие своего значения до настоящего времени понятия о географическом распространении русского эпоса со ссылкой на известную статью В. Ф. Миллера¹², об исторических причинах, приведших позднее к сосредоточению былилин в северной части России, о сильном новгородском влиянии на песенно-эпический репертуар северных крестьян, влиянии, не исключавшем и культурного воздействия Москвы. Однако всего подробнее в главе речь идет о непрофессиональном искусстве крестьян и профессиональном творчестве скоморохов, причем в скоморохах исследователь видит выразителей «оппозиционных настроений народных масс», оппозиционных по отношению к светским и духовным верхам. «Как видно, — заключает автор, — на русском Севере существовала прочная традиция народного искусства». Для Чичерова несомненны народность исконных традиций былилинного творчества, равно как и древность их, теснейшая связь

¹⁰ Чичеров В. И. Итоги работ и задачи изучения русских былилин и исторических песен. — В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958, с. 18.

¹¹ См.: Соколов Б. М. Сказители. М., 1924, с. 16.

¹² См.: Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былилин. — Журн. мин. нар. просв., 1894, № 5; Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. I, с. 65—96.

с бытом и всем укладом раннего русского средневековья. В свете этих понятий и представлений о происхождении и раннем развитии искусства сказывания былин Чичеров и приступил к характеристике поздних школ непрофессионального исполнения былин у крестьян тех местностей, которые издавна были предметом пристального изучения ученых.

Устанавливая существование школ сказителей в трех местностях Заонежья, Чичеров исходит из наблюдений над спецификой в приемах разработки традиционных сюжетов. Он внимательно прослеживает различие «репертуаров», т. е. отбор тех былин, которые были любимы и часто исполнялись сказителями одной школы. Такой подход, разумеется, не снимал вопроса о традиционной общности творчества сказителей, отнесенных к разным школам. Наблюдение за местным разнообразием в разработке сюжетов, в исполнении предполагало в качестве основы устойчивость общежанровых, общеэпических границ. Разнообразие не выходит за пределы этих границ. Кроме того, местное своеобразие эпического творчества объяснялось не только деятельностью талантливых сказителей, но и тем, что оно тоже являлось результатом творчества нескольких певцов одной школы. Характеризуя во второй главе монографии школу Ильи Елустафьева, от которого пошло искусство знаменитого Трофима Григорьевича Рябина, Чичеров пишет: «Т. Г. Рябинин создавал свои былины о защите Родины, сохраняя эпическую величественность повествования, замедленно развертывая действие». Обзор репертуара Т. Г. Рябина позволил исследователю сделать вывод о том, что «в центре его (сказителя. — В. А.) творчества стояли былины воинские, героические, по преимуществу киевского цикла». Тема этих былин — «борьба богатырей с степным кочевьем, защита родины от врага», и эта тема «определяет круг образов, которые творчески осваивал сказитель».

По наблюдениям исследователя, «особенно тщательно обрисовывались Рябининым образы Ильи, Добрыни и их близких, противопоставляемые князю Владимиру с Апраксией, Алеше Поповичу, боярам». В творчестве Т. Г. Рябина и других сказителей одной с ним школы Чичеров усматривал «целую повесть о богатырях, героях, воплотивших идеалы правды, чести и доблести». Это классический тип народного эпоса. «На основе *воспринятой традиции* он (Т. Г. Рябинин. — В. А.) воссоздавал героические образы, оставаясь в пределах классического стиля эпической поэзии, *строго храня традиционные приемы поэтики*» (курсив мой. — В. А.). От Рябина традицию такого сказывания былин переняли и его ученики: воочию можно было убедиться в действии закона традиционной преемственности в исполнении былин, сохранения их эпического стиля. Значение этого вывода для науки очень велико, он противостоит тем излишествам и гиперболам, которые допускались в толковании творческой самостоятельности каждого отдельного сказителя в процессе передачи былин.

Мысль о преемственности в работе сказителей одной школы постоянно присутствует в конкретном разборе вариантов былин близких друг другу сказителей, в текстологических наблюдениях исследователя, хотя он неоднократно указывает на своеобразии отдельных вариантов. Елустафьевско-рябининская школа понимается Чичеровым как творческое целое. Сказители школы (кроме Ильи Елустафьева, Т. Рябинин, К. Романов, Т. Иевлев, Л. Богданов и наследники их мастерства в более позднее время) — это плеяда певцов, обязанных друг другу творческими находками, сохранением общего тона и склада использования былин: «Собранные все вместе, их былины образуют как бы особое гнездо былинной традиции Заонежья, гнездо вариантов, сходных в своей основе, но различных в деталях». Для подтверждения мысли об общих «основах» вариантов Чичеров во многих случаях приводит перечень мотивов, составляющих сюжет былин. Их совпадение и единый порядок следования друг за другом — важнейшее доказательство творческой близости исполнения былин.

Предметом анализа в третьей главе стала школа Конона Саввиновича Неклюдова. Прием и ход доказательств положений здесь, как и в последней, четвертой главе диссертации, с небольшими дополнениями и варьированием повторяется. Новизна выводов проистекает из самого содержания традиций былин у рассматриваемых певцов — в третьей главе преимущественно у певиц: С. К. Неклюдиной, Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и др. Изучение репертуара, приемов, особенностей былинного рассказа и предметно-тематической детализации привело Чичерова к выводу об отличии школы Конона Неклюдова от елустафьевско-рябининской. Исследователь пишет: «Елустафьевско-рябининская школа, как было показано, культивировала богатырские героические былины. В кононовской школе — явное преобладание былин-новелл с бытовой тематикой. За исключением былин об Илье, во всех других текстах героическая тема или не звучит, или подчиняется теме быта и личной жизни героев...». Такой характер традиций обнаруживает их сближение с особенностями балладных песен. Исследователь утверждает: «Из массы эпической поэзии отбирался материал, созвучный повседневной жизни и индивидуальным (хотя и обобщаемым) человеческим переживаниям». Для характеристики традиций школы Чичеров с наибольшей полнотой привлекал записи экспедиции 1926—1928 гг. И самый факт обилия таких записей, произведенных от сказителей XX в., унаследовавших кононовские традиции сказывания былин, признан исследователем за примечательную особенность: «Традиция Конона с Зяблых Нив широко вышла за пределы семейных преданий...». Изучаемый тип исполнения былин признан Чичеровым весьма устойчивым: «Кононовская традиция в искусстве мастеров-исполнителей — Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и других — и в творчестве переосмысливающих текст сказителей типа Н. С. Богдановой-Зиповьевой в своей основе оставалась неизменяемой». «Индивидуальное творчество сказителей, по точному па-

блюдению исследователя, врываясь в традицию этой школы, не разрушало, а дополняло ее».

В главе «Сказители Толвуя и Повенца и космозерская традиция былины» Чичеров выявил сложный состав творчества сказителей и традиций местного сказывания былин через отношение к предыдущим школам. «Перечень сюжетов,— пишет Чичеров о местном репертуаре,— обнаруживает параллельное существование героических былин и былин-новелл». Песенно-эпический репертуар Толвуя—Повенца, по характеристике ученого, «складывался из местных и загожих редакций». Особое значение в формировании этих традиций Чичеров придал космозерским певцам. В связи с последним обстоятельством исследователь уточнил положение Гильфердинга об общем делении былин на «прионежскую» (как указано, по народной терминологии, «заонежскую») и «северо-восточную» (Толвуй, бывший Повенецкий уезд и др.). «... Былины одной школы,— утверждает Чичеров,— могут появляться в разных местностях, могут выходить за пределы территориальной ограниченности; школы возникают как частные проявления идейно-художественных тенденций русского былинного эпоса, представляющего один из самых замечательных видов искусства трудового народа». О смысле этого утверждения речь должна идти особо, так как в сущности Чичеров доказал относительность и условность самого понятия «школа» в применении к местным традициям эпоса.

Воссозданная исследователем дифференциация искусства сказывания былин в Заонежье уточнилась еще более, когда Чичеров принял во внимание сказительские школы других местностей русского Севера. Выйдя за пределы наблюдений, связанных с анализом искусства сказывания былин на Онежском полуострове, Чичеров усмотрел в итоге на Онего-Каргопольщине существование былин трех типов из тех достаточно обособленных местностей: Прионежья, Северо-Востока (Кенозера и примыкающих к нему местностей) и Водлозера. Два первых типа достаточно резко отличаются друг от друга, а третий — своего рода промежуточный. При изучении региональных черт школ сказительства, в особенности при характеристике певцов Кенозера и прилегающих мест, Чичеров считал необходимым отметить прежде всего репертуарное отличие, в котором видел выражение пристрастий и вкусов сказителей этих мест по сравнению со сказителями других мест. Своеобразие усмотрено и в самом содержании былин, здесь записанных. Чичеров имел право на вывод о существовании и даже культивировании «областного типа былин», т. е. типа, отличного, в частности, и от прионежского. О кенозерском типе былины Чичеров писал, что «можно сделать вывод о менее активном звучании героических былин»¹³. Чичеров объяснил это отличие особенностями местного бытования.

¹³ Чичеров В. И. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины.— В кн.: Онежские былины, с. 49.

Таким образом, в итоге разысканий Чичерова оказывается доказанным, что традиции древнего эпоса дошли до нас по крайней мере в трех видах: эпос крестьянский, героический (Т. Г. Рябинин и его последователи), эпос, осложненный влиянием духовного стиха, творчества калек переходных (многие из традиций Кенозера), и эпос с печатью скоморошьей переделки (былины-новеллы и подобное им творчество). Эти традиции могли скрещиваться, являть разные виды сочетаний, а самый факт существования разных видов песенно-эпических традиций объясняется сложностью их исторической эволюции, отчасти — особенностями позднего их бытования.

Установление свойств разных исторических традиций эпоса, конкретно вскрытых Чичеровым и уложенных им в местную этнографическую классификацию, представляется важным для изучения былины — в особенности сегодня, когда их историзм и выяснение их исторического развития признается одной из первоочередных задач науки. Исследование «Школы сказителей Заонежья» сохраняет и в настоящее время значение для науки в своих конкретных историко-этнографических положениях и во многом в методологии.

Как уже говорилось, изучение личного творчества сказителей было для Чичерова формой анализа непосредственной народности эпоса. Народность эпоса была той точкой, в которой скрещивались все направления творческих идей Чичерова. Ученый стремился понять связь творчества сказителей с коллективными традициями народа. Для этого было важно понять свойства, которые унаследовали современные сказители у народной, демократической культуры, необходимо было уяснить древний характер эпоса. Такой подход ученого к изучению былины проявился во всех его трудах в пору работы над диссертацией, равно как и в трудах, созданных в последующее время. Очень ясно установки Чичерова, историка эпоса, проявились, к примеру, в рецензии на сборник С. И. Гуляева «Былины и исторические песни из Южной Сибири», изданный в 1939 г. под редакцией, со вступительной статьей и комментариями М. К. Азадовского¹⁴. В рецензии все внимание уделено сказителю Л. Г. Тупицыну. Чичеров так характеризует этого певца (равно как и других сказителей): «Образность описаний в былинах Тупицына и других сказителей базируется на вековой народной культуре. Талантливые сказители Алтая сохраняли в своем творчестве традицию, усложняли и совершенствовали искусство, *воспринятое от предыдущих поколений*» (курсив мой. — В. А.)¹⁵. Хотя интересы исследователя сосредоточены на уяснении творчества сказителей XIX в., а в других работах — на изучении творчества сказителей 20-х годов XX в., но содержание и формы сказительства рассматриваются через их отношение к предшествующим традициям. Здесь не

¹⁴ Лит. обзор., 1940, № 16, с. 32—34.

¹⁵ Там же, с. 33.

наблюдалось того отрыва от древних общерусских народных традиций, о котором со временем Чичеров сказал, что внимание к индивидуальному творчеству сказителей принимало «совершенно гиперболические формы»; и еще: «Творческая индивидуальность сказителя в сознании исследователя нередко заслоняла собою своеобразие коллективного творчества народа и вполне уподоблялась писательской»¹⁶.

Против сложившегося у Чичерова подхода к изучению творчества сказителей трудно было возражать, и только многочисленными и разнообразными отступлениями в сторону от этого правильного пути изучения эпоса можно объяснить необходимость и целесообразность той дискуссии, которая в конце 50-х годов прошла в фольклористике и, думается, дала свои положительные результаты — главным образом тем, что окончательно прояснила принципиальную сторону разных подходов к изучению устного творчества. Современные споры в этой области ведутся не столько вокруг общих тезисов, общих утверждений (о соотношении коллективного и личного начала, истории и современности в эпосе), сколько о том, как конкретно понимать соотношение указанных моментов. В конкретных положениях Чичеров указывает на верные пути исследования проблем. В особенности это становится ясным, если иметь в виду смысл утверждений ученого, а не стилистическую, терминологическую форму его суждений, типичную для науки конца 30-х — начала 40-х годов.

Возвращаясь к вопросу о понимании Чичеровым школ и проявлений личного начала в рамках традиции, можно заметить, что всякий раз, когда шла речь о резком отходе сказителей от традиции (а это явление стало нередким в XX в. ввиду общего ослабления традиционного начала в фольклоре), ученый всегда говорил об «индивидуальных вариантах», «индивидуальных текстах», выпадавших из традиции. Он их не смешивал с массовым, коллективным творчеством. Таково, например, суждение об «индивидуальных созданиях» сказителей, которые Чичеров отличал от «традиционных». При таком понимании становится ясным особый смысл, который вложен в суждения ученого о «ярких огнях индивидуальных талантов мастеров народного искусства», которые горят «в творчестве коллектива». Было бы непозволительным, если бы кто-нибудь повернул эти суждения против положения Чичерова о коллективной природе эпического творчества и стал судить о возможности постижения истории эпоса на основе этих «индивидуальных» вариантов не глубже эпохи XVIII—XX вв. Мысль о непосредственной зависимости эпического творчества от деятельности художественных индивидуальностей из народа имела в работе Чичерова строго оговоренный смысл. Идеи ученого в области изучения эпоса на Севере ведут к другим положениям, куда более значительным и ценным, чем те, которые у него обычно усмат-

¹⁶ Чичеров В. И. Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен, с. 23.

ривают. Во-первых, необходим учет своеобразия и неравноценности текстов былин, записанных в недавнее время, — в них могут быть представлены разные песенно-эпические традиции; во-вторых, надо принять во внимание распространенность скоморошин, духовного стиха на Севере и осложняющее влияние их стиля на передачу в народе былинных, песенно-исторических и балладных традиций, и главное — это в-третьих — надо отчетливо осознать значение общерусской крестьянской традиции в сохранении первоначальных, древнейших традиций эпоса.

Таким образом, ближайшее знакомство с направленностью текстологических разысканий автора особого и первого в русской науке труда о школах сказителей на русском Севере позволяет верно оценить достоинства исследовательского поиска, осуществленного задолго до работ современных опытов в области былиноведческой текстологии¹⁷.

Труд Чичерова-текстолога может уберечь современную науку от повторения ошибок и вместе с тем указывает на реальную плодотворность изучения традиционной стилистики русского эпоса в целях уяснения ее исторического происхождения.

* * *

Публикуемая кандидатская диссертация Чичерова «Школы сказителей Заонежья» появляется перед читателями в том самом виде, в каком была написана автором. Произведена только редакционная правка, касающаяся принятой ныне формы сносок. В некоторых случаях сделаны отмеченные отточиями незначительные сокращения, но они не меняют смысла изложения. Это касается, например, пересмотренной позднее Чичеровым оценки взглядов Ф. И. Буслаева и известной цитаты о «шлифовке» устных произведений. Чичеров незадолго до своей кончины критиковал этот тезис как упрощавший понимание творческого процесса в фольклоре.

Редактор вынес в приложении обширные сопоставительные таблицы, которыми Чичеров подкреплял свои выводы. Думается, это изменение, ничего не меняя в самой диссертации, в интересах читателей, которым будет легче ориентироваться в исследовании. Никаких других изменений в диссертации не произведено.

¹⁷ См.: *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца: Из текстологических наблюдений над былинами. — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966, с. 220—259; *Ухов П. Д.* Атрибуция русских былин. М., 1970; *Гацук В. М.* Эпический певец и его текст. — В кн.: Текстологическое изучение эпоса. М., 1971, с. 7—46; *Новиков Ю. А.* Эпическая традиция Пудожского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1976; *Азбелев С. Н.* Актуальные проблемы текстологии былин. — В кн.: Фольклор. Издание эпоса. М., 1977, с. 104—111; *Черняев И. Г.* Опыт изучения эпической памяти (на материале былин). — В кн.: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980, с. 101—134; *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: МГУ, 1980.

Полагаем, публикация позволит составить более полное представление о Чичерове как исследователе былин, поможет установить место этой работы в наследстве ученого, равно как и в истории науки о былинах. Ранний труд оставил след во всей системе взглядов ученого. Чичеров бы одним из ведущих исследователей фольклора в 40-е и 50-е годы. Как ученик Б. М. Соколова (в 20-е годы) и Ю. М. Соколова (в 30-е) он развивал усвоенные у своих учителей научные положения, но многое из воспринятого в работах ученого выглядит по-другому.

В своих трудах Чичеров предстает как исследователь, тесно связанный с творческими исканиями науки советского времени. Вместе со старшим поколением фольклористов, научные воззрения которых формировались до революции, в творческий процесс создания советской науки о фольклоре в 20—30-е годы влилась мысль молодого поколения ученых. И, думается, именно оно заложило основы советской науки о фольклоре при благотворном влиянии наиболее жизнеспособных принципов своих учителей. Поколение Чичерова и он сам в первую очередь внесли в науку о фольклоре много новых идей. Часть их формулировалась ясно и четко, другие — вчерне и нуждались в уточнении, но в любом случае они могут еще и сегодня стать отправной точкой для новых научных изысканий.

Публикация является данью уважения к памяти известного советского фольклориста. Будет не лишним напомнить о том, что после ухода из жизни Ю. М. Соколова Чичеров долгое время стоял во главе советской фольклористики. С его деятельностью и работой других фольклористов 30—50-х годов связано существование целого периода в становлении и развитии советской науки. Историографы, несомненно, укажут на это значение работ первого молодого поколения ученых, вступивших в научную жизнь после революции.

В. П. Аникин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
Глава I. СЕВЕР — ХРАНИТЕЛЬ БЫЛИН	5
Глава II. ЕЛУСТАФЬЕВСКО-РЯБИННИНСКАЯ ШКОЛА	29
Глава III. ШКОЛА КОНОНА С ЗЯБЛЫХ НИВ	77
Глава IV. СКАЗИТЕЛИ ТОЛВУЯ И ПОВЕНЦА И КОСМОЗЕР- СКАЯ ТРАДИЦИЯ БЫЛИН	109
ПОСЛЕСЛОВИЕ	132
ПРИЛОЖЕНИЯ	134
В. П. Аникин, В. И. ЧИЧЕРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО СЕВЕРА	185

Владимир Иванович Чичеров

ШКОЛЫ СКАЗИТЕЛЕЙ
ЗАОНЕЖЬЯ

Утверждено к печати
Научным советом по фольклору
при Отделении литературы и языка
Академии наук СССР

Редактор издательства
Е. Г. Павловская

Художник
Т. И. Алексеева

Художественный редактор
С. А. Литвак

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Корректор
Е. Н. Белоусова

ИБ № 22178

Сдано в набор 21.04.81
Подписано к печати 21.01.82
А-03/14. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. кр.-отг. 13,75
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 3550 экз. Тип. зак. 473
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ ПО ФОЛЬКЛОРУ:

ФОЛЬКЛОР: ПОЭТИКА И ТРАДИЦИЯ. 24 а. л. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Ответственный редактор В. М. Гацак.

В книге рассматривается эстетическое соотношение литературы и фольклора в прошлом и настоящем, поэтика устной традиции, принципы народного стихосложения, проблемы текстологии и систематики фольклорных произведений. В поле зрения авторов — фольклор народов СССР и ряда зарубежных стран Европы, Азии и Америки. Публикуются новооткрытые архивные материалы, а также обзоры и рецензии на советские и зарубежные фольклористические издания. Книга представляет интерес для филологов, фольклористов, для всех интересующихся историей культуры.

Виноградова Л. Н. **ЗИМНЯЯ КАЛЕНДАРНАЯ ПОЭЗИЯ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: ГЕНЕЗИС И ТИПОЛОГИЯ КОЛЯДОВАНИЯ.** Институт славяноведения и балканистики. 16 а. л.

В монографии рассматривается состав, структура и генетические истоки славянских народных коляд. Исследование богато иллюстрировано текстами обрядовой народной поэзии, часть которых публикуется впервые.

Книга представляет интерес для этнографов, фольклористов, историков славянской культуры, филологов, исследующих структуру текстов.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

БАРОККО В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ. 20 а. л. Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

В книге исследования специалистов по литературе, живописи, архитектуре объединены идеей комплексного подхода к культуре барокко, характеризуемого синтезом искусств. Авторы статей выявляют различия и общность художественного метода барокко, свидетельствующие о межславянских культурных контактах и национальной специфике.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
(«Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, проспект Га-
гарина, 24 («Книга — поч-
той»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
(«Книга — почтой»);
- 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, проспект Вернадского,
79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Кни-
га — почтой»);
- 277001 Кншинев, ул. Пирогова, 28
(«Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл.,
ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, проспект Мира,
84;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина,
2 («Книга — почтой»);
- 192104 Ленинград, Д-120, Литейный
проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер.,
2;
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский проспект,
72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный про-
спект, 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок,
Морской проспект, 22 («Кни-
га — почтой»);
- 142292 Пушкино Московской обл., МР
«В». 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибир-
яка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставе-
ли, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы наро-
дов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Кни-
га — почтой»);
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая,
49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Держинско-
го, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского,
87 («Книга — почтой»).

«Академкнига»